
№ 5
май
2021 г.

ПРАВО и
УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2021

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

LAW and MANAGEMENT

scientific and legal journal

Ежемесячный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам гражданского, административного права, судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, а также правовому мониторингу гражданского законодательства в России и мире

Monthly analytical scientific and legal journal on topical issues of civil, administrative law, judicial power, law enforcement and human rights activities, as well as legal monitoring of civil legislation in Russia and the world

Председатель редакционного совета:

доктор юридических наук, профессор
Василий Васильевич Гушчин

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор
Светлана Анатольевна Иванова

Заместитель главного редактора:

доктор юридических наук, доцент
Марат Селирович Шайхуллин

Литературный редактор:

Наталья Викторовна Кроткова

Корректор:

Вера Ивановна Козлова

Компьютерная верстка и дизайн:

Марина Владимировна Горячева

Учредитель и издатель:

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46150 от 12 августа 2011 г.)

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке e-LIBRARY.RU.

Адрес редакции (для писем): 111397,

г. Москва, Зеленый проспект, 22-302.

Homepage: www.law.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

Chairman of the Editorial Board:

doctor of law sciences, professor
Vasily Vasilievich Gushchin

Editor-in-Chief:

doctor of law sciences, professor
Svetlana Anatolyevna Ivanova

Deputy Editor-in-Chief:

doctor of law sciences, associate professor
Marat Selyovich Shaikhullin

Literary Editor:

Natalya Viktorovna Krotkova

Corrector:

Vera Ivanovna Kozlova

Computer layout and design:

Marina Vladimirovna Goryacheva

Founder and Publisher:

Publishing house «YURKOMPANI»

Registered with the Federal Supervision Service in communications, information technology and mass communications (Certificate on registration of mass media PI No. FS77-46150 dated August 12, 2011)

Included in the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and registered with the Scientific Electronic library e-LIBRARY.RU.

Editorial address (for letters): 111397, Moscow, Green Avenue, 22-302.

Home page: www.law.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Право и управление» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

When using published materials, the link to the magazine "Right and Control" is mandatory. Materials published in the journal can be placed in electronic legal databases and reference systems. All manuscripts sent are subject to mandatory review. The author of the manuscript is informed of the decision. The editorial opinion may not coincide with the opinion of the author.

Индекс подписки в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46148

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **В.В. Гуцин** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Специальность: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

В.П. Камышанский - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Российского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Е.В. Богданов - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

В.Н. Ткачев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

Специальность: 12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности

О.В. Химичева - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя

В.В. Сангаджиев - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

А.П. Галоганов - доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.В. Гребенников - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.В. Комарова - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Российской Федерации Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Специальность: 12.00.14 – Административное право, финансовое право, информационное право

С.М. Зырянов - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Р.М. Мырзалимов - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор кафедры административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени ЖусупаБаласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

Ю.М. Алпатов - доктор юридических наук, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Председатель Президиума МГКА «Московская гильдия адвокатов и юристов»

А.М. Воронов - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России

Н.К. Потоцкий - доктор юридических наук, профессор, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

EDITORIAL BOARD

Chairman: **V.V. Gushchin** - doctor of legal sciences, professor, professor of the Department of copyright, related rights and private law disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property

Specialty: 12.00.03 - Civil law; business law; family law; private international law

V.P. Kamyshansky - head of section, doctor of law, professor, head of the Department of civil law, FSBOU VPO "Kuban State Agrarian University," head of the Department of civil law and process, Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Russian, Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation

E.V. Bogdanov - scientific secretary of section, doctor of law sciences, professor, professor of the Department of civil law disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

A.V. Barkov - doctor of jurisprudence, professor, professor of department of civil law of the Saratov state legal academy, the Honored lawyer of Russia

V.N. Tkachyov - doctor of jurisprudence, professor, the Honored lawyer of Russia, professor of department of civil disciplines of Plekhanov Russian Academy of Economics

Specialty: 12.00.11 - Judiciary, prosecutorial supervision, organization of law enforcement

O.V. Khimicheva - head of section, doctor of legal sciences, professor, head of the Department of criminal procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikotya

V.V. Sangadzhiev - scientific secretary of section, doctor of law, professor, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences, professor of the Department of judicial power, law enforcement and human rights activities of the RUDN Law Institute

A.P. Galovanov - doctor of legal sciences, Honored Lawyer of Russia, president of the Moscow Region Bar, president of the Federal Union of Lawyers of Russia, vice-president of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.V. Grebennikov - doctor of legal sciences, professor, Honored Lawyer of Russia, head of the Department of judicial power, law enforcement and human rights activities of the RUDN Law Institute

V.V. Komarova - doctor of jurisprudence, professor, head of the Department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGUA)

Specialty: 12.00.14 - Administrative law, financial law, information law

S.M. Zyryanov - head of section, doctor of legal sciences, professor, chief researcher of Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

R.M. Myrzalimov - scientific secretary of section, doctor of law sciences, professor of the Department of administrative law, faculty of law, ZhusupBalasagyn Kyrgyz National University, member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic

Y.M. Alpatov - doctor of law, corresponding member of the Russian academy of natural sciences, chairman of the presidium of the Moscow Guild of Lawyers and Lawyers

A.M. Voronov - doctor of legal sciences, professor, chief researcher of All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

N.K. Pototsky - doctor of legal sciences, professor, professor of the A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Иванова - председатель, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН.

М.С. Шайхуллин - первый заместитель главного редактора доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем прав

Е.Г. Багреева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Н.И. Беседкина - кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Л.Ю. Грудцына – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Почетный адвокат России, эксперт РАН

И.В. Дойников - доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Р.А. Каламкарян - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

И.А. Конюхова – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия

Н.В. Кроткова - кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» Российской академии наук

А.Н. Левушкин - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

В.О. Миронов - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Ю.В. Николаева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

А.В. Рагулин - доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов

Г.М. Резник - кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, член Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

Т.А. Сошникова - доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В.Е. Усанов – доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова

Г.Г. Шинкарецкая - доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Е.Н. Щербак – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета

Н.Д. Эриашвили - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

EDITORIAL BOARD

S.A. Ivanova - chairman, editor-in-chief, doctor of law sciences, professor, deputy first vice-rector for educational and methodological work, professor, Department of Finance University under the Government Russian Federation, expert of the Russian Academy of Sciences

M.S. Shaikhullin - first deputy chief editor, doctor of legal sciences, associate professor, head of the Center for state legal research of the Eurasian Research Institute of Human Rights Problems

E.G. Bagreeva- doctor of jurisprudence, professor, professor of Department of legal regulation of economic activity Financial University under the Government of the Russian Federation

N.I. Besedkina - candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the Department of legal regulation of economic activities of Financial University under the Government of the Russian Federation

L.Yu. Grudtsina - doctor of law, professor, professor, Department of civil law and civil process, Northwestern Institute (branch) of O.E. Kutafin University (Moscow State University), Honorary lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

I.V. Doinikov - doctor of law sciences, professor, professor, Moscow City University of Management of the Moscow Government

A.A. Dorskaya - doctor of legal sciences, professor, head of the Department of international law of the Russian State Pedagogical University of A.I. Herzen

R.A. Kalamkaryan - doctor of law, professor, leading researcher in the international legal research sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, professor of the Department of international law of the Russian Peoples' Friendship University

I.A. Konyukhova - doctor of legal sciences, professor, head of the Department of constitutional law and professor of the Department of constitutional law of the Russian Academy of Justice

N.V. Krotkova - candidate of legal sciences, leading researcher in the constitutional law and constitutional justice sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief of the journal "State and Law" of the Russian Academy of Sciences

A.N. Levushkin is a doctor of jurisprudence, professor, professor of department of enterprise and corporate law of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin, professor of department of civil law of the Russian state university of justice

V.O. Mironov is a doctor of jurisprudence, professor, professor of “State Law and Management of Customs Activity” department of the Vladimir state university him. A.G. and N.G. Stoletovkh

Yu.V. Nikolaeva is a doctor of jurisprudence, professor, professor of Department of legal regulation of economic activity of Financial University under the Government of the Russian Federation

A.V. Ragulin is a doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of the center of a research of problems of the organization and activity of legal profession of the Eurasian research institute of problems of the right, the Chairman of the commission on protection of the rights of member lawyers of lawyer formation of the Guild of Russian Lawyers

G.M. Reznik - Candidate of Legal Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Public Chamber of the Russian Federation, Member of the Presidential Council for the Improvement of Justice, Vice-President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

T.A. Soshnikova is a doctor of jurisprudence, professor, the dean of law department, the manager of department of civil process and the social industries of the right of the Moscow humanities university

D.P. Strigunova is a doctor of jurisprudence, the associate professor, the associate professor of the international and integration law of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

V.E. Usanov is a doctor of jurisprudence, professor, the academician of the Russian Academy of Education, professor of department of state and legal and criminal disciplines of the Russian economic university him G.V. Plekhanova

G.G. Shinkaretskaya - Doctor of Law, Chief Researcher, International Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

E.N. Shcherbak - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities

N.D. Eriashvili - doctor of economics, candidate of law, candidate of historical sciences, professor, professor of the Department of civil and labor law, civil process, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

Зарубежные члены Редакционной коллегии:

- Ари Палениус** – проф., директор кампуса г. Керавы Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)
- Арройо Эна Росьо Карнеро** – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо.
- Безерра Феликс Валуа Гуара** – JurisDoctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.
- Велиев Исахан Вейсалоглы** – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
- Деян Вучетич** – доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)
- Джун Гуан** – проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)
- Дуран Роберто Альваро Гусман** – JurisDoctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии.
- Ким Эшли** – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.
- Лай Дешенг** – проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)
- Марек Вочозка** – проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)
- Миндагулов Алькен Хайдарович** – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)
- Нематов Акмал Рауфджонович** – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)
- Она Гражина Ракаускиене** – проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)
- Пол Брэнд** – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)
- Пол Дэвис** – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)
- Предраг Димитриевич** – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)
- Тепман Леонид Наумович** – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)
- Чирич Александр** – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Foreign members of the Editorial board:

- Ari Palenius** – prof., Director of the campus, the KeravaLaurea University of Applied Sciences (Finland)
- Arroyo Ena RosyoKarnero** – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo.
- Bezerra Felix Valois Goira** – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins.
- VeliyevIsakhan Veysal Oglou** – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)
- Dejan Vuchetich** – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)
- Jun Guan** – prof. Deputy, Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)
- Durán Roberto Alvaro Guzman** – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia.
- Kim Ashley** – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.
- Lai Desheng** – prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)
- Marek Vochozka** – prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)
- Mindagulov Alken Haydarovich** - Doctor of Law sciences, Professor (Republic of Kazakhstan)
- Nematov Akmal Raufdzhonovich** – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)
- Ona Grazyna Rakauskiene** – prof., University Mykolas Romeris (Lithuania)
- Paul Brend** – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)
- Paul Davies** – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)
- Predrag Dimitriyevich** – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)
- Tepman Leonid Naumovich** – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)
- Chirich Alexander** – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

Содержание:

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Сошникова Т.А.** * Елена Андреевна Лукашева – имя в науке прав человека 11
- Синяева Н.А., Чернявский А.Г.** * Модели конституционного государства в проектах основных законов России начала XX века 21

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

- Свиридова Е.А.** * Пародия на товарные знаки и торговые марки в российской и французской судебной практике 30
- Якимова Е.С.** * Соотношение принципа добросовестности и эстоппеля в российском гражданском праве на современном этапе 37

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Мырзалимов Р.М., Жайлаубай Ж.Н.** * Банковские правоотношения в системе права Кыргызской Республики 42
- Кондратенко М.А.** * Актуальные вопросы развития специальных налоговых режимов в России на примере Нижегородской области 47
- Чернявский А.Г., Грудцына Л.Ю.** * Инвестиционная привлекательность государственных корпораций и обеспечение безопасности и защиты государственной тайны (в части финансовых и экономических показателей деятельности) 51

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Шокумов Ю.Ж.** * Проблемы толкования права в гражданском судопроизводстве в России и пути их решения 58
- Газимагомедов М.А.** * Судебные решения в уголовном процессе 67

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА

- Камил кызы Г.** * Оценка относимости показаний подозреваемого 72
- Гримальская С.А.** * К вопросу о конструировании норм об ответственности за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства 76

ДИСКУССИЯ

- Алпатов Ю.М., Гребенников В.В., Грудцына Л.Ю., Молчанов С.В., Сангаджиев Б.В.** * Государственный контроль (надзор) в сфере образования 82

Contents:

HUMAN RIGHTS AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES

- Soshnikova T.A.** * Elena Andreevna Donbass - name in the science of human rights 11
- Sinyaeva N.A., Chernyavsky A.G.** * Models of the constitutional state in the draft basic laws of Russia of the beginning of the twentieth century 21

CIVIL LAW THEORY

- Sviridova E.A.** * Parody of trademarks and trademarks in Russian and French judicial practice 30
- Yakimova E.S.** * Relationship of the principle of good faith and estoppel in Russian civil law at the present stage 37

CORPORATE LAW

- Myrzalimov R.M., Zhailaubai Zh.N.** * Banking legal relations in the system of law of the Kyrgyz Republic 42
- Kondratenko M.A.** * Topical issues of the development of special tax regimes in Russia on the example of the Nizhny Novgorod region 47
- Chernyavsky A.G., Grudtsina L.Yu.** * Investment attractiveness of state corporations and ensuring security and protection of state secrets (in terms of financial and economic indicators of activity) 51

JUDICIARY AND JUDICIAL PROCEEDINGS

- Shokumov Yu.Zh.** * Problems of interpretation of law in civil proceedings in Russia and ways to solve them 58
- Gazimagomedov M.A.** * Court decisions in criminal proceedings 67

LAW ENFORCEMENT AND ADVOCACY

- Kamil Kyzy G.** * Assessment of the relevance of the suspect's testimony 72
- Grimalskaya S.A.** * On the issue of designing norms on liability for inducing suicide or facilitating suicide 76

DISCUSSION

- Alpatov Yu.M., Grebennikov V.V., Grudtsyna L.Yu., Molchanov S.V., Sangadzhiev B.V.** * State Control (Supervision) in Education 82

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВООЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

DOI:10.24412/2224-9125-2021-5-11-20

NIION: 2021-0079-4/21-025

MOSURED: 77/27-025-2021-04-025

УДК – 347

ББК – 67.404

СОШНИКОВА Тамара Аркадиевна,

декан юридического факультета

Московского гуманитарного университета,

доктор юридических наук, профессор,

академик Центральной Европейской Академии науки,

литературы и искусства (Сорбонна, Париж),

Почетный работник высшего профессионального образования,

e-mail: mail@law-books.ru

**12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право;
международное частное право**

ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА ЛУКАШЕВА – ИМЯ В НАУКЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Статья посвящена выдающемуся ученому в области прав человека, автору многочисленных учебников, монографий и статей о правах человека, доктору юридических наук, члену-корреспонденту Российской Академии наук, много лет возглавлявшему сектор прав человека Института государства и права РАН, Елене Андреевне Лукашевой в связи с ее юбилеем.

Ключевые слова: права человека, международные конференции, доклад, научное сообщение, Московский гуманитарный университет.

SOSHNIKOVA Tamara Arkadievna,

Dean of the law faculty of Moscow University for the Humanities,

doctor of legal Sciences, Professor, academician of Central

European Academy of science, literature and art (Sorbonne, Paris)

Honorary worker of higher professional education

ELENA ANDREEVNA LUKASHEVA – NAME IN THE SCIENCE OF HUMAN RIGHTS

Annotation. The article is devoted to the outstanding scientist in the field of human rights, the author of numerous books, monographs and articles on human rights, doctor of law Sciences, member-correspondent of the Russian Academy of Sciences, many years headed the sector of human rights, Institute of state and law of RAS, Elena Andreevna Lukasheva in connection with its anniversary.

Key words: human rights, international conference, report, scientific report, Moscow University for the Humanities.

Московскому гуманитарному университету (МосГУ) и его юридическому факультету несказанно повезло. Начиная с 2009 г. ежегодно, а иногда и дважды в течение учебного года в Университете на совместных конференциях, которые организует юридический факультет вместе с Институтом государства и права РАН (а фактически всю работу проводил сектор прав человека), выступала с докладами Елена Андреевна Лукашева, а профессорско-преподавательский состав, студенты, магистранты и аспиранты МосГУ и других научных и

образовательных организаций России и зарубежных государств имели возможность слышать ее выступления, изучать ее труды, поскольку каждый раз по итогам конференций Московский гуманитарный университет публиковал сборники научных трудов представителей науки и образования, выступавших с научными сообщениями на конференциях.

Так, 20 октября 2009 г. на юридическом факультете Московского гуманитарного университета состоялась Международная научная конференция «Европейская социальная хартия:

вызовы и реальность». Россия только 3 июня 2009 г. ратифицировала этот важнейший международный документ, правда не в полном объеме. Но в любом случае это было важное событие для нашей страны.

С докладом выступила доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, заведующая сектором прав человека Института государства и права РАН Е.А. Лукашева.

Ее доклад назывался **«Достоинство человека – основополагающая идея социальной политики России»**. Она подчеркнула, что подписание Европейской социальной хартии – важный шаг на пути развития и обогащения социальной политики государства, установления справедливости и обеспечения достоинства человека. Достоинство – одна из важнейших ценностей, определяющих развитие и самого индивида, и всего общества. «Достоинство – пишет она, – это не только принцип, определяющий положение человека в системе общественных связей, но и его естественное неотъемлемое право, которое существует наряду с другими неотъемлемыми правами – правом на жизнь, на личную неприкосновенность, на свободу мнений и убеждений, свободу совести и др.» И в этом с Еленой Андреевной невозможно не согласиться.

Социальная политика государства, основанная на принципах свободы, демократии, справедливости, неотделима от охраны достоинства человека. Однако пока российское государство трудно считать социальным. Поэтому в своем докладе Е.А. Лукашева сконцентрировала внимание на основных направлениях деятельности Правительства России по обеспечению достоинства человека [2].

13–14 мая 2010 г., на следующий день после принятия Государственной Думой РФ в третьем чтении Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», в Московском гуманитарном университете состоялась международная научно-практическая конференция «Проблемы интеграции мигрантов в российском обществе». На этой конференции Елена Андреевна выступила с докладом на тему: **«Социально-психологические аспекты миграции в Российской Федерации: исторические истоки и современность»**. Она обратила внимание на цивилизационные, социокультурные, а также социальные аспекты проблем миграции, подчеркнув, что Россия готова принимать для работы иностранных граждан, но создать им нормальные, человеческие условия пока не в состоянии. Поэтому необходим социокультурный диалог на различных уровнях: государственном, неправительственных

организаций, трудовых коллективов. Социально-психологическая перезагрузка сознания сторон – и жителей принимающей стороны, и тех, кто прибывает в нее, – важнейшее условие нравственной перестройки, утверждения человеческого достоинства [12].

20–21 октября 2010 г. в Московском гуманитарном университете проводилась международная научно-практическая конференция, посвященная 60-летию со дня принятия Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Ее учредителями были Информационный офис Совета Европы в Российской Федерации, Московский гуманитарный университет и Институт государства и права РАН.

Обсуждение проблем на конференции было организовано в трех секциях:

- «Права человека: международное и национальное измерение»;
- «Правовые позиции Европейского Суда по правам человека»;
- «Молодежная секция».

Елена Андреевна была сопредседателем организационного комитета конференции и выступила с докладом на тему: **«Нравственные ориентиры Европейского Суда»** [6, с. 166–173].

В своем выступлении она отметила, что европейская система защиты прав и свобод человека подтвердила важность исполнения общих принципов, лежащих в основе создания Совета Европы и принятия Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Она впервые показала, что эффективность международно-правовых норм зависит не только и не столько от провозглашения нормативных предписаний, сколько от четко отлаженных правовых процедур и механизмов, которые способны перевести эти нормативы и стандарты в реальные действия, гарантирующие реализацию прав и свобод лиц, находящихся под юрисдикцией государств, принявших и ратифицировавших Конвенцию.

Е.А. Лукашева подчеркнула, что категории «совесть», «справедливость», «защита достоинства, чести, свободы человеческого духа» явились опорными нравственными критериями не только при обсуждении Конвенции, они сопутствовали и сопутствуют всей шестидесятилетней деятельности Европейского Суда.

В период с 26 октября по 19 ноября 2011 г. в Московском гуманитарном университете была организована 3-я Международная молодежная научная конференция **«Гражданское общество в эпоху глобальной информатизации»**, которая проводилась при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и участия Института государства и права РАН. Начало конференции положило заседание сек-

ции «Правовые и социокультурные основы формирования гражданского общества». Как всегда, с основательным научным сообщением, посвященным динамике развития гражданского общества, выступила Е.А. Лукашева. Она подчеркнула, что гражданское общество – это весьма противоречивое образование. С одной стороны, оно должно быть самостоятельным по отношению к государству, а с другой стороны, оно нуждается в поддержке государства. Становление гражданского общества всегда происходит болезненно, это длительный процесс, начавшийся со времен Великой французской революции и не завершившийся до наших дней. В современный период для гражданского общества важно взаимодействие с государством, бизнесом, профсоюзами и другими общественными организациями [1].

17 мая 2012 г. в Московском гуманитарном университете состоялась Международная научно-практическая конференция «Право и культура».

Елена Андреевна выступила с докладом «**Право в социокультурной системе**». Она обратила внимание на множество определений понятия культуры в современном мире. «По подсчетам американских культурологов А. Кребера и К. Клакхона, – пишет автор, – с 1871 по 1919 г. было дано семь определений культуры, с 1920 по 1950 г. их число возросло до 150. В отечественной культуре в этот период их насчитывалось более 400. Сейчас число определений измеряется уже четырехзначными цифрами. Такой интерес к понятию культуры объясняется тем, что культура – всеохватывающая среда обитания человека, его сознания и деятельности. Поэтому культура стала предметом изучения не только культурологов, но и философов, социологов, антропологов, историков и, конечно же, юристов. Для правоведов культурный контекст открывает новые аспекты поведения человека, его психологии (общей и социальной), объясняет причины возрастания негативных явлений в правовой сфере, расширяет подходы не только к закону, праву, но и к общей социокультурной ситуации в обществе. Многогранность культуры позволяет глубже осознать мотивы поведения человека (правомерного или противоправного), учесть специфику культурных компонентов, способных активно влиять на сознание и поведение людей, в том числе, и в области права».

Она подчеркнула, что не может быть единой, глобальной культуры, хотя дискуссии на этот счет ведут многие ученые. Эти идеи утопичны, неприемлемы, поскольку многообразие культур создавалось тысячелетиями; принципы, ценности, эталоны каждого социокультурного образования или цивилизации предаются из поколения в поколение, глубоко входят в сознание людей,

которые твердо отстаивают свою религию, традиции, обычаи, нравственность и др. Современный мир развивается под воздействием двух процессов – глобализации, с одной стороны, и самоутверждения цивилизаций, осознания ими своеобразия и ценности собственной культуры и соответственно путей развития культурно-исторических общностей (цивилизаций) – с другой.

Е.А. Лукашева делает вывод, что межкультурный диалог, взаимодействие культур, преодоление межкультурных барьеров очень важно для объединения людей в решении основных вопросов мироустройства. Такое объединение должно основываться на общепризнанных человеческих ценностях, таких, как:

- признание и соблюдение принципов, провозглашенных в Уставе Организации Объединенных Наций;
- утверждение веры в основные права человека, достоинство и ценность личности;
- признание верховенства права, свободы, справедливости;
- признание равенства культур различных цивилизаций;
- уважение к человеку, воспитанному в иной социокультурной общности;
- осознание необходимости бережного отношения к окружающей среде;
- взаимообмен культурными ценностями, инновациями в науке, технологиях, производстве;
- недопустимость насильственного навязывания эталонов и ценностей «сильных цивилизаций» иной социокультурной среде;
- соблюдение «правил честной игры» в мирохозяйственных взаимосвязях, исключая использование рабочей силы и природных богатств странами «золотого миллиарда» в ущерб народам развивающихся стран;
- объединение усилий для борьбы против любых экстремистских проявлений, препятствующих сохранению нормальной жизнедеятельности людей, стран, цивилизаций.

Автор отмечает, что за годы, прошедшие после принятия международно-правовых актов о правах человека, и в законодательной практике, и в правовом и нравственном сознании народов социокультурных общностей происходит трансформация, переоценка значимости обычаев и традиций, которые причиняют вред физическому или психическому здоровью человека. В современном мире речь идет о необходимости сохранения традиционных ценностей, не противоречащих законодательству и общечеловеческой нравственности, искоренению традиций антигуманной направленности, постепенному формированию правового общественного сознания

ния, воспринимающего те универсальные стандарты прав человека, которые призваны обеспечить его свободный выбор, освобождение от давления ортодоксальных предписаний религии и вероучений, нормальную жизнедеятельность человека и народа.

Но путь этот еще не пройден, и необходимо длительное время для полного вхождения людей и сообществ в правовое пространство универсальных ценностей [8, с. 12–23].

24–25 октября 2012 г. Московский гуманитарный университет совместно с Институтом государства и права Российской академии наук, Ассоциацией юридических вузов и Международным союзом юристов провели Международную научно-практическую конференцию «Российское государство в переходный период (проблемы и перспективы)».

Елена Андреевна Лукашева выступила с научным сообщением на тему: **«Государство, экономика, идеология»**.

Она обратила внимание на то, что российское общество более двадцати лет проходит стадию реформирования. Однако до настоящего времени у нас нет ответа на вопрос о том, какова цель реформирования, какая социальная система должна сформироваться в результате проводимых реформ. Мы не можем найти наименования этому политическому строю, вернее, можем, но произносить режущее слух большинства населения страны слово «капитализм» не принято. Равно как не получает четкого обозначения социальная структура общества: есть рабочий класс, есть крестьянство, да и «прослойка» – интеллигенция, как бы есть. Но класс буржуазии, а он, безусловно, в наличии имеется, у нас не принято называть.

«Такая ситуация объяснима, – пишет автор. – Ведь за годы своего существования капитализм дал толчок прогрессу, способствовал развитию новых технологий, которые облегчают положение населения. Однако в последние десятилетия он зашел в тупик – социальное размежевание, безработица, периодические кризисы и т.д. Человечество подошло к черте, когда необходимо решать вопрос о дальнейших формах организации социального строя, который способствовал бы формированию общества, обеспечивающего устойчивость развития и открывающего новые возможности для человека, новые политические и социальные способы достижения согласия и солидарности в социуме».

Проанализировав проблемы российской экономики, политики и идеологии Елена Андреевна Лукашева полагает необходимым принятие следующих мер, чтобы наше государство не только в Конституции, а на самом деле могло называть себя правовым и социальным:

- организовать экономическое развитие, которое обеспечивало бы устойчивый рост ВВП, позволяющий устанавливать прочные гарантии экономических, социальных и культурных прав граждан посредством увеличения доли социальных расходов в бюджете, создании социальных программ, организации государственных фондов поддержки, экологических мер, установления контроля над движением денежных потоков;
- развивать инновационную экономику, основанную на наукоемких производствах, вложении средств в человеческий капитал, обучение и переобучение людей, способных работать в «умной экономике», выпускать конкурентоспособную продукцию, гарантирующую достойные заработки, стимулирующую потребительский спрос. Сегодня доля наукоемкой продукции на мировых рынках составляет 0,2–0,3%;
- осуществлять контроль над рынком труда, своевременной и справедливой его оплатой, которая не должна быть ниже прожиточного минимума;
- рационально размещать производства, обеспечивающие рабочие места гражданам, проживающим в регионах, с тем, чтобы их жители не становились «кочевниками», скитающимися по стране в поисках рабочих мест;
- справедливо и рационально устанавливать земельные отношения, создавать условия для получения земли теми, кто на ней работает, исключить спекулятивные сделки с земельными угодьями, ущемляющими права крестьянства; субсидировать фермерские хозяйства, создавать условия для реализации производимой ими продукции;
- восстановить систему производственного обучения в ремесленных и фабрично-заводских училищах, что будет способствовать ликвидации острого недостатка в квалифицированных рабочих;
- формировать инфраструктуры, позволяющие вывести население из бытовых условий, неприемлемых в XXI в., обеспечить ему достойную жизнь, школы, больницы, телефонную сеть, газ, водоснабжение и т.д.;
- использовать конституционные нормы и принципы для установления и диалога власти и народа, солидарности и сплоченности всех социальных групп.

16–17 мая 2013 г. на Международной научно-практической конференции «Законность и правосознание» Елена Андреевна Лукашева выступила с докладом **«Правовой нигилизм – социальный код российской цивилизации»**. В

своем выступлении она обращает внимание на причины, способствующие распространению данного явления в период формирования правового социального государства, демократии, гражданского общества.

Оценить современное состояние правосознания общества невозможно, если учитывать события последних двух десятилетий. Необходимо анализировать исторические корни правового нигилизма, социальные причины его развития, полагает автор.

Разгул преступности, всеохватывающая коррупция, неравенство граждан перед законом, жестокие проявления дедовщины в армии, условия содержания осужденных, падение нравственности, пьянство, наркомания, тысячи бездомных и безнадзорных детей, брошенные старики, рейдерство и т.д. – это признаки неустойчивости общества. Оценивая успехи развития России, преждевременно объявлять наше общество стабильным, не замечать угроз устойчивому развитию страны, связанных с наличием этих факторов. Они не менее серьезны, чем недружественные действия зарубежных государств. И необходима четко выраженная программа их реального преодоления, в создании которой должны принимать участие не только государственные структуры, но и все население страны.

Главное в борьбе с правовым нигилизмом – формирование культуры, нравственности, правосознания, тех элементарных правил общения людей, которые известны с древних времен, записаны в Священных книгах, обращены к совести людей, их чести и достоинству [9, с. 24–32].

23 октября 2013 г. состоялась Международная научно-практическая конференция «Конституция Российской Федерации 1993 года – этапы конституционного строительства и современная реальность», посвященная двадцатой годовщине действия Конституции России. Соучредителями указанной конференции выступили Московский гуманитарный университет, Институт государства и права РАН и Международный союз юристов.

Активное участие в подготовке и проведении конференции приняли представители Союза юристов Москвы и Московского общества трудового права и права социального обеспечения.

Информационную поддержку всех конференций, которые проводятся в МосГУ, осуществляет компания «КонсультантПлюс», с которой Университет и его юридический факультет сотрудничают много лет.

В ходе конференции проведено пленарное заседание и организована работа трех секций – «Конституция и современность», «Социально-экономические права человека» и «Молодежная секция», на заседании которой выступают студенты, магистранты и аспиранты МосГУ, МГУ им.

М.В. Ломоносова, Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Академии Генеральной прокуратуры, МГПУ и других вузов Москвы.

Как всегда, с глубоким, интересным научным докладом «**Конституция Российской Федерации: политические права и свободы человека**» выступила Елена Андреевна Лукашева.

Она отметила: «Принятие Конституции РФ 1993 г. явилось великим событием в жизни нашего народа, в истории его развития. Оценить эти события можно лишь с учетом всех сложностей, трагедий, взлетов и падений на пути развития российской цивилизации. Без этого трудно ответить на вопрос, почему и после принятия Основного Закона наше общество проходит серьезные испытания и в сфере демократии, и формирования правового социального государства, развития инновационной экономики, создания «качества жизни», которые являются важным условием обеспечения достоинства народа, его заинтересованного участия в реформировании общества».

Автор пишет, что Конституция России 1993 г. принималась в крайне сложных условиях: неожиданный и непредвиденный распад Союза, резкое падение производства, материальные трудности, связанные с разбалансированием административно-командной системы, кризис общественного сознания, неясность дальнейшего вектора движения.

И в этой ситуации трудностей, противоречий, резкой поляризации мнений различных общественных сил и группировок необходимо было установить демократический и общественный порядок, государственный порядок, принять стандарты современного мироустройства с рыночной экономикой, инновационным развитием, свободой человека.

Конституция РФ имела огромное историческое значение, поскольку она всем своим содержанием утверждала полный разрыв с предшествующей практикой государственности, планового хозяйства, административно-командными методами руководства обществом.

Такой разрыв определялся, прежде всего, установлением нового характера отношений власти и человека. Статья 2 Основного закона провозглашала: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Такой подход определяет приоритет прав человека в обществе и государстве.

Конституция России призвана учить нас демократии, защите прав человека и справедливости, подчеркивает Е.А. Лукашева. Однако справедливость демократии состоит не во вседозво-

ленности ее участников. Она имеет четко очерченные границы – правовые ограничения прав и свобод, которые предусмотрены в международно-правовых актах о правах человека, в Конституциях зарубежных стран и в российской Конституции (ст. 55).

Недопустимы экстремистские действия, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, национального, расового, религиозного или языкового превосходства (ст. 29 Конституции РФ). Эти положения должны быть незыблемы для обеспечения стабильности общества, его демократического развития, отмечает автор [4, с. 26–34].

20 мая 2014 г. в Московском гуманитарном университете состоялась Международная научная конференция «**Взаимодействие права и морали**», на которой Елена Андреевна выступила с научным сообщением на тему: «**Взаимодействие права и морали: общее и особенное**».

Автор ставит важные общие вопросы о взаимодействии права и морали. Такое взаимодействие существует на протяжении многих веков, однако универсальных стандартов взаимодействия важнейших социальных регуляторов нет. Каждая цивилизация устанавливает собственные приоритеты во взаимодействии права и морали. Е.А. Лукашева делает вывод о необходимости морального измерения права.

Она подчеркивает, что право и мораль обладают способностью проникать в различные области общественной жизни. Ни право, ни мораль не ограничиваются предметно обособленной сферой социальных отношений. Они связаны с поведением людей в широких областях их социального взаимодействия. Учитывая это и принимая во внимание «универсальность» морали, ее «вездесущий», «всепроникающий» характер, можем сделать вывод о том, что нельзя разграничивать право и мораль по предметным сферам их действия. Они действуют в едином «поле» социальных связей. Отсюда общность, тесное взаимодействие норм права и морали.

Автор отмечает, что все элементы правовой и моральной систем возникают не поэтапно, не последовательно; процесс их возникновения предполагает диалектику деятельности сознания, закономерностей повторения «связанного ряда форм общения». Поэтому, выделяя в правовой системе правовые отношения, правосознание, правовые нормы, а в моральной системе – нравственные отношения, моральное сознание, нравственные нормы, мы неизменно должны учитывать сложную диалектику взаимодействия элементов внутри каждой системы. Вместе с тем, выявляя общее в указанных системах, следует учитывать, что общественные отношения, входя-

щие в данные системы, в своей основе не подлежат предметному разграничению. Правосознание и правовые нормы, нравственное сознание и нравственные нормы действуют в едином поле общественных отношений, отражая их различные стороны специфическими для каждого из этих регуляторов средствами.

Тесная связь правовых и моральных норм наиболее убедительно проявляется в том, что мораль выступает в качестве ценностного *критерия права*. Оценка правовых систем в категориях морали – один из важнейших аксиологических критериев права, делает вывод автор [3].

23 октября 2014 г. в Московском гуманитарном университете прошла Международная научно-практическая конференция «Права человека в современном мире: новые вызовы и трудные решения», соучредителями которой выступили Московский гуманитарный университет, Институт государства и права РАН, Международный союз юристов и Ассоциация юридических вузов. Активное участие в подготовке и проведении конференции принимали члены Совета Союза юристов Москвы и члены Правления Московского общества трудового права и права социального обеспечения.

Как всегда, с глубоко продуманным докладом на тему: «XXI век: падение престижа прав человека» выступила член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, заведующая сектором прав человека ИГП РАН Е.А. Лукашева. В ее словах звучала озабоченность ситуацией, которая складывается в горячих точках планеты, и особенно на Украине, где полностью игнорируются права русскоязычного населения. Государство не гарантирует гражданам своей страны самое первое и важное право человека – право на жизнь.

XXI в. не принес человечеству ни мира, ни спокойствия, ни улучшения качества жизни людей, ни их защищенности, отмечает автор. Сформировалось «поле напряжения», которое взрывается все чаще революциями, вооруженными конфликтами, гражданскими войнами, религиозным противостоянием, стихийными бедствиями, кризисами, эпидемиями, материальными лишениями.

Со времен создания ООН, принятия Всеобщей декларации прав человека прошло шесть десятилетий. Память людей забывчива. Наступил новый век, и он захлестнул огромные усилия, нелегкую борьбу, направленную на создание барьеров в целях предотвращения войны, защиты прав человека на жизнь, личную безопасность, достоинство.

Бессилие международных органов, призванных защищать права человека, свидетельствует об утрате ценности прав человека, приводит к выводу Е.А. Лукашева.

Сегодня центральной проблемой прав человека становится обеспечение и защита прав человека на жизнь, на его личную безопасность, на право человечества жить в спокойном мире, без войн, революций, катаклизмов, в здоровой окружающей среде, с уверенностью, что драматический опыт мировой истории позволит избежать глобальной катастрофы. Это права и индивидуальные, и коллективные, от которых сегодня зависит будущее всего человечества. Надо восстановить подлинную ценность прав человека, которая создавалась веками, призывает в заключение автор.

20 мая 2015 г. в Московском гуманитарном университете состоялась международная научно-практическая конференция **«Международная защита прав человека и государственный суверенитет»**.

Елена Андреевна выступила с научным сообщением на тему: **«Мифологизация суверенитета в современном мире»**. В ее выступлении поставлен вопрос о степени реальности осуществления государственного суверенитета, основанного на принципах равенства всех государств; универсальных правовых ограничениях суверенитета; международном контроле над осуществлением государствами международно-правовых стандартов и институтов; культуре, правосознании, нравственных ориентирах народов и лидеров государств. Эти принципы нарушаются в современном мире, ограничивая и даже аннигилируя суверенитет некоторых государств. Отсюда идет мифологизация суверенитета, несоответствие реалий международным институтам, закрепленным в них правовым установлениям.

«Понятие суверенитета, – пишет автор, – изменилось в процессе динамично развивающихся общественных отношений, расширяя либо сужая основные его принципы, наполняя их новым содержанием. Реальность суверенитета зависит от соблюдения этих принципов:

1. Равенство всех государств – участников международных отношений.
2. Необходимость универсальных правовых ограничителей суверенитета.
3. Международного контроля за внешнеполитической деятельностью государств, которая должна соответствовать взятым на себя обязательствам уважать и соблюдать универсальные международно-правовые стандарты, нести ответственность за их нарушение.
4. Высокого уровня правовой культуры и правосознания, подлинно нравственные ориентиры народов и лидеров государств.

Эти принципы в единстве и взаимодействии создают систему защиты и охраны суверенитета, призванную предотвращать конфликты, связан-

ные с нарушением территориальной целостности, посягательствами на независимость государства, грубые массовые нарушения прав человека.

Однако в последние годы отмечается обострение противоречий в отношениях между различными государствами. Агрессивный национализм, международный терроризм, возрастание неонацистской идеологии могут стать причиной войн, в которых не будет победителей».

Е.А. Лукашева подчеркивает, что в настоящее время важен компромисс, взаимные уступки, диалоги противостоящих сторон. Ведь их «устойчивая несговорчивость» ведет к нарушениям суверенитета, неотъемлемых прав человека – не только права на жизнь, личную неприкосновенность, но и на социальные права; она сужает и пространство демократии. Любые посягательства на суверенитет государства ведут к разрыву межгосударственных связей, развивавшихся веками, – экономических, культурных, спортивных, просто человеческих, нарушаются права на свободу передвижения, обмен информацией, пользование достижениями культуры.

Наряду с компромиссами необходима трансформация ООН, которая должна быть независимой от какого-либо давления, являться непререкаемым гарантом прав человека. Положение с правами человека – индикатор, указывающий на необходимость дальнейшего реформирования правозащитных органов ООН, отмечает автор.

Решение этих сложнейших задач потребует длительного времени, совместных усилий мирового сообщества, окажет влияние на утверждение реального суверенитета всех государств, больших и малых. Если этого не произойдет, указывает она, то суверенитет останется прекрасной идеей, не получившей полноценной реализации, мифологизированным символом мироустройства.

С 18 по 20 мая 2016 г. в Московском гуманитарном университете состоялась международная научно-практическая конференция **«Гуманитарный фактор в современном праве»**. Указанная конференция проведена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ). Соучредителями конференции выступили Московский гуманитарный университет, Институт государства и права РАН, Международный союз юристов. Елена Андреевна Лукашева была сопредседателем организационного комитета конференции. Став главным научным сотрудником сектора прав человека Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права РАН, она выступила с докладом на тему: **«Трансформация прав человека в современном мире»**.

На протяжении последних лет Елена Андреевна уделяет пристальное внимание процессам трансформации, под которыми она понимает ценностное преобразование системы, ориентированное на человека, его социальное самочувствие, гуманизацию отношений «человек – общество – государство». Без реализации этих ценностей преобразования утрачивают свою значимость [7, с. 129–149].

В своем докладе на указанной конференции Елена Андреевна отметила, что процесс трансформации в настоящее время охватывает все больше стран и цивилизаций, которые сочетают универсальные стандарты и специфику своего опыта. Несмотря на то что этот процесс чрезвычайно сложен, длителен, противоречив, человечество стремится к осуществлению трансформационных преобразований.

Права человека – индикатор состояния общества и положения человека в нем. Если система не обеспечивает прав и свобод человека, если эти ценности носят в обществе декоративный характер – необходимы ее радикальные преобразования.

Трансформация как комплексное радикальное преобразование системы с ориентацией на человека как на высшую ценность – процесс длительный. Здесь возможно не только прогрессивное течение событий, но и регрессивная социальная динамика общества.

Изучение процессов трансформации в различных странах имеет особое значение, поскольку призвано оценивать не только характер перемен, происходящих в нынешнее время, но и характер взаимодействия государств после проведения преобразований, а также прогнозировать новые вызовы, которые неизбежно возникнут в дальнейшем, делает вывод Елена Андреевна.

18 октября 2016 г. на юридическом факультете Московского гуманитарного университета состоялась международная научно-практическая конференция **«Международные пакты о правах человека: ценностные характеристики»**, посвященная 50-й годовщине со дня принятия двух международных пактов о правах человека – Международного пакта «Об экономических, социальных и культурных правах» и Международного пакта «О гражданских и политических правах».

Соучредителями конференции были Московский гуманитарный университет, Институт государства и права РАН, Международный союз юристов, Союз юристов Москвы и Московское общество трудового права и права социального обеспечения.

Елена Андреевна Лукашева в этой конференции приняла заочное участие, но ее доклад **«Международные пакты о правах человека: итоги компромисса»** включен в сборник научных

работ, который опубликован по итогам конференции [10].

Она отметила, что принятие Международных пактов явилось огромной победой коллективного человеческого разума, основанного на осознании опасности, связанной с обострением международной ситуации, гонкой вооружения, атомной угрозой.

Нельзя не оценить, пишет автор, способность ведущих держав мира идти на компромиссы, поскольку они не забывали главного – предотвратить возможность новой мировой войны.

Е.А. Лукашева подчеркивает: «Права человека – это своего рода «путеводитель человечества», дающий ориентиры обеспечения свободы и достоинства человека, упорядочения общественных отношений в глобальном и региональном масштабах. Поэтому для утверждения прав человека и в отдельных государствах, и в международном сообществе нужны компромиссы, взаимные уступки, верность взятым на себя обязательствам». И в этом с ней невозможно не согласиться [5, с. 15–22].

19 мая 2017 г. в Московском гуманитарном университете состоялась международная научно-практическая конференция «Права человека в изменяющемся мире».

Соорганизаторами конференции выступили Московский гуманитарный университет, Ассоциация юридических вузов, Институт государства и права РАН, Международный союз юристов и Союз юристов Москвы. Информационную поддержку конференции осуществляла компания «Консультант Плюс».

Конференция была посвящена Елене Андреевне Лукашевой в связи с ее предстоящим юбилеем. Именно она в последние годы разрабатывает идеи трансформации в праве и всей общественной системе государства, дала определение понятия «трансформация», под которой следует понимать «реальное, комплексное преобразование всех структур общественной системы – политической, экономической, социальной, культурной. Основной целью преобразований должен быть человек, обеспечение его прав и свобод, достойной жизни». Тема конференции «Права человека в изменяющемся мире» обусловлена ее идеями трансформации.

В рамках конференции, кроме пленарного, были организованы заседания шести секций. Традиционная молодежная секция была разделена на три подсекции: 1. «Права человека в российском законодательстве», 2. «Актуальные проблемы теории государства и права», 3. «Актуальные проблемы трудового права и права социального обеспечения». В работе молодежной секции приняли участие более 50 человек – аспиранты, магистранты, студенты, представители МГУ им.

М.В. Ломоносова, Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), юридического факультета Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Академии ФСИН России, ЧОУ ВО «Московский университет им. С.Ю. Витте» (филиал в г. Рязани), Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» и других вузов.

Елена Андреевна Лукашева представила доклад на тему: **«Права человека в мировом культурном пространстве»**.

Она отметила, что культура – явление универсальное, охватывающее все сферы жизни внутригосударственных и международно-правовых отношений. От ее состояния, содержания, вектора развития в значительной мере зависят прогресс современного мироустройства, характер и стиль взаимоотношений и взаимодействия государств. Культура – это структурированная, многоэлементная суперсистема, включающая: а) социокультурный механизм (религию, мораль, право, политику, науку, традиции, мифы, обычаи, этикет); б) его воздействие на социальную деятельность людей; в) результаты этой деятельности (духовные и материальные). Права человека являются одним из важнейших элементов социокультурной системы. Их состояние в современном мире свидетельствует о неблагополучии мироустройства, падении культуры международного общения.

После победы во второй мировой войне, пишет автор, людей охватила массовая эйфория, основанная на солидарности народов всех стран, международном сотрудничестве, вере в невозможность повторения ужасов войны, в свободу и права человека, которые стали программой для народов стран, вступивших на путь борьбы против колониальной зависимости. Права человека, как высшая ценность, ставшая великим вкладом в европейскую культуру, обогатила ее новыми идеями, вошла в мировое культурное простран-

ство, стала мировоззренческим ориентиром миллионов людей, всего человеческого сообщества.

Однако за годы, прошедшие после создания ООН, мир изменился, и, к сожалению, не в лучшую сторону. Е.А. Лукашева отмечает, что современный мир противоречив и непредсказуем, он порождает противостояние государств, наций, религий, вызывающее внутренние и межгосударственные конфликты, межконфессиональные и гражданские войны, которые длятся десятилетиями. В связи с этим, по ее мнению, с которым нельзя не согласиться, каждое государство обязано заботиться об охране и защите прав человека, совершенствовать социокультурные механизмы для их обеспечения. Остановок на этом пути быть не должно, поскольку развитие общественных отношений создает подчас крайне неблагоприятную обстановку внутри страны – гражданские войны, национальные конфликты, протестные движения. Поэтому необходимо четкое соответствие внутригосударственного законодательства международным стандартам, противостояние падению культуры, которое по общему признанию становится фактором, угрожающим нормальной жизнедеятельности общества. Елена Андреевна приходит к выводу, что культура и ее элементы, в том числе и права человека, должны стать важнейшим условием самоорганизации людей, устойчивого мирового развития. Забвение прав человека, принижение их роли неизбежно создает неупорядоченную, взрывоопасную, стихийную ситуацию. Права человека должны занять достойное место в современном культурном пространстве, а это возможно, если люди обретут доверие к ним [11, с. 20–30].

В заключение представленного обзора идей и мыслей выдающегося ученого, Е.А. Лукашевой, одной из основателей науки прав человека, можно сделать вывод о том, что у науки прав человека есть будущее, если представители студенческой молодежи проявляют неослабевающее внимание к проблематике прав человека и их защиты, активно участвуют в научных конференциях, посвященных правам человека.

Список литературы:

[1] *Гражданское общество в эпоху глобальной информатизации. Часть 1 / Под. ред. Т.А. Сошниковой. М.: Изд. Московского гуманитарного университета, 2011. – 356 с.*

[2] *Европейская социальная хартия: вызовы и реальность: Материалы Международной научно-практической конференции 20 октября 2009 г. / под. ред. Т.А. Сошниковой. М.: Изд. Московского гуманитарного университета, 2009. – 228 с.*

[3] *Лукашева Е.А. Взаимодействие права и морали: общее и особенное // Взаимодействие права и морали: Материалы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Т.А. Сошникова. М.: Изд. Московского гуманитарного университета, 2014.*

[4] *Лукашева Е.А. Конституция Российской Федерации: политические права и свободы человека // Материалы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Т.А. Сошникова. М.: Изд. Московского гуманитарного университета, 2013. – 275 с.*

[5] Лукашева Е.А. Международные пакты о правах человека: итоги компромисса // Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. Т.А. Сошникова, Н.В. Колотова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2016.

[6] Лукашева Е.А. Нравственные ориентиры Европейского Суда: Материалы Международной научно-практической конференции 20–21 октября 2010 г. / Под. ред. Т.А. Сошниковой. М.: Изд. Московского гуманитарного университета, 2010. – 291 с.

[7] Лукашева Е.А. Права человека и процессы трансформации в современном мире // Труды института государства и права РАН. 2016, № 3 (55).

[8] Лукашева Е.А. Право в социокультурной системе // Право и культура: Материалы Международной научно-практической конференции 17 мая 2011 г. / Под. ред. Т.А. Сошниковой. М.: Изд. Московского гуманитарного университета, 2011. – 291 с.

[9] Лукашева Е.А. Правовой нигилизм – социальный код российской цивилизации // Законность и правосознание: Материалы Международной научно-практической конференции 16–17 мая 2013 г. / Под. ред. Т.А. Сошниковой. М.: Изд. Московского гуманитарного университета, 2013. – 291 с.

[10] Международные пакты о правах человека: ценностные характеристики // Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. Т.А. Сошникова, Н.В. Колотова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2016. – 312 с.

[11] Права человека в изменяющемся мире // Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. Т.А. Сошникова, Е.А. Карпов, Н.В. Колотова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2017. – 376 с.

[12] Проблемы интеграции мигрантов в российском обществе: Материалы Международной научно-практической конференции 13–14 мая 2010 г. / Под. ред. Т.А. Сошниковой. М.: Изд. Московского гуманитарного университета, 2010. – 222 с.

Spisok literatury':

[1] Grazhdanskoe obshchestvo v e'poxu global'noj informatizacii. Chast' 1 / Pod. red. T.A. Soshnikovoj. M.: Izd. Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2011. – 356 s.

[2] Evropejskaya social'naya xartiya: vy'zovy' i real'nost': Materialy' Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 20 oktyabrya 2009 g. / pod. red. T.A. Soshnikovoj. M.: Izd. Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2009. – 228 s.

[3] Lukasheva E.A. Vzaimodejstvie prava i morali: obshhee i osobennoe // Vzaimodejstvie prava i morali: Materialy' Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Otv. red. T.A. Soshnikova. M.: Izd. Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2014.

[4] Lukasheva E.A. Konstituciya Rossijskoj Federacii: politicheskie prava i svobody' cheloveka // Materialy' Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Otv. red. T.A. Soshnikova. M.: Izd. Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2013. – 275 s.

[5] Lukasheva E.A. Mezhdunarodny'e pakty' o pravax cheloveka: itogi kompromissa // Materialy' mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Otv. red. T.A. Soshnikova, N.V. Kolotova. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2016.

[6] Lukasheva E.A. Nравstvenny'e orientiry' Evropejskogo Suda: Materialy' Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 20–21 oktyabrya 2010 g. / Pod. red. T.A. Soshnikovoj. M.: Izd. Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2010. – 291 s.

[7] Lukasheva E.A. Prava cheloveka i processy' transformacii v sovremennom mire // Trudy' instituta gosudarstva i prava RAN. 2016, № 3 (55).

[8] Lukasheva E.A. Pravo v sociokul'turnoj sisteme // Pravo i kul'tura: Materialy' Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 17 maya 2011 g. / Pod. red. T.A. Soshnikovoj. M.: Izd. Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2011. – 291 s.

[9] Lukasheva E.A. Pravovoj nigilizm – social'ny'j kod rossijskoj civilizacii // Zakonnost' i pravosoznanie: Materialy' Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 16–17 maya 2013 g. / Pod. red. T.A. Soshnikovoj. M.: Izd. Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2013. – 291 s.

[10] Mezhdunarodny'e pakty' o pravax cheloveka: cennostny'e xarakteristiki // Materialy' mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Otv. red. T.A. Soshnikova, N.V. Kolotova. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2016. – 312 s.

[11] Prava cheloveka v izmenyayushhemsya mire // Materialy' mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Otv. red. T.A. Soshnikova, E.A. Karpov, N.V. Kolotova. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2017. – 376 s.

[12] Problemy' integracii migrantov v rossijskom obshchestve: Materialy' Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 13–14 maya 2010 g. / Pod. red. T.A. Soshnikovoj. M.: Izd. Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2010. – 222 s.

МОДЕЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО ГОСУДАРСТВА В ПРОЕКТАХ ОСНОВНЫХ ЗАКОНОВ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы коренного обновления всех сфер общественной жизни в Российской Империи, которые стали особенно актуальными в начале XX столетия. Так же в статье рассмотрены причины, в результате которых российское самодержавие на фоне все более углублявшихся тенденций раскола между властью и обществом, даже несмотря на все достижения финансовой и экономической политики, полностью утратило легитимность в глазах общественности. Основное внимание авторы уделили обсуждавшимся в тот период времени моделям конституционного государства и принципам его строительства, исходя из особенностей России XX в.

Ключевые слова: политические реформы, архаичная система самодержавия, русская идентичность, традиционная основа, монархическая формула, законосовещательная работа, российские конституционалисты.

SINYAEVA Natella Aleksandrovna,
PhD in Law, associate Professor,
head of the Department of Constitutional (State) and International Law

CHERNYAVSKY Alexander Gennadievich,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Constitutional (State) and International Law
Military University of the Ministry of defence of the Russian Federation

THE MODEL OF THE CONSTITUTIONAL STATE IN THE DRAFT OF THE FUNDAMENTAL LAWS OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY

Annotation. This article deals with the problems of radical renewal of all spheres of social life in the Russian Empire, which became particularly relevant in the early XX century. The article also considers the reasons why the Russian autocracy, against the background of increasingly deepening trends of the split between the government and society, even despite all the achievements of financial and economic policy, has completely lost legitimacy in the eyes of the public. The authors paid special attention to the models of the constitutional state discussed at that time and the principles of its construction, based on the peculiarities of Russia of the XX century.

Key words: political reform, archaic system of autocracy, the Russian identity, the traditional basis of monarchical formula, the legislative work of the Russian constitutionalists.

Представляется, что данный проект, разработанный ведущими юристами и практиками из земского движения того времени, представлял собой огромный шаг вперед на пути

России к конституционному государству. Текст его состоит из норм, которые уже прочно вошли к тому времени в науку конституционного права. И в этом он сильно отличался от документов, под-

готовленных группой А.Г. Булыгина, имеющих своей целью сохранение бесконтрольной и безответственной власти царской бюрократии. При этом проект «Союза Освобождения» носил в определенной степени комплексный и непоследовательный характер. Это было связано с тем, что в нем пытались соединить имплементацию норм конституционного права и действующие нормы государственного права Российской Империи, а также учесть при этом личные интересы императорской фамилии и высшей бюрократии. По этой причине концепция конституционного государства, изложенная в нормах данного проекта, носила противоречивый характер.

Так, с одной стороны, проект исходит из принципа народного суверенитета, что проявляется, прежде всего, в требовании созыва учредительного собрания с целью принятия основного закона. А с другой – постулирует, что верховная власть в государстве осуществляется императором при участии (очевидно, законодательном) Государственной думы. Это некритичное заимствование формулы английского конституционализма приводит к тому, что граждане лишаются всякой защиты от согласованных неконституционных действий императора и парламента, ибо даже Верховный суд не уполномочен отменять законы, противоречащие Основному закону. Тот факт, что в Англии режим конституционной демократии функционирует на твердом фундаменте развитого конституционного правосознания и независимой системе судопроизводства, совершенно игнорировался.

Далее. Проект, с одной стороны, определяет принцип единства территориального устройства Российской Империи и единообразие его территориального деления (губернии, уезды и волости). А с другой – подтверждает полную внутреннюю автономию Великого княжества Финляндского, оставляя за Российской Империей лишь внешний суверенитет. Очевидно, что модель близка к конфедерации, поскольку в проекте даже не определено соотношение права империи и права княжества, их приоритетность по отношению друг к другу. Такая модель не гарантировала территориальной целостности государства и с необходимостью вела к сецессии, что и случилось в дальнейшем.

Глава III проекта посвящена основным правам российских граждан. Именно в ней провозглашается принцип равноправия. Однако при определении принципов избирательного права (вторая часть проекта) огромные территории империи, населенные так называемыми инородцами, фактически составлявшие 70% ее земли, лишались права выбора своих представителей в Государственную думу, поскольку там ввиду

малочисленности считалось невозможным проведение выборов.

Кроме того, сам перечень прав был чрезвычайно узок и не соответствовал достижениям науки конституционного права того времени. Конечно, сама постановка вопроса о правах человека в условиях Российской Империи уже была своеобразной революцией. Но тогда социальная революция уже стучалась в дверь, и игнорирование социальных прав трудящихся привело к тому, что политические права использовались радикалами для подготовки захвата власти при общем равнодушии населения. Не говоря уже о том, что проект вообще не рассматривал самый важный вопрос того времени – о праве крестьян на землю. В дальнейшем, как мы покажем, этот догматизм русских правоведов, требующих введения Habeas Corpus'a в неизменном с XVII в. виде, неадаптированного к реальности эпохи индустриальной революции, был одной из причин поражения российского конституционализма в 1917 г. и в последовавшей за ним гражданской войне.

Важным достижением является провозглашение принципа свободы совести и равенства всех религий в Российской Империи. Но сделать следующий шаг и отделить церковь от государства авторы данного проекта не решились, что также имело негативные последствия в такой многоконфессиональной стране, как Российская Империя, ибо это препятствовало формированию единой нации из многих народностей, а также гражданской идентичности у всех подданных императора.

Далее. При описании системы разделения властей авторы данного проекта намеревались сконструировать дуалистическую монархию, при которой монарх безответствен, а вся политическая и юридическая ответственность лежит на министрах, которые контрассигнуют все указы императора. Однако при этом есть формулировка, что в вопросах войны и мира император фактически и юридически бесконтролен. Кроме того, не содержится четкого разделения указов, которые подлежат контрассигнации и, следовательно, носят нормативный характер, и указов, носящих индивидуальный и ненормативный характер и которые по логике не подвластны министерской скрепе. Очевидно, что процесс управления государством состоит в издании как нормативных, так и ненормативных актов, но их различение позволяет четко провести разделение исполнительной и законодательной властей. Но мы имеем дело с догматическим заимствованием английской модели конституционализма, при том что британский монарх в силу сложившихся конституционных обычаев не принимает участие в процессе государственного управле-

ния, а монарх в дуалистической монархии сам формирует кабинет министров, руководит им и в случае необходимости увольняет негодных министров, оказывая тем самым непосредственное влияние на бюрократическую вертикаль. Не четкое проведение разделения властей в Англии связано с тем, что там парламентское большинство управляет государством. Нечеткое разделение властей в дуалистической монархии позволяет исполнительной власти подмять под себя законодательную ветвь. Да и вообще, рассмотрение теоретических взглядов российских конституционалистов второй половины XIX – начала XX в. по этому вопросу показало, что они негативно относились к идее разделения властей, полагая, что речь может идти о разграничении функций государственных органов. Концепция «*checks and balances*», лежащая в основе Конституции США, была им чужда.

Еще одним новшеством, предложенным в данном проекте, было формирование одной из палат Государственной думы через выборы, пусть и непрямыми, а не через назначение ее членов императором. Причем формировалась Земская палата земскими губернскими собраниями и городскими думами. Здесь впервые проводится мысль о существовании местных интересов, понимаемых как интересы территориального публичного коллектива. Но, к сожалению, данный проект совершенно не различает предметы ведения (или сферу компетенции) Государственной думой и губернскими, уездными, волостными, земскими собраниями и городскими думами. И хотя Государственная дума правомочна принимать законы, совершенно не понятно, по каким предметам и какие нормативные акты принимаются низестоящими (?) представительными органами.

Важно было и то, что проект «Союза Освобождения» предусматривал полную организационную самостоятельность палат Думы. Именно это позволяло укрепить независимость народно-представительного органа. Однако при рассмотрении статуса члена парламента возникают странные ситуации, когда государственный служащий мог становиться членом палаты, сохраняя место работы, и, следовательно, принимать непосредственное участие в законодательной работе, а член Думы, чтобы перейти на государственную службу, должен был отказаться от мандата. Такая норма в условиях дуалистической монархии привела бы к массовому призыву бюрократов в органы народного представительства, что, в свою очередь, способствовало бы подчинению законодательной власти административному давлению. Так же остается не понятно, почему иммунитет членов Государственной думы существовал только в период сессии, а в перерывах нет. Полу-

чается, что члены палат были уязвимы в самом главном – в своей незащищенности от давления бюрократии.

Отдельно нужно остановиться на отсутствии четкого описания процедуры принятия законов. Странно, но предполагалось, что палаты абсолютно равны с точки зрения законодательной процедуры. Просто сначала законопроект обсуждался в той палате, в которую он был внесен, а затем передавался в другую палату для обсуждения и внесения поправок. Очевидно, что отсутствие четких стадий законодательного процесса, фиксация того, какая палата ответственна за окончательный текст закона, могли привести к чрезвычайно медленному принятию важнейших законов. Конечно, своеобразная демократичность законотворчества могла вести к лучшей проработанности текста закона, но в условиях перехода от авторитаризма к демократии промедление подобно смерти. Что, собственно говоря, и показал период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. В тот важнейший исторический момент медлительность с принятием основных конституционных актов привела к потере управления над событиями в стране.

Глава VI подробно описывала формы ответственности министров перед палатами и совершенно не определяла способы их взаимодействия по важнейшим политическим вопросам. Хотя надо признать, что это первое предложение в отечественной науке государственного права о возможности органа народного представительства влиять на высшую бюрократию через процедуру импичмента.

Важнейший вопрос организации судебной власти был сведен в тексте данного проекта к вопросу о провозглашении принципа независимости ее от бюрократии. Это, безусловно, важно, но совершенно недостаточно. Ибо независимость этой системы зависит от способа комплекции судейскими кадрами. Авторы проекта предпочли ограничиться отсылкой к отдельному закону по этому предмету, очевидно, предполагая, что российская судебная система и так функционирует неплохо.

Новеллой данного проекта можно считать введение особого Верховного суда, который занимался бы исключительно вопросами защиты Основного закона (и законов, изданных в исполнении его) от действий административной власти, а также толкованием его норм. При этом совершенно исключалась возможность проверки законов, принятых Думой, на соответствие Основному закону. Хотя, как известно, произвол может быть облачен в форму закона. Представляется, что это было логичным следствием исходных положений данного проекта, гласящих, что вер-

ховная власть в Российской Империи осуществляется императором при участии (естественно, законодательном) Государственной думы. Раз император безответствен, то и орган народного представительства ни перед кем не должен держать отчет. И хотя в предложении об учреждении Верховного суда имплицитно содержалась идея о различении учредительной и законодательной власти, и даже было требование о созыве учредительного собрания, тем не менее, она не была развернута в принцип проверки на соответствие Основному закону принимаемых Думой законов и указов императора. К сожалению, также не был четко дан ответ, как, из кого и кем должен был учреждаться Верховный суд. Вместо этого мы найдем отсылку к несуществующему закону. А ведь, как известно, один из важнейших постулатов конституционализма – принцип непосредственного действия Основного закона – подразумевает, между прочим, необходимость четкой фиксации в нем способов образования всех упомянутых там конституционных органов. Ведь, на самом деле, нельзя же учредить конституционное государство, а затем определять как, кем и из кого формируются его органы.

Таким образом, оценивая в целом проект основного закона, подготовленный «Союзом Освобождения», можно сказать следующее. Данный проект был первым документом, посвященным вопросам устройства Российского государства, написанным с последовательных позиций теории конституционного государства. Это проявилось в том, что (1) для его принятия требовалось созвать Учредительное собрание (тем самым проводилась идея о том, что конституцию в теории можно октроировать. Но конституционное государство можно только учредить); (2) орган народного представительства признавался органом верховной власти (правда, совместно с императором); (3) провозглашалось равноправие и гарантировались основные личные и гражданские права человека (правда, равенство избирательных прав было не всеобщим, поскольку большая часть территории тогдашней России, где проживали в основном так называемые «иностранцы», под предлогом их малонаселенности была лишена права выбирать своих представителей в Государственную думу); (4) проводился (правда, непоследовательно) принцип разделения властей при примате власти законодательной, которой давались механизмы контроля над верхушкой бюрократии через импичмент, запрос и бюджетное право; (5) вводились всеобщие, равные, прямые и тайные выборы одной палаты Государственной думы (также надо отметить, что пассивное и активное избирательное право признавалось только за совершеннолетними мужчинами. Хотя в мире уже были прецеденты

наделения избирательными правами женщин); (6) признавалось значение местных территориально-публичных коллективов, и осуществлялась конституционализация местного управления; (7) что проявлялось в формировании Земской палаты Государственной думы через выборы ее членов территориальными представительными органами; (8) для защиты и толкования норм Основного закона учреждался Верховный суд; (9) провозглашался принцип независимости судебной власти от исполнительной власти.

Вместе с тем указанному проекту были присущи определенные недостатки, которые были связаны, с одной стороны, с особенностями теории конституционного государства, разработанной российскими юристами того времени. А с другой – с тем, что проект этот носил больше политический (программный) характер, чем форму юридического документа. По этой причине по итогам обсуждения его в кругах либеральной общественности, и прежде всего среди активистов земского движения, появился новый проект, подготовленный С.А. Муромцевым при участии Ф.Ф. Кокошина, который пытался устранить некоторые из вышеуказанных нами недостатков.

Данный проект (полное название «Проект основного закона Российской Империи, измененный земским бюро») [1, с. 552 - 580] состоит из шести разделов с приложением Избирательного закона.

Раздел I называется «О законах» и посвящен косвенному (завуалированному) обоснованию принципа связанности государства правом (законом), или правового государства.

Статья 1 определяла, что Российская Империя управляется на основании законов, принятых в порядке, этим основным законом установленным.

Статья 2 содержала важное различие законов по месту действия на общие, когда их действие распространяется на всю Империю, и на местные, когда их действие ограничивается пределами отдельных территорий. Причем принятие нового общего закона не отменяет действие местного, только если об этом прямо указано в тексте вновь принятого закона и в любом случае новый закон не имеет обратной силы (ст. 3).

Статья 4 гласила, что все издаваемые законы не должны противоречить положениям Основного закона. В системной взаимосвязи с этой статьей ст. 8 запрещает судам применять законы, нарушающие точный смысл основного закона.

Статьи 5 - 9 четко описывали процедуру принятия, издания, вступления в силу и отмены закона. Согласно ст. 5 право законодательной

инициативы принадлежит императору и Государственной думе. Любой законопроект обретает силу закона только после одобрения его Думой, утверждения императором (ст. 5) и последующего обнародования Сенатом (ст. 6). Причем последний имеет право не обнародовать закон, если нарушен порядок его принятия или он в чем-то противоречит нормам Основного закона (ст. 7).

Итак, как мы видим, правом конституционного контроля обладают Сенат и фактически любой суд при усмотрении противоречия текста закона положениям Основного закона. По сравнению с проектом «Союза Освобождение» мы видим здесь существенное расширение субъектов конституционного контроля.

Статья 10 четко формулировала норму, что закон обязателен для всех, а ст. 11 указывает, что закон может быть отменен только другим законом. Эти нормы существенно ограничивали сферу дискреции административной власти.

Статья 12 вводила принцип министерской скрепы в отношении указов и других актов императора. Это означало, что авторы данного проекта также являлись сторонниками перехода России к дуалистической монархии с ответственным перед Государственной думой кабинетом министров. Важное ограничение нормативной власти императора содержала ст. 13, которая прямо запрещала ему издавать указы, дополняющие закон, если только это не предусматривал сам закон.

Еще больше ограничивала возможный произвол бюрократии ст. 14: «Нарушающее законы распоряжение правительственного места или лица не имеет ни для кого обязательной силы. Не приемлется ссылка должностного лица на то, что действие его, нарушившее закон или право отдельных лиц, совершено им по приказу начальства» [1, с. 554]. Значение данной формы трудно переоценить. Она, с одной стороны, сильно дисциплинировала чиновников и заставляла их повышать свой уровень правовой культуры, поскольку вводила принцип индивидуальной ответственности. А с другой - серьезно повышала уровень сознательности граждан, поскольку давала им легальную основу для ненасильственного (путем неисполнения указов бюрократов) сопротивления произволу власти, что способствовало бы формированию гражданского общества в России.

Раздел II посвящен правам российских граждан.

Статья 16 устанавливала равноправие российских граждан.

Статьи 17 и 18 четко проводили принцип свободы совести и исповедания религии при соблюдении действующего законодательства.

Статьи 19 - 24 детально описывали право личной неприкосновенности: преследование лица возможно только в порядке, определенном законом и на законных основаниях; при задержании необходимо в течение 24 часов (в городах) или трех суток (сельской местности) доставить в суд для предъявления обвинения; каждый, кто стал свидетелем задержания, может обратиться к ближайшему судье, который обязан проверить законность задержания; право на подсудность по месту преступления и в юрисдикции надлежащего суда; виновность лица и его наказание возможно только на основании решения суда. Статья 25 устанавливает неприкосновенность жилища, ст. 26 защищает тайну личной жизни (переписки). Статья 27 разрешает свободы передвижения и проживания, а также отменяет паспортный режим.

Статьи 28 и 29 защищали свободу мысли, слова, а также запрещают любую цензуру. Статья 30 устанавливала свободу собраний, а ст. 31 - свободу союзов, а также уведомительный порядок их проведения или организации.

Статья 33 давала российским гражданам право на обращение в органы государственной власти.

Важную новеллу содержала ст. 34, которая вводила национальный режим для иностранцев в сфере прав человека.

Раздел III посвящен учреждению Государственной думы.

Статья 36 гласила, что Государственная дума есть собрание граждан, обеспеченных доверием народа для осуществления законодательной власти и высшего государственного управления.

Статья 37 аналогична проекту «Союза Освобождения». Определяет, что Государственная дума состоит из двух палат: земской палаты и палаты народных представителей. Земская палата состоит из государственных гласных, избираемых губернскими земскими собраниями или городскими думами (ст. 38) на срок их полномочий, начиная с первой сессии. А вот палата народных представителей избирается населением посредством всеобщего, равного, прямого и тайного голосования (с. 42). Так же, как и в проекте П.Б. Струве, право голоса, принадлежащего совершеннолетним мужчинам, с теми же изъятиями. Правда, срок полномочий (с. 46) народных представителей увеличивается до четырех лет.

Император имел право (ст. 47) досрочно распустить палату народных представителей своим указом, назначив при этом дату новых выборов (с. 48). Однако основания для такого решения императора четко не прописывались.

Статья 51 устанавливала, что звание государственного гласного и народного представи-

теля присваиваются лицам с момента оглашения результатов выборов в месте их проведения. При этом одно и то же лицо (ст. 52) может являться одновременно членом двух палат.

К сожалению, из проекта «Союза Освобождения» в данный проект перекечевала норма, позволявшая совмещать государственную службу с занятием должности члена Государственной думы (ст. 55). Возможно, эта норма была направлена на то, чтобы расколоть властвующую элиту и позволить либерально настроенным бюрократам принять участие в строительстве конституционного государства.

При этом разрешалось (ст. 57) и членам Думы занимать должности министров без потери своего звания. Правда, это было единственное разрешенное исключение. Во всех остальных случаях занятие государственной оплачиваемой должности влекло за собой сложение звания депутата Думы.

Статья 60 закрепляла принцип «свободного мандата» для членов Государственной думы. Так же (ст. 62) гарантировала иммунитет от судебного или иного преследования, обеспечением чего служила ст. 63, которая ставила возможность такого преследования от решения соответствующей палаты, членом которой являлся преследуемый депутат.

Статьи 65 - 73 описывали порядок работы Государственной думы. Особо стоит выделить ст. 67, которая четко определяла, что собрания Думы начинаются ежегодно на третий понедельник октября месяца. Такое конкретное указание ограничивало возможности самодержавия для манипулирования сроками работы законодательного органа. Так же интерес представляет ст. 72, запрещавшая закрывать сессию Думы без принятия внесенного бюджета (росписи государственных доходов и расходов), а также отчета об его исполнении. Данная норма гарантировала слаженную работу правительства и Думы, нацеливая их на поиск компромисса.

Статьи 74 - 81 определяли регламент работы (внутреннее устройство) Государственной думы. В ст. 76 провозглашался принцип открытости заседаний (публичности работы) Думы, за некоторыми разумными исключениями.

Статьи 82 - 97 четко описывали стадии законодательного процесса и предметы ведения, по которым Государственная дума могла принимать законы.

Согласно ст. 83 законопроекты могут вноситься в любую палату или министрами (от имени императора), или от имени не менее 30 членов палаты народных представителей, или 15 и более членов земской палаты. При этом проект закона также передается в другую палату, а в случае

возникновения поправок возвращается обратно для их обсуждения.

Для принятия законопроекта требуется (ст. 84) одобрение простым большинством его обеими палатами.

Так же одобрение Государственной думы требовалось для междуна-родных договоров, если они влекли изменения границ государства, действующих законов или предполагали установление каких-либо финансовых обязательств (ст. 86).

Статья 87 гласила, что государственный бюджет должен вотиrowаться ежегодно, а вот размер гражданского листа устанавливается при вступлении на престол и в дальнейшем не может быть изменен без согласия императора. Так же ст. 94 давала иммунитет императорской фамилии от изменения законов ее касающихся.

Статья 88 указывала, что проект росписи государственных расходов и доходов сначала вносится в палату народных представителей, а после одобрения там передается на рассмотрение земской палаты.

Статья 89 устанавливала эксклюзивное право Государственной думы вводить налоговые обязательства, отчуждать имущество, находящееся в государственной собственности, производить списание налоговой задолженности и т.п.

Статья 91 разрешала палатам принимать обращения (ходатайства), а ст. 92 давала право запроса членам Думы и устанавливала обязанность министров давать пояснения по существу этих запросов в строго определенные сроки. Так же в ст. 93 указывалось, что каждая из палат может создавать комиссии для проведения расследования по тому или иному вопросу.

Статья 95 разбирала коллизионные ситуации, например, когда одна палата одобрила законопроект, а другая нет. В этом случае необходимо было провести совместное заседание палат, решение считалось принятым в случае, если за него проголосовало не менее двух третей от общего числа голосов.

Раздел IV был посвящен работе правительства.

Статья 98 устанавливала, что назначение и увольнение министров является прерогативой императора и производится путем издания соответствующего указа. Назначение происходит по представлению канцлера.

Статья 100 определяла круг ответственности министра. Каждый ответствен: 1) за свои личные действия и распоряжения; 2) за действия и распоряжения подчиненных ему лиц; 3) за скрепленные его подписью нормативные акты императора.

Статья 101 гласила, что канцлер и министр в совокупности ответственны перед палатами Госу-

дарственной думы за общее состояние государственного управления. Кроме того, согласно ст. 102 за нарушение прав граждан и законов министры подлежат гражданской и уголовной ответственности. За умышленное нарушение законов и злоупотреблением властью или бездействием каждая из палат может привлечь министра к ответственности с преданием суду кассационного департамента Сената. При этом помилование осужденного министра может быть осуществлено только по ходатайству той палаты, постановлением которой он был предан суду (ст. 103). Очевидно, что данная норма была направлена на то, чтобы не дать возможности императору помиловать близкого ему министра.

Раздел V определял основы местного самоуправления.

Согласно ст. 104 области, губернии, уезды и волости образуют само-управляющиеся союзы, именуемые земствами. Города же образуют само-управляющиеся общины. Важно, что ст. 106 четко определяла, что местное самоуправление низших союзов (волость, уезд, город) основано на всеобщем, равном, прямом и тайном (закрытом) голосовании. Собрание высших самоуправляющихся союзов могут выбираться собраниями низших союзов. Очевидно, что авторы данного проекта полагали, что навыки управления государственными делами вырабатываются прежде всего на низовом уровне, когда гражданин решает вопросы местного значения в кругу соседства. Именно таким путем происходит экспликация народной воли. Однако, к сожалению, авторы не стали детально описывать, что относится к вопросам местного значения, сделав отсылку в ст. 107 к специальному закону по этому предмету.

Раздел VI посвящен судебной власти.

Здесь четко формулируется запрет на совмещение правительственной (административной) и судебной власти (ст. 109) и принцип независимости судов (ст. 110). Статья 111 также гарантировала несменяемость судей без решения особого суда и на основании отдельного закона. Статья 112 гласила, что все уголовные дела подлежат рассмотрению присяжными заседателями, за исключением дел об обвинении в совершении преступления министра. Все остальные должностные лица подлежат ответственности на равных со всеми гражданами основаниях.

К сожалению, эта глава не предусматривала создание Верховного суда для защиты и толкования норм Основного закона. Так же мы не найдем четкого описания судебной системы, как таковой, и порядка приведения к должности судьи.

Избирательный закон, так же как и в проекте «Союза Освобождения», не распространял свое действие на большую часть Российской

Империи, населенной так называемыми «иностранцами». Избирательная система согласно этому проекту должна быть мажоритарной и одномандатной (один представитель от одного округа) (ст. 17).

Статьи 3-18 довольно детально описывали избирательный процесс, начиная с формирования округов до подведения итогов выборов. Субъектом избирательного процесса, ответственным за его организацию, являлись органы местного самоуправления, а не Министерство внутренних дел, как это предусматривалось в Положении о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г., разработанного группой А.Г. Булыгина. Очевидно, авторы данного проекта полагали, что на местах гарантии проведения честных выборов выше в том случае, если чиновники всех мастей не будут допущены до участия в избирательном процессе. Оценивая данный проект в целом, можно сказать следующее.

Данный проект полнее выражает представления российских юристов второй половины XIX – начала XX в. о конституционном государстве. И в этом аспекте трудно согласиться с А.Н. Медушевским, который считает, что «С.А. Муромцев, работавший с Ф.Ф. Кокошиным, ограничил до минимума изменения в существующих законах и максимально обосновал такие изменения с юридической точки зрения» [2]. Или, как он же в другом месте пишет следующее: «Авторы проекта, придав ему более четкую юридическую форму, сознательно смягчили многие положения предшествующего [проекта “Союза Освобождения”. – В.В.К.] конституционного проекта» [3]. На самом деле цель российских конституционалистов при подготовке этого, да и других проектов и политических программ, была в том, чтобы в корне изменить правовую идеологию и политическую систему. Проекты Л.Б. Струве и С.А. Муромцева отличаются не по сути, а только с точки зрения юридической техники. Некоторые аспекты конституционализма были лучше сформулированы именно в последнем варианте Основного закона Российской Империи. А недостатки у этих проектов общие, и связаны они не с большей или меньшей компромиссностью авторов, а с особенностями российского конституционализма второй половины XIX – начала XX в.

Для того чтобы внести раскол в правящую элиту и привлечь некоторую часть на свою сторону, С.А. Муромцев отталкивается в своем проекте от идеи законности, которая уже стала практически своей для многих поколений правительственных сановников, которые сознавали, что только соблюдение принципа законности может остановить произвол на нижних ступенях властной иерархии. (Как показал дальнейший ход событий, расчет оказался верным, и некоторые

крупные чиновники (например, С.Ю. Витте) содействовали имплементации идей конституционализма в государственном праве Российской Империи. Благодаря им, собственно говоря, и появился Октябрьский манифест, были приняты Основные законы 1906 г. и начала работать первая Государственная дума. Однако недалёковидность царского окружения, мнимый конституционализм и крайне неудачный ход Первой мировой войны, а также некоторые особенности российского конституционализма не позволили завершить мирную трансформацию абсолютной монархии в демократическую республику.) Именно поэтому разд. I подчеркивает необходимость осуществления государственного управления на основе законов, и что власть осуществляется совместно императором и народными представителями. В общем и целом и эта идея также еще лежала в русле официальной идеологии. Но вот акцент на процедуре принятия законов переворачивает всю действующую конструкцию государственного права и ставит закон выше воли императора. Сохранение безответственности императора при его подчиненности закону возможно только при наличии скрепы ответственного перед законом и органом, его одобрявшим (т.е. Государственной думы), министра, который принимает на себя риски текущего управления государством.

Такая, на наш взгляд, блестящая и с точки зрения юридической техники безупречная комбинация позволяет из понятных властвующей элите посылок, используя догматический метод, дедуцировать (а значит, и обосновать) принципы конституционного государства. Именно для усиления этого эффекта ст. 14 данного проекта освобождает от ответственности за неисполнение противоречащих Основному закону указов и распоряжений, исходящих от административной власти, а также разрешает любому суду не применять законы, противоречащие Основному закону. Фактически это легитимация мирного революционного действия и обоснование права граждан на самооборону от произвола властей. А произвол в то время был фактически основным методом государственного управления, поскольку Положение о мерах к сохранению государственной безопасности и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. (данное положение, изданное как временный акт (на три года), последовательно возобновлялось по истечении каждого трехлетия и действовало вплоть до Февральской революции 1917 г.) легализовало широкомасштабное применение насилия против оппонентов режима: объявление чрезвычайного положения в любой местности, возможность ареста, ссылки и предания военному суду любого гражданина.

Именно поэтому разд. II данного проекта посвящен закреплению основных прав и свобод российских граждан. В этом разделе детально описываются право личной (личной жизни) неприкосновенности, свобода слова, совести и исповедования религии, печати, собраний и союзов. Подробно защищаются права задержанного на скорый и объективный суд и т.д. Однако мы не найдем в этом разделе права на помощь адвоката и обязанность органа государственной власти ее предоставлять, что по крайней мере странно для такой поголовно неграмотной страны, как Россия того времени. К сожалению, российские конституционалисты второй половины XIX – начала XX в. под гарантиями прав понимали преимущественно догму права, а не организационные механизмы, содействующие их реализации. Аналогично дело обстоит и с социальными правами. Понимая, что рабочий вопрос уже стоит во весь рост, они, тем не менее, считали возможным его решение через использование самими рабочими классических гражданских прав, например права на союз для отстаивания своих интересов. Конечно, если у страны еще впереди многие годы поступательного развития, и она при этом является лидером индустриального мира (как, например, Англия XIX в.), то можно рассчитывать на постепенную эволюцию индивидуальных прав в социальное право. К сожалению, у России начала XX в. такого запаса времени, терпения народа и мудрости властвующей элиты не было, и дело кончилось скорой катастрофой.

В части учреждения Государственной думы, Избирательного закона и вопроса об ответственности министров перед органом народного представительства проект С.А. Муромцева фактически повторяет проект «Союза Освобождения» и, следовательно, имеет те же достоинства и недостатки, на которые мы указывали при анализе предыдущего проекта, за исключением того, что некоторые вопросы четче прописаны с точки зрения юридической техники. Например, у С.А. Муромцева четко фиксируется дата начала работы Государственной думы (ст. 67); есть запрет закрывать сессию Думы без окончательного одобрения росписи государственных расходов и доходов (ст. 72). Так же важно, что в этом проекте имеется хорошо составленный регламент работы Думы (ст. 74 - 81) и четко описаны стадии законодательного процесса (ст. 82 - 97). Статус члена Государственной думы также закреплён здесь лучше, чем в проекте П.Б. Струве.

По нашему мнению, разд. IV, посвященный работе правительства, не дает правовых оснований для самостоятельного проведения политики министерствами. Не понятен также статус канцлера, нет, как такового, понятия «кабинет мини-

стров». Фактически министры находятся между молотом (императором, назначающим их и увольняющим) и наковальней (ответственностью перед Государственной думой). Зажатые в такие тиски они не могут проводить политику в интересах общества, а только в интересах или нанимателя, или контролера. Поэтому можно с уверенностью заявить, принцип разделения властей проведен непоследовательно, поскольку исполнительная власть несамостоятельна и не независима.

Серьезное отличие проекта С.А. Муромцева от проекта «Союза Освобождения» заключается в обеспечении защиты Основного закона и способах обеспечения независимости судебной власти. Проект П.Б. Струве предусматривал создание для этих целей особого Верховного суда, задача которого в этом и состояла. И хотя он не имел права отменять законы, противоречащие Основному закону, централизация конституционного контроля позволяла бы нарабатывать прецеденты и историю толкований положений Основного закона. Проект же С.А. Муромцева не предусматривал учреждения новых судов, а намеревался использовать существующую с 1864 г. судебную систему во главе с Сенатом, который в схеме этого проекта отвечал за обнародование после проверки его текста на предмет соответствия Основному закону. Судам же других инстанций просто предоставлялось право не применять законы, которые, по мнению суда, противоречат нормам Основного закона. Поэтому данный проект ограничивается провозглашением независимости суда и несменяемости судьи, и, как ни странно, не вдаваясь при этом в детали

юридической техники реализации этих принципов. Получается, что в этой схеме отсутствует судебный орган, ответственный за публичное толкование положений Основного закона в рамках процедуры судопроизводства. Вместо этого сохраняются непрозрачная работа Сената и возможный судебский произвол. Тем самым, на наш взгляд, неявно проектом С.А. Муромцева умаляется учредительная власть народа, логика реализации которой и требует особого судебного органа конституционного надзора и контроля.

К сожалению, ни тот, ни другой проекты не уделили должного внимания вопросу судебных кадров (прежде всего, порядку их назначения). А самое главное – оба они не учитывали того, что независимость судебной власти для своей гарантии требует четкой иерархии судебных инстанций и четкой процедуры назначения на судебские должности, что демонстрирует связь с источником всякой власти в конституционном государстве – народной волей.

В общем и целом можно утверждать, что проекты Основного закона Л.Б. Струве и С.А. Муромцева отличаются не по сути, а только с точки зрения юридической техники, хотя некоторые аспекты конституционализма были лучше сформулированы именно в последнем варианте Основного закона Российской Империи. А недостатки у этих проектов общие, и связаны они не с большей или меньшей компромиссностью авторов, как это полагает, например, А.Н. Медушевский, а с выявленными особенностями российского конституционализма второй половины XIX – начала XX в.

Список литературы:

[1] Проект основного закона Российской Империи, измененный земским бюро // Конституционное государство: сб. ст. 2-е изд. СПб.: Общественная польза, 1905. С. 552 - 580.

[2] Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России XVIII - начала XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 53.

[3] Медушевский А.Н. С.А. Муромцев // Российские либералы: сб. ст. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. С. 87.

Spisok literatury:

[1] Proekt osnovnogo zakona Rossijskoj Imperii, izmenennyj zemskim byuro // Konstitucionnoe gosudarstvo: sb. st. 2-e izd. SPb.: Obshchestvennaya pol'za, 1905. S. 552 - 580.

[2] Medushevskij A.N. Konstitucionnye proekty v Rossii // Konstitucionnye proekty v Rossii XVIII - nachala XX veka. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2010. S. 53.

[3] Medushevskij A.N. S.A. Muromcev // Rossijskie liberaly: sb. st. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2001. S. 87.

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

DOI:10.24412/2224-9125-2021-5-30-36
NIION: 2021-0079-4/21-027
MOSURED: 77/27-025-2021-04-027
УДК – 347
ББК –67.404

СВИРИДОВА Екатерина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент Департамента правового регулирования
экономической деятельности Финансового университета
при Правительстве РФ
e-mail: katesvi@ya.ru

*12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право;
международное частное право*

ПАРОДИЯ НА ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ И ТОРГОВЫЕ МАРКИ В РОССИЙСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. О правомерности использования товарных знаков в юмористическом контексте однозначного решения во французском и российском законодательстве нет. Во Франции именно судебная практика выработала и закрепила пределы пародирования торговых марок: отсутствие злого умысла на причинение вреда, с одной стороны, и отсутствие риска смешения, с другой стороны, а также отсутствие коммерческой цели пародии. В российской судебной практике конкретных выводов о пародии на товарный знак найти не удалось, однако, исходя из имеющихся материалов, можем сделать вывод, что нормы о пародии в авторском праве к товарным знакам применению не подлежат.

Ключевые слова: пародия, товарный знак, торговая марка, коммерческая цель, авторское право, паразитирование, умысел.

SVIRIDOVA Ekaterina Aleksandrovna,
candidate of legal Sciences, associate Professor,
associate Professor of the Department of legal regulation of economic activities,
Financial University under the Government of the Russian Federation

THE PARODY OF TRADEMARKS IN THE RUSSIAN AND FRENCH JURISPRUDENCE

Annotation. About legitimacy of use of trademarks in a comic context of the unambiguous decision in the French and Russian legislation isn't present. In France jurisprudence developed and fixed limits of parodying of trademarks: lack of evil intention on infliction of harm, on the one hand and lack of risk of mixture, on the other hand, and also lack of a commercial purpose of the parody. About the parody to the trademark it wasn't succeeded to find in the Russian jurisprudence of concrete conclusions, however, proceeding from the available materials, it is possible to draw a conclusion that norms on the parody in copyright to trademarks aren't subject to application.

Key words: parody, trademark, trademark, commercial purpose, copyright, parasitizing, intention.

Право на юмор, которое происходит от принципа свободы выражения мнения, установленного в ст. 11 Декларации прав человека и гражданина и ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, объясняет, что право на пародию ограничивает монопольное право автора на созданное им произведение [3, с. 63].

Гражданский кодекс Российской Федерации закрепляет за автором произведения монопольное право использовать его результат твор-

ческой деятельности в соответствии со ст. 1229 ГК РФ в любой форме и любым не противоречащим закону способом, в том числе способами, указанными в п. 2 ст. 1270 ГК РФ.

Российский законодатель исходит из права разрешенного использования результата интеллектуальной деятельности только с согласия правообладателя. Вместе с тем в праве интеллектуальной собственности действует принцип соблюдения разумного баланса интересов пользователей и правообладателей. В частности, помимо

установленного законом ограниченного срока действия исключительного права в отношении отдельных объектов интеллектуальной собственности (например, периода жизни автора и семи-десяти лет начиная с первого января, следующего за годом его смерти, или десяти лет срока действия права на товарный знак с правом последующего продления свидетельства на него), за пределами которого объект интеллектуальной собственности переходит в общественное достояние, предусмотрены различные способы свободного использования результатов интеллектуальной деятельности, когда третьи лица получают возможность использовать тот или иной объект интеллектуальной собственности без согласия автора или иного правообладателя и, в некоторых случаях, без выплаты им вознаграждения еще в период действия исключительного права. Так, согласно ст. 1359 ГК РФ, не считается нарушением исключительного права патентообладателя проведение научного исследования продукта или способа, в которых использованы изобретение или полезная модель, либо научного исследования изделия, в котором использован промышленный образец, либо проведение эксперимента над таким продуктом, способом или изделием. В силу установленного в ст. 1487 ГК РФ принципа исчерпания прав, допускается использование товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия.

Наибольшее количество случаев свободного использования установлено в отношении объектов авторского права. Один из таких способов предусмотрен в п. 4 ст. 1274 ГК РФ, согласно которому разрешено без согласия автора или иного обладателя исключительного права на оригинальное произведение и без выплаты ему вознаграждения создавать произведение в жанре литературной, музыкальной или иной пародии либо в жанре карикатуры на основе другого (оригинального) правомерно обнародованного произведения и использовать эти пародии либо карикатуры.

Товарный знак, как известно, объектом авторского права не является. Однако на практике нередко встречаются пародии на известные товарные знаки. Параграф 2 гл. 76 ГК РФ не содержит никаких указаний на этот счет. Однако имеется п. 6 ст. 1483 ГК РФ, согласно которому не могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков обозначения, тождественные или сходные до степени смешения с товарными знаками других лиц, заявленными на регистрацию в отношении однородных товаров и имеющими более ранний приоритет, либо товарными зна-

ками других лиц, охраняемыми в Российской Федерации, в том числе, в соответствии с международным договором Российской Федерации, в отношении однородных товаров и имеющими более ранний приоритет, либо общеизвестными товарными знаками других лиц, в отношении однородных товаров с даты более ранней, чем приоритет заявленного обозначения.

Вместе с тем абзацем ниже указывается на возможность регистрации обозначения, если оно сходно до степени смешения с каким-либо из товарных знаков, заявленных на регистрацию ранее или охраняемых на территории Российской Федерации (за исключением общеизвестных и коллективных) в отношении однородных товаров при наличии согласия правообладателя. Таким образом, заявитель, намеревающийся зарегистрироваться обозначение, сходное до степени смешения со «старшим во времени» товарным знаком, может вместе с заявкой на государственную регистрацию товарного знака, либо позднее при проведении экспертизы заявки на товарный знак, либо при подаче возражения в палату по патентным спорам представить письменное согласие обладателя права на сходный до степени смешения товарный знак. Такое согласие правообладателя учитывается при решении вопроса о предоставлении правовой охраны, если однородность товаров не является однозначной и исключена вероятность смешения при использовании товарных знаков для соответствующих товаров. Однако даже при наличии согласия правообладателя товарного знака на регистрацию сходного до степени смешения обозначения в отношении товаров, однородность которых носит дискуссионный характер, обозначению будет отказано в регистрации в случаях, когда сходный с ним до степени смешения товарный знак является широко известным среди потенциальных потребителей товара и ассоциируется с конкретным производителем (в частности, когда речь идет об общеизвестном товарном знаке) либо индивидуализирует товары широкого потребления и повседневного спроса, а также лекарственные средства.

Кодекс интеллектуальной собственности Франции, аналогично российскому Гражданскому кодексу, предусматривает наличие у правообладателя торговой марки монопольного права, включающего правомочие на защиту торговой марки против любых нарушений, в том числе со стороны тождественных или сходных до степени смешения обозначений.

Согласно статьям L.713-2 Кодекса интеллектуальной собственности Франции, без разрешения правообладателя торговой марки не допускается репродуцирование, использование или маркировка торговой маркой (даже при условии

дополнения такими словами, как формула, способ, система, имитация, род, метод, использование воспроизведенной марки) товаров или услуг, аналогичных товарам или услугам, указанным в реестре торговых марок.

Статья L713-3 Кодекса интеллектуальной собственности Франции запрещает без разрешения правообладателя, при условии возникновения риска введения потребителя в заблуждение:

а) репродуцирование, использование или маркировку торговой маркой, равно как и использование воспроизведенной торговой марки для товаров или услуг, аналогичных товарам или услугам, указанным в реестре торговых марок;

б) имитацию торговой марки и использование имитируемой марки для товаров или услуг, аналогичных товарам или услугам, указанным в реестре торговых марок.

Более широкая защита предусмотрена в отношении общеизвестных торговых марок в ст. L.713-5 Кодекса. Так, репродуцирование или имитация общеизвестной торговой марки в отношении товаров или услуг, не аналогичных товарам или услугам, указанным в реестре торговых марок, влечет за собой гражданско-правовую ответственность при условии, если используемое обозначение способно нанести ущерб правообладателю общеизвестной торговой марки или если имитирующее ее обозначение приводит к неправомерному использованию торговой марки.

Исходя из приведенных правовых норм французского законодательства, можем сделать вывод о невозможности воспроизведения или имитации торговой марки, зарегистрированной в отношении аналогичных товаров и услуг. Общеизвестные торговые марки пользуются более широкой защитой.

В контексте установленной монополии правообладателя на торговую марку справедливо возникает вопрос о правомерности использования обозначения, пародирующего товарный знак/торговую марку другого лица. Возможно ли под предлогом юмора обойти правовые запреты и воспроизвести чужую торговую марку/товарный знак в сатирическом варианте? Иначе говоря, ограничена ли монополия правообладателя правом на свободное использование товарного знака/торговой марки в рамках пародии?

Так, возникает вопрос о правомерности использования товарного знака в информационных целях. Российская судебная практика дает положительный ответ. Например, в деле № А40-128923/2015 [2] основанием обращения в суд стал факт размещения на сайте ответчика статьи, в которой в негативных выражениях упоминался товарный знак ответчика. Однако Суд по интеллектуальным правам, рассматривавший данное дело, счёл, что использованные в статье выраже-

ния носят оценочный и субъективный характер, а сам факт упоминания товарного знака в описательных или информационных целях не считается использованием товарного знака. Таким образом, суд пришел к выводу, что размещенная на сайте статья носит информационный характер, тогда как не является использованием товарного знака упоминание слова, хотя и зарегистрированного в качестве товарного знака, но употребляемого в статьях в описательных или информационных целях.

Во Франции также считается правомерным использование торговой марки в информационных документах и сообщениях при условии, что упоминаемая марка не была искажена. Вместе с тем о правомерности использования торговой марки в юмористическом контексте однозначного решения во французской системе права и судебной практике нет.

В Постановлении от 26 октября 1979 г. Парижский Верховный суд, отмечая абсолютный характер права на торговую марку, пояснил, что упоминание торговой марки журналистом не может рассматриваться как ущемление прав правообладателя этой марки [11, с. 65]. Торговая марка не должна использоваться для индивидуализации товаров других марок, для обозначения вида товара в целом и не отдельных товаров, в отношении которых марка была зарегистрирована. В Постановлении от 17 сентября 1980 г. Парижский Верховный суд запретил использование торговой марки BIC в литературном произведении для обозначения шариковой автоматической ручки в целом [9]. Парижский апелляционный суд в Постановлении от 22 ноября 1984 г. запретил использование марки ткани «Liberty» журналистом [12, с. 175].

В отсутствие законодательного регулирования ряд авторов французской правовой доктрины полагают, что права интеллектуальной собственности иерархизированы согласно критерию творчества, в связи с чем объекты авторского права имеют превосходство над торговыми марками [10].

Начнем с того, что во французском законодательстве не предусмотрено никаких исключений для пародии на торговую марку. Подобного рода случай свободного использования результата интеллектуальной деятельности предусмотрен в отношении объектов авторского права в ст. L. 122-5 Кодекса интеллектуальной собственности Франции, содержащей исключение из монопольного исключительного права автора на произведение. Согласно указанной норме пародия, подражание и карикатура, целью которой является высмеивание оригинального авторского произведения, допускается без согласия автора

«высмеиваемого» произведения, если это не наносит вреда автору.

Торговая марка выполняет две функции: она защищает правообладателя против посягательств со стороны его конкурентов или других участников гражданского оборота и гарантирует потребителю происхождение товаров или услуг, которые ему реализуются.

Согласно ст. L. 711-4 Кодекса интеллектуальной собственности Франции, не допускается использование в качестве торговой марки обозначения, нарушающего авторское право другого лица.

Во Франции именно судебная практика выработала и закрепила пределы пародирования торговых марок.

Изначально французская судебная практика использовала следующий подход: поскольку ст. L. 122-5.4 Кодекса интеллектуальной собственности предусматривает ограничение монополии автора правом на пародию и не указывает аналогичного ограничения в отношении права на торговую марку, с учетом различной правовой природы указанных объектов интеллектуальной собственности аналогия закона неприменима. Так, в Постановлении от 5 июля 1988 г. Парижский Верховный суд усмотрел в использовании торговой марки сигаретной бумаги «ZigZag» для обозначения туалетной бумаги признаки контрафакта, несмотря на то, что такое использование преследовало юмористические цели [15, с. 118]. Верховный суд Нантера в Постановлении от 6 апреля 1994 г. решил, что комикс «Невероятные приключения Istérix» является правомерной пародией на «Приключения Astérix le Gaulois», но использование имени Istérix должно расцениваться как нарушение прав на торговую марку «Astérix» [13].

Однако не только отсутствие законодательного регулирования служит основанием для неприменения положений о пародии в авторском праве к торговым маркам, но и подозрение в экономическом паразитизме. Иногда намерение использовать торговую марку в юмористических целях может прикрывать собой стремление паразитировать на деловой репутации торговой марки, принадлежащей другому лицу.

Так, в Постановлении от 17 февраля 1990 г. Парижский Верховный суд вынес решение в отношении торговой марки, состоящей из словесного элемента «Attention, j'accoste» и изображения двух крокодилов на лыжах, которые предавались сексуальным утехам, указав на невозможность применения положения закона о праве на пародию и карикатуру на произведение в отношении торговых марок. Судьи указали, что юмористический характер спорного обозначения

преследует прежде всего цель паразитирования на деловой репутации общества «Lacoste» [13].

В деле общества «JT International GmbH» против Национального комитета по контролю респираторных и туберкулезных заболеваний (CNMRT) Кассационный суд установил следующие пределы использования торговой марки как объекта пародии:

- пародирование торговой марки должно осуществляться в целях общественной пользы, без намерения причинить вред ее правообладателю;
- такая цель должна соответствовать социальной цели общественного объединения (ассоциации, профсоюза);
- используемые средства должны быть соразмерны с преследуемой целью [5].

Относительно использования торговой марки «Camel» на антитабачных плакатах суд решил, что CNMRT действовал в соответствии со своей социальной целью здравоохранения средствами, соразмерными с этой целью, и не злоупотребил своим правом свободного выражения. Таким образом, если ассоциация борьбы против курения не ведет коммерческую деятельность, конкурирующую с деятельностью обладателей прав на торговые марки, основополагающий принцип свободы выражения мнения допускает любую творческую деятельность, в том числе карикатуру, для достижения общественной пользы.

В деле «Greenpeace против Areva» Кассационный суд в Постановлении от 8 апреля 2008 г. указал, что «Greenpeace» действовал в соответствии со своим предметом, в целях общественной пользы и здравоохранения, средствами, соразмерными с этой целью, и, следовательно, не злоупотребил своим правом свободного выражения мнения.

В деле «Greenpeace против Esso» суд счёл, что использование элементов торговой марки, индивидуализирующей товары и услуги общества ESSO, в измененной форме выражающей критику в полемическом контексте, составляет средство, соразмерное с выражением такой критики.

Как следует из рассмотренных дел, Кассационный суд допускает пародию торговых марок только для общественных организаций (ассоциаций, профсоюзов), действующих в заранее определенных условиях.

Таким образом, французское законодательство, так же как и ГК РФ, не предусматривает исключения для использования товарного знака в рамках пародии. Только использование в полемических целях допускается при соблюдении трех условий: обеспечение общественной пользы, наличие социальной цели общественного объе-

динения, использование в составе пародии средств, соразмерных с преследуемой целью.

Напротив, если речь идет об использовании зарегистрированной торговой марки субъектом экономической деятельности в целях общественной пользы или в полемических целях, оно будет считаться нарушением прав правообладателя торговой марки.

Итак, не все экономические субъекты могут пользоваться статусом общественных организаций или оправдать свою пародийную интерпретацию торговой марки критикой в целях общественной пользы. Следовательно, высока вероятность распространения в отношении пародийных товарных знаков норм о контрафактной продукции и, следовательно, риска привлечения к ответственности за ее использование.

Так, в деле «Tgi de Paris» физическое лицо создало Интернет-сайт, на котором воспроизводились торговые марки, зарегистрированные за обществом «Pernod Ricard», в юмористическом контексте. Общество «Pernod Ricard», не желающее быть предметом сатиры, подало в суд на владельца сайта. Несмотря на то что в суде были доказаны добросовестность владельца сайта и отсутствие цели извлечения прибыли от использования сходства с чужой торговой маркой, суд отметил отсутствие в законодательстве возможности свободного использования торговой марки без согласия ее правообладателя в рамках пародии. Кроме того, суд уточнил, что свобода выражения не должна ущемлять права третьих лиц, в частности обладателя права на торговую марку.

В другом деле радиоведущий упомянул зарегистрированную торговую марку «Nutella» в эфире радиопередачи в шутке с сексуальным подтекстом, способным оскорбить чувства некоторых слушателей. Общество «Ferrero France» потребовало в суде защиты своего права на торговую марку. Парижский апелляционный суд в Постановлении от 7 мая 2004 г. отклонил аргумент ответчика, что ссылка на марку «Nutella» была лишена реального значения, использовалась ведущим в отношении продукции, которая не маркируется данной маркой, и, следовательно, не могла вызвать у радиоаудитории ассоциации с продукцией, маркированной маркой «Nutella». Суд указал, что свобода выражения и юмористический характер речи ведущего не оправдывает упоминания (к тому же в сексуальном контексте) названия известного продукта, целевыми потребителями которого являются дети [6].

В деле «Petit Chavire против Petit Navire» суд сделал вывод о том, что исключение из монополии правообладателя при создании пародии, подражания и карикатуры, определенной Кодексом интеллектуальной собственности Франции в ст. L. 122-5-4, действует только в отношении авторских

произведений и не применяется к праву торговых марок [7].

Как отметил суд, конституционный принцип свободы выражения мнения в случае его применения при пародировании торговой марки может способствовать недобросовестному поведению, в том числе, за счет критики как продуктов, маркируемых пародируемой торговой маркой, так и деятельности предприятия, являющегося обладателем прав на эту марку, в связи с чем использование такой марки экономическим субъектом будет состоять только в извлечении прибыли за счет известности пародируемой торговой марки, что приведет к паразитированию на деловой репутации ее правообладателя.

Условия правомерности использования пародии имеют общие основания для объектов авторского права и торговых марок.

Традиционными условиями правомерности использования пародии в авторском праве является отсутствие риска смешения и намерения причинить вред. В этом отношении Парижский апелляционный суд в Постановлении от 15 октября 1985 г. высказался, что пародия в авторском праве должна быть направлена на то, чтобы спровоцировать смех начиная с комического изменения оригинального произведения, иметь достаточные отличия от этого произведения, чтобы не возникло смешения с ним, и не дискредитировать оригинальное произведение [8, с. 227]. Эти два условия (отсутствие злого умысла на причинение вреда, с одной стороны, и отсутствие риска смешения, с другой стороны) могут применяться и к торговым маркам.

Что касается первого условия, суды вынуждены различать правомерную пародию, конечная цель которой – достижение юмористического эффекта, и неправомерную пародию, цель которой – опорочивание торговой марки. Так, Парижский Верховный суд признал юмористическую конечную цель в пародии на торговую марку «Lada». По обстоятельствам дела в фильме Даррена Аронофски «Мама» из уст главных героев прозвучала шутка, которая дискредитировала марку «Lada». Текст был такой: «В чем разница между «Lada» и СПИДОМ? Очень сложно передать свою «Lada»». Суд отметил, что спорная фраза представляет собой реплику, цель которой – развлекать зрителей фильма, и что эта шутка не дискредитирует торговую марку, а авторы фильма не имели намерения причинить вред имиджу производителя «Lada» [14, с. 57].

Вторым условием правомерности использования пародии является отсутствие возможности смешения пародийной торговой марки с пародируемой торговой маркой. Парижский апелляционный суд в Постановлении от 2 мая 1989 г. расценил выражение «Так-О-Так», исполь-

зуемое в качестве марки обществом национальной лотереи и национального лото, как тождественную одноименной игре, способную ввести в заблуждение среднестатистического, недостаточно информированного потребителя. Данная торговая марка не может считаться пародией, поскольку не исключен риск смешения с оригинальным произведением [4, с. 228].

Практика сформулировала третье условие правомерности использования пародии на торговые марки применительно только к последним – отсутствие коммерческой цели пародии. Впервые на данное условие указало Постановление Апелляционного суда Версаля от 17 марта 1994 г. В данном Постановлении суд отметил, что у общественных организаций не может быть намерения причинить вред и конечная цель социальных кампаний (антитабачной в данном деле) лишена какого-либо коммерческого интереса. В другом деле суд счёл, что, даже если субъект, использующий пародийное обозначение, является коммерческой организацией, это не всегда означает наличие у него цели извлечения прибыли. Так, Апелляционный суд Реймса указал, что наличие статуса торговой фирмы у общества «Canal Plus» не имеет отношения в определении цели, преследуемой каналом, так как основная цель «Canal Plus» состоит в развлечении телезрителей. Между обществом «Canal Plus» и Автомобильным Обществом отсутствует конкуренция, поскольку они осуществляют диаметрально противоположные виды деятельности [8, с. 230].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что французская судебная практика выработала подход, согласно которому правомерной считается пародия на торговую марку при соблюдении трех условий: отсутствует риск смешения пародийного обозначения и положенной в основу пародии торговой марки, отсутствует намерение причинить вред правообладателю пародируемой

торговой марки и отсутствует коммерческая цель использования пародийного обозначения.

В российской судебной практике конкретных выводов о пародии на товарный знак найти не удалось, однако, исходя из имеющихся материалов, можем сделать вывод, что нормы о пародии в авторском праве к товарным знакам применению не подлежат. Так, в деле № 33-33205 Московский городской суд не принял во внимание ссылку на ст. 1274 ГК РФ, расценив используемое на интернет-странице ответчика переработанное изображение товарного знака, права на который принадлежали истцу, как оскорбительное. В данном деле известный предприниматель и блогер Артемий Лебедев предложил читателям своего блога сделать переработку товарного знака, зарегистрированного за ОАО «Аэрофлот». Оригинальный товарный знак, а также созданные пользователями на его основе измененные изображения товарного знака были размещены на странице (в блоге) А. Лебедева. При этом в одном из вариантов в состав логотипа ОАО «Аэрофлот» было включено нецензурное выражение. ОАО «Аэрофлот» решило, что переработанные изображения его товарного знака носят оскорбительный характер и выходят за допустимые рамки осуществления права на свободу выражения мнения. Суд удовлетворил требования компании «Аэрофлот», сославшись на нарушение ответчиком норм о запрете использования без согласия правообладателя товарного знака, в том числе, в переработанном виде, с использованием бранной и нецензурной лексики и оскорбительных выражений. Несмотря на то что ответчик в данном деле не являлся непосредственным автором переработанных изображений товарного знака, суд возложил на него ответственность, поскольку именно администратор и автор интернет-страницы несут ответственность за размещенную на ней информацию [1].

Список литературы:

[1] *Определение Московского городского суда от 14.10.2011 по делу № 33-33205 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».*

[2] *Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22 июля 2016 г. № C01-377/2016 по делу № А40-128923/2015 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».*

[3] *B. ADER, Le droit a l'humour, Legicom n° 3, 1994.*

[4] *CA Paris, 2 mai 1989, cite par E. Baud et S. Colombet, D., 1998.*

[5] *Cass. 2e civ., 19 oct. 2006, n° 05-13.489.*

[6] *Cour d'Appel de Paris, 7 mai 2004: Ste Ferrero France c/ Ste Ediradio et M. Laurent Gerra.*

[7] *Cour d'Appel de Rennes, 27 avril 2010 PETIT CHAVIRE c/ PETIT NAVIRE.*

[8] *E. BAUD et S. COLOMBET, La parodie de marque: vers une erosion du caractere absolu des signes distinctifs.*

[9] *G.P., 1981, 1, 133, note P. Le Tourneau; RIPIA, 1981, 275; Ann. propr. ind., 1982, 183.*

[10] M. VIVANT, *Touche pas a mon filtre! Droit de marque et liberte de creation : de l'absolu et du relatif dans les droits de propriete intellectuelle*, JCP ed. E, 1993, 1, 251.

[11] PIBD, 1980, n° 254, III.

[12] PIBD, 1985, n° 370, III.

[13] TGI Paris, 17 fevrier 1990, J.-Cl. Marques, fasc. 7140, n° 15. 20 – TGI Paris, 4 octobre 1996, PIBD, 1997, n° 627, III, p. 123. 21 – TGI Paris, 9 mars 1987, G.P., 1987, 1, 343, Ph. Bertin.

[14] TGI Paris, 19 septembre 1990; PIBD, 1991, n° 492, III.

[15] TGI Paris, 5 juillet 1988, PIBD, 1989, n° 450, III.

Spisok literatury':

[1] *Opređenje Moskovskogo gorodskogo suda ot 14.10.2011 po delu № 33-33205 // Dokument opublikovan ne by'l. SPS «Konsul'tantPlyus».*

[2] *Postanovlenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 22 iyulya 2016 g. № S01-377/2016 po delu № A40-128923/2015 // Dokument opublikovan ne by'l. SPS «Konsul'tantPlyus».*

[3] B. ADER, *Le droit a l'humour*, Legicom n° 3, 1994.

[4] CA Paris, 2 mai 1989, cite par E. Baud et S. Colombet, D., 1998.

[5] Cass. 2e civ., 19 oct. 2006, n° 05-13.489.

[6] Cour d'Appel de Paris, 7 mai 2004: *Ste Ferrero France c/ Ste Ediradio et M. Laurent Gerra*.

[7] Cour d'Appel de Rennes, 27 avril 2010 *PETIT CHAVIRE c/ PETIT NAVIRE*.

[8] E. BAUD et S. COLOMBET, *La parodie de marque: vers une erosion du caractere absolu des signes distinctifs*.

[9] G.P., 1981, 1, 133, note P. Le Tourneau; RIPIA, 1981, 275; Ann. propr. ind., 1982, 183.

[10] M. VIVANT, *Touche pas a mon filtre! Droit de marque et liberte de creation : de l'absolu et du relatif dans les droits de propriete intellectuelle*, JCP ed. E, 1993, 1, 251.

[11] PIBD, 1980, n° 254, III.

[12] PIBD, 1985, n° 370, III.

[13] TGI Paris, 17 fevrier 1990, J.-Cl. Marques, fasc. 7140, n° 15. 20 – TGI Paris, 4 octobre 1996, PIBD, 1997, n° 627, III, p. 123. 21 – TGI Paris, 9 mars 1987, G.P., 1987, 1, 343, Ph. Bertin.

[14] TGI Paris, 19 septembre 1990; PIBD, 1991, n° 492, III.

[15] TGI Paris, 5 juillet 1988, PIBD, 1989, n° 450, III.

JURCOMPANI

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И ЭСТОППЕЛЯ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Рассматриваются вопросы соотношения принципа добросовестности и эстоппеля на современном этапе развития российского гражданского права. В работе выявляются различия между указанными принципами, а также их взаимосвязь в частноправовых отношениях.

Ключевые слова: эстоппель, добросовестность, принцип, понятие, гражданское право.

YAKIMOVA Ekaterina Sergeevna,
senior lecturer,
Department of legal regulation of economic activity,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
post-graduate student of the Department of Civil Law and procedure,
Institute of legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

CORRELATION OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH AND ESTOPPEL ACCORDING TO LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article deals with the relationship between the principle of good faith and the principle of estoppel at the present stage of development of Russian Civil Law. The paper reveals the differences between these principles, as well as their relationship in private law relations.

Key words: estoppel, good faith, principle, concept, Civil Law.

Принципы права характерны для любой отрасли права и относятся к числу важнейших, основополагающих элементов. Их значение невозможно не оценить – основной функцией принципов права является определение тех руководящих начал, которые определяют дальнейшее содержание конкретных правовых норм в качестве своеобразного юридического «камертона».

Так, принцип права необходим в том числе для верного понимания смысла нормы права в случае, «когда он действительно выступает в качестве основы, руководящей идеи конкретного закона, отрасли или института. Подтверждением этому может служить конкретная статья, содержащая данный принцип, либо группа статей, из которых этот принцип может быть выведен» [1].

Изучая вопрос о понятии принципов права, О.А. Кузнецова [2] отметила, что в качестве обобщающего, родового признака в данном случае используются понятия «начало», «идея», «положение» либо их совокупности. По мнению В.Н. Карташова, под принципами права следует понимать «исходные нормативно-руководящие начала (императивные требования), определяющие общую направленность правового регулирования общественных отношений..., когда они непосредственно (легально) выражены в нормативных правовых актах или иных формах права» [3]. Однако в данном случае представляется необходимым отметить, что выражение принципов права в нормах законодательства не предполагает исключительно их закрепления и поименования в качестве таковых. Таким образом, принципы

права могут быть как объединены в рамках определенной статьи нормативного правового акта, так и выражены в различных нормах.

Однако в рамках исследования вопроса о понятии принципов права современными учеными также высказывалась и иная позиция. Так, В.В. Ершов выразил несогласие с пониманием принципа права как идеи или особого нормативного предписания в структуре права и определил принцип права как «самостоятельную основополагающую внешнюю форму российского права, определяющую его сущность» [4; 5; 6; 7]. По мнению С.Б. Полякова, такое понимание сущности принципов права позволяет поставить их в один ряд с нормативными правовыми актами и обычаями делового оборота [8]. На наш взгляд, подобный подход не в полной мере отражает сложившуюся ситуацию, когда принципы права нашли свое отражение в различных нормативных правовых актах.

С.С. Алексеев указывал, что «принципы права - это его сквозные идеи, отражающие его содержание, выражающие основы права, закрепляемые в нем закономерности общественной жизни, которые реально выражены в самой правовой материи... Они как бы «растворены» в праве, «разлиты» в нем, пронизывают собой многие правовые нормы» [9; 10].

Одной из важнейших функций принципов права выступает создание правовой определенности в ситуации, когда отсутствуют конкретные нормы, регулирующие сложившиеся общественные отношения. Именно существование принципов права в гражданских правоотношениях позволяет разрешать вопросы недостаточности или отсутствия правового регулирования и обеспечивает стабильность гражданского оборота.

Рассматривая вопрос о принципах права в целом и принципах гражданского права, в частности, А.В. Коновалов отмечает, что «это объективное нематериальное явление, отличающееся непреходящей стабильностью и не претерпевающее воздействия текущих общественных и экономических обстоятельств. Они первичны и по отношению к этим обстоятельствам, и по отношению к нормам позитивного права, являющимся, по сути, их более или менее удачной интерпретацией в условиях текущего момента. Степень востребованности принципов права в нормах позитивного права является, таким образом, признаком качества последних, а отнюдь не обязательным атрибутом принципов права, необходимым для признания их статуса» [11].

Традиционно к принципам гражданского права относят следующие принципы, закрепленные в ст. 1 ГК РФ.

1. Равенство участников гражданских правоотношений, под которым соответственно пони-

мается наличие одинакового объема возможностей, реализация которых обеспечивается нормами гражданского права.

2. Неприкосновенность собственности независимо от ее формы и личности правообладателя, нормы гражданского права в данном случае служат логическим продолжением закрепленного в Конституции РФ принципа.

3. Свобода договора, которая представляет собой совокупность таких элементов, как свобода в выборе контрагента, свобода в определении условий договора, а также возможность заключать договоры как предусмотренные законодательством Российской Федерации, так и не предусмотренные им, т.е. поименованные и непоименованные.

4. Недопустимость вмешательства в частные дела, которая в полной мере отвечает частноправовому характеру регулируемых гражданским правом отношений и исключает произвольное вмешательство иных лиц, в том числе государства, в данные отношения.

5. Беспрепятственное осуществление гражданских прав и их судебная защита, под которыми понимается гарантия реализации предоставляемых участникам гражданского оборота возможностей, в том числе путем обращения в суд в случае нарушения права.

6. Еще одним получившим свое нормативное закрепление только в 2013 г. принципом гражданского права стала добросовестность участников гражданского оборота. Так, ст. 1 «Основные начала гражданского законодательства» ГК РФ была дополнена нормами о том, что «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно», «никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного положения».

Однако необходимо отметить, что включение указанных норм в ГК РФ не стало первым упоминанием добросовестности в данном нормативном акте. В рамках ГК РФ и ранее имела место добросовестность в субъективном смысле, однако сферой ее применения в основном являются частноправовые отношения. Само по себе деление добросовестности на объективную и субъективную было предложено И.Б. Новицким [12] в его работе, посвященной исследованию принципа добросовестности, который был включен в разработанный и по объективным причинам не принятый проект Гражданского уложения Российской Империи.

Разделение категории добросовестности на объективную и субъективную есть разграничение двух понятий, имеющих одинаковое наименова-

ние, но различных по своей сути. Так субъективная добросовестность представляет собой извинительное незнание стороной обязательства каких-либо обстоятельств, имеющих к нему прямое отношение, т.е. ее действие ограничивается конкретными правоотношениями, возникающими между определенными субъектами, в то время как объективная добросовестность и является тем принципом гражданского права, который пронизывает все гражданско-правовые отношения. Представляется необходимым согласиться с мнением К.В. Нама, согласно которому необходимым является разграничение объективной и субъективной добросовестности, обладающих такими отличиями, как «различные цели и задачи, различные функции, не говоря уже о различии в механизмах правового регулирования» [13].

Следует отметить, что включению в 2013 г. в продолжение тех идей, которые были высказаны в Концепции развития гражданского законодательства [14], не предшествовало глубокое и всестороннее исследование принципа добросовестности, поэтому работа И.Б. Новицкого и сегодня не теряет своей актуальности как одно из наиболее полных исследований, посвященных данному вопросу.

Как отмечает Е.В. Богданов, «требование добросовестного поведения, обращенное ко всем участникам гражданских правоотношений, буквально пронизывает ГК РФ. Этот принцип будет стимулировать участников гражданских правоотношений к поведению, которое в обществе признается в качестве добросовестного» [15]. Однако негативным аспектом в данном случае выступает отсутствие в законе разработанного понятия и содержания принципа добросовестности, что не в полной мере позволяет осуществлять его реализацию на практике. При этом необходимо заметить, что включение в ГК РФ принципа добросовестности стало логичным продолжением реформирования ст. 10 Кодекса, устанавливающей пределы осуществления гражданских прав и запрет злоупотребления ими. Однако закрепленная презумпция добросовестности участников гражданского оборота может быть опровергнута как по заявлению стороны правоотношения, так и непосредственно по инициативе суда, «если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения» [16].

На сегодняшний день принцип добросовестности оказался тесно связан еще с одним новым для отечественного гражданского права институтом – эстоппелем, который получил закрепление в п. 2 ст. 166, п. 5 ст. 166, п. 2 ст. 431.1, п. 3 ст. 432, п. 5 ст. 450.1 ГК РФ. Однако следует обратить внимание, что сам по себе эстоппель применим и к ранее возникшим отно-

шениям как существовавший на практике до его закрепления в ГК РФ в 2013 г., что отмечал ВС РФ [17].

Вопрос о том, можно ли рассматривать эстоппель в качестве принципа гражданского права, следует разрешать не только с позиции отсутствия нормативного закреплённого указания на его применение к частноправовым отношениям в целом, но и с точки зрения его содержания и реализации. Все закреплённые в ГК РФ эстоппели обладают общими чертами: они направлены на исключение ситуации, в которой противоречивое поведение лица приведет к извлечению им дополнительной выгоды.

Как отмечает К.А. Поор [18], эстоппель невозможно рассматривать в качестве принципа гражданского права в силу его негативного содержания – утраты лицом, совершающим противоречивые действия, запрета осуществления своего права извлечь выгоду из сложившегося положения. Однако, на наш взгляд, санкция, которая предусмотрена при противоречивом поведении, не составляет содержание эстоппеля, в то время как таким содержанием фактически является указание на необходимость осуществления своих прав путем совершения последовательных действий, которые разумный контрагент вправе ожидать от данного лица.

Необходимо указать, что отсутствие самого понятия эстоппеля приводит к различному его пониманию учеными [19; 20; 21], однако общими чертами всех этих определений является установление запрета на противоречивое поведение для участников гражданских правоотношений.

Следующий вопрос, который возникает при признании в отношении эстоппеля черт, характерных для принципов гражданского права, – его отграничение от принципа добросовестности. Так, рассматривая эстоппель в качестве проявления принципа добросовестности, Ж.И. Седова и Н.В. Зайцева указывают, что «эстоппель понимается как принцип, который «является частным проявлением общепризнанного принципа международного права – добросовестное выполнение обязательств по международному договору – и представляет собой норму-принцип, которая содержит правовой механизм судебной защиты правила добросовестного поведения, а также норму доказательственного права в судебном/арбитражном процессе, применение которой означает утрату права на защиту посредством лишения стороны права на возражение» [22].

Схожей позиции придерживается и К.А. Поор, отмечая, что «непоследовательное поведение является вариантом недобросовестного поведения, следовательно, запрет последовательного поведения является проявлением прин-

ципа добросовестности, а не отдельным самостоятельным принципом» [23].

Однако с данным мнением не представляется возможным согласиться по следующим причинам: во-первых, непоследовательное поведение не обязательно будет являться недобросовестным. Например, в ситуации, когда сторона получила какую-либо дополнительную информацию об изменившихся условиях и в связи с этим поступила непоследовательно, не означает, что такие действия являются недобросовестными, однако связанная своим предыдущим поведением она не может и не должна извлечь выгоды из такого поведения, в противном случае можно было бы говорить о возможном злоупотреблении стороной своими правами: во-вторых, указанная проявляющаяся взаимосвязь не означает того, что рассматриваемые принципы составляют единое целое.

Принцип добросовестности призван не допустить возникновения ситуации, в которой участник гражданских правоотношений извлекает необоснованную выгоду из своего положения, например, с использованием пробелов в

действующем законодательстве и в данном случае тесно связан с принципом равенства участников гражданских правоотношений. В то же время принцип эстоппеля направлен на ситуацию, в которой лицо связано именно своим предыдущим поведением, а не какими-либо иными обстоятельствами. При этом в ситуации наличия противоречивого поведения основное значение для определения его правовых последствий имеет именно факт непоследовательности данного поведения, а не добросовестность или ее отсутствие в действиях участников правоотношения.

Взаимосвязь принципов гражданского права обусловлена наличием единого круга отношений, на которые они распространяют свое действие и, как следствие, могут действовать в совокупности. Таким образом, считаем возможным выделять принцип эстоппеля в качестве принципа гражданского права, получившего нормативное закрепление только в отдельных нормах, однако при этом он оказывает свое влияние и распространяется на гражданские правоотношения в целом.

Список литературы:

- [1] Толстик В.А., Трусов Н.А. Борьба за содержание права. - Н. Новгород, 2008. - С. 18.
- [2] Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. - М., 2006. - С. 51.
- [3] Карташов В.Н. Принципы права // Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. - М., 2007. - Т. 2. - С. 95.
- [4] Ершов В.В. Правовая природа принципов российского права: теоретические и практические аспекты // Росс. судья. - 2009. - № 5. - С. 13 - 17; - № 6. - С. 19-23.
- [5] Ершов В.В. Классификация принципов российского гражданского права // Росс. юстиция. - 2009. - № 4. - С. 13 - 15.
- [6] Ершов В.В. Юридическая природа общих и гражданско-правовых принципов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2009. - С. 6.
- [7] Ершов В.В. Правовая природа принципов российского права: теоретические и практические аспекты // Росс. судья. - 2009. - № 6. - С. 22.
- [8] Поляков С.Б. Легальные и реальные принципы права // Журнал рос. права. - 2018. - № 9. - С. 17 - 28.
- [9] Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. - М., 2010. - Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. - С. 101.
- [10] Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития - надежда и драма современной эпохи. - М., 2000. - С. 145, 146.
- [11] Коновалов А.В. К вопросу о понятии принципов права // Lex russica. - 2018. - № 8. - С. 81 - 87.
- [12] Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. - 2006. - № 1.
- [13] Нам К.В. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины // Вестник гражданского права. - 2017. - № 6. - С. 76.
- [14] Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. - 2009. - № 11.
- [15] Богданов Е.В. Социализация современного российского гражданского права как тенденция его развития // Современное право. - 2018. - № 1. - С. 45.
- [16] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 1) // Росс. газ. 2015. 30 июня.

[17] Определение Верховного Суда РФ от 24.01.2017 г. № 301-ЭС16-14179.

[18] Роор К.А. Понятие и сущность эстоппеля // Актуальные проблемы рос. права. - 2018. - № 7. - С. 71–81.

[19] Черных И.И. Эстоппель в гражданском судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2015. - № 12. - С. 82.

[20] Дружинин А. Принцип «эстоппель» в действии: когда участник спора может лишиться права выдвигать возражения // Ваш партнер-консультант. - 2015. - № 20.

[21] Коблов А.С. Правило эстоппель в российском праве: проблемы и перспективы развития // Закон. - 2012. - № 5. - С. 215.

[22] Седова Ж.И., Зайцева Н.В. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. - М., 2014. - С. 53.

[23] Роор К.А. Понятие и сущность эстоппеля // Актуальные проблемы рос. права. - 2018. - № 7. - С. 79.

Spisok literatury:

[1] Tolstik V.A., Trusov N.A. Bor'ba za sodержanie prava. - N. Novgorod, 2008. - S. 18.

[2] Kuznecova O.A. Normy-principy rossijskogo grazhdanskogo prava. - M., 2006. - S. 51.

[3] Kartashov V.N. Principy prava // Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: akademicheskij kurs: v 3 t. / otv. red. M.N. Marchenko. - M., 2007. - T. 2. - S. 95.

[4] Ershov V.V. Pravovaya priroda principov rossijskogo prava: teoreticheskie i prakticheskie aspekty // Ross. sud'ya. - 2009. - № 5. - S. 13 - 17; - № 6. - S. 19–23.

[5] Ershov V.V. Klassifikaciya principov rossijskogo grazhdanskogo prava // Ross. yusticiya. - 2009. - № 4. - S. 13 - 15.

[6] Ershov V.V. Yuridicheskaya priroda obshchih i grazhdansko-pravovyh principov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. - M., 2009. - S. 6.

[7] Ershov V.V. Pravovaya priroda principov rossijskogo prava: teoreticheskie i prakticheskie aspekty // Ross. sud'ya. - 2009. - № 6. - S. 22.

[8] Polyakov S.B. Legal'nye i real'nye principy prava // Zhurnal ross. prava. - 2018. - № 9. - S. 17 - 28.

[9] Alekseev S.S. Sobr. soch.: v 10 t. - M., 2010. - T. 3: Problemy teorii prava: kurs lekcij. - S. 101.

[10] Alekseev S.S. Pravo na poroge novogo tysyacheletiya: nekotorye tendencii mirovogo pravovogo razvitiya - nadezhda i drama sovremennoj epohi. - M., 2000. - S. 145, 146.

[11] Konovalov A.V. K voprosu o ponyatii principov prava // Lex russica. - 2018. - № 8. - S. 81 - 87.

[12] Novickij I.B. Princip dobroj sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava // Vestnik grazhdanskogo prava. - 2006. - № 1.

[13] Nam K.V. Princip dobrosovestnosti: nekotorye problemy razvitiya doktriny // Vestnik grazhdanskogo prava. - 2017. - № 6. - S. 76.

[14] Konceptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii // Vestnik VAS RF. - 2009. - № 11.

[15] Bogdanov E.V. Socializaciya sovremennogo rossijskogo grazhdanskogo prava kak tendenciya ego razvitiya // Sovremennoe pravo. - 2018. - № 1. - S. 45.

[16] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 g. № 25 «O primenenii sudami nekotoryh polozhenij razdela I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» (p. 1) // Ross. gaz. 2015. 30 iyunya.

[17] Opređenje Verhovnogo Suda RF ot 24.01.2017 g. № 301-ES16-14179.

[18] Roor K.A. Ponyatie i sushchnost' estoppelya // Aktual'nye problemy ross. prava. - 2018. - № 7. - S. 71–81.

[19] Chernyh I.I. Estoppel' v grazhdanskom sudoproizvodstve // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. - 2015. - № 12. - S. 82.

[20] Druzhinin A. Princip «estoppel'» v dejstvii: kogda uchastnik spora mozhet lishit'sya prava vydvigat' vozrazheniya // Vash partner-konsul'tant. - 2015. - № 20.

[21] Koblov A.S. Pravilo estoppel' v rossijskom prave: problemy i perspektivy razvitiya // Zakon. - 2012. - № 5. - S. 215.

[22] Sedova Zh.I., Zajceva N.V. Princip estoppel' i otkaz ot prava v kommercheskom oborote Rossijskoj Federacii. - M., 2014. - S. 53.

[23] Roor K.A. Ponyatie i sushchnost' estoppelya // Aktual'nye problemy ross. prava. - 2018. - № 7. - S. 79.

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI:10.24412/2224-9125-2021-5-42-46

NIION: 2021-0079-4/21-029

MOSURED: 77/27-025-2021-04-029

УДК 3.346.62

МЫРЗАЛИМОВ Руслан Муратбекович,

доктор юридических наук,

профессор кафедры конституционного и административного
права юридического факультета

Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына,

e-mail: mail@law-books.ru

ЖАЙЛАУБАЙ Жанат Несипбайулы,

соискатель

Национальной академии наук Кыргызской Республики,

e-mail: mail@law-books.ru

БАНКОВСКИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПРАВА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В данной статье исследуются роль и место банковского права в системе права Кыргызской Республики. Что позволяет раскрывать в статье отношения между банками, между банками и их клиентами. Клиенты банка вправе открывать банковские счета в других банках с уведомлением банка-кредитора. Перечень обязательных условий договора банковского займа определяется нормативным правовым актом уполномоченного органа. Перечнем обязательных условий договора банковского займа устанавливается в том числе форма памятки для заемщика - физического лица. Банковские заемные операции в Кыргызской Республике осуществляются в соответствии с Правилами о внутренней кредитной политике, утверждаемыми органом управления банка, ипотечной организации или дочерней организации национального управляющего холдинга в сфере агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: банковская деятельность, банковское дело, банковское кредитование, договорные отношения, банковский займ, памятка для заемщика, банковские правоотношения, система права.

MYRZALIMOV Ruslan Muratbekovich,

Doctor of Law,

associate Professor of Department of Constitutional
and Administrative Law, Faculty of Law,
Balasagyn Kyrgyz National University

ZHAYLAUBAY Zhanat Nesipbayuly,

applicant

of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic

BANK LAW RELATIONS IN THE SYSTEM OF LAW OF THE KYRGYZ REPUBLIC

Annotation. This article examines the role and place of banking law in the legal system of the Kyrgyz Republic. What allows you to disclose in the article the relationship between banks, between banks and their customers. Bank customers are entitled to open bank accounts with other banks with the notification of the lending bank. The list of mandatory conditions for a bank loan agreement is determined by a regulatory legal act of the authorized body. The list of mandatory conditions for a bank loan agreement is established, including the form of a memo for a borrower - an individual. Banking loan operations in the Kyrgyz Republic are carried out in accordance with the Rules on domestic credit policy, approved by the management body of the bank, mortgage organization or a subsidiary of the national managing holding in the agricultural sector.

Key words: banking, banking, bank lending, contractual relations, bank loan, instruction for the borrower, banking relations, legal system.

Прежде чем рассматривать банковские правоотношения, на наш взгляд, представляется важным остановиться на выяснении роли банковского права в современной экономической и юридической науке.

Этот факт порождает множество споров и мнений в правовой науке.

По нашему мнению, банковское право представляет собой совокупность правовых норм, обладающих определенной степенью обособленности и регулирующих однородные общественные отношения, складывающиеся в процессе функционирования банковской системы, возникновения и развития различных ее элементов.

Необходимо отметить, что способы правового регулирования отношений с участием банков и финансово-кредитных организаций обладают определенной спецификой, обусловленной тем, что банковское право регулирует деятельность как коммерческих банков, так и Национального банка и его территориальных учреждений.

Указанная специфика обуславливает сочетание в определенной пропорции таких способов правового воздействия на субъектов банковских правоотношений, как властное предписание, предоставление возможности самостоятельно определять взаимоотношения с другими участниками правоотношений, рекомендации определенного поведения. Однако в целом следует согласиться с точкой зрения о том, что общественные отношения, которые регулируются нормами банковского права, еще не являются настолько своеобразными, чтобы смогли составить предмет отдельной отрасли права [1, с. 4].

Интересным представляется взгляд на банковское право, высказанный российским ученым Г.А. Тосуняном [2, с. 200, 201.], который, детально анализируя данную проблему, приходит к выводу о том, что банковское право представляет собой комплексную отрасль законодательства, постепенно перерастающую в отрасль права. Заслуживают внимания его выводы о том, что под указанной отраслью законодательства понимается, с одной стороны, совокупность гражданско-правовых норм, регулирующих товарно-денежные отношения, складывающиеся при осуществлении банками и иными кредитными организациями деятельности в кредитно-финансовой сфере, а с другой - совокупность административно-правовых норм или, точнее финансово-правовых норм, регулирующих управление государственными финансами со стороны субъектов банковской системы.

Вопрос о статусе банковского права до сих пор является спорным в юридической литературе. В гражданско-правовой науке традиционно

рассматривают банковское право как часть гражданского права. Так, О.С. Иоффе выделяет среди гражданских обязательств группу обязательств по кредитованию и расчетам [3, с. 23 - 26.]. И.С. Гуревич полагал, что банковское право - это подотрасль финансового права, т.е. как совокупность родственных институтов данной отрасли права, которые регулируют общественные отношения, возникающие в процессе осуществления банковских операций, направленных на обеспечение хозяйственной деятельности организаций и обслуживание граждан [4, с. 16, 26].

Ряд известных авторов придерживаются точки зрения, согласно которой банковское право представляет собой составную часть хозяйственного права. Например, по мнению М.Л. Когана, отношения, в которых участвуют банки, являются хозяйственно-правовыми [5, с. 60.]. И.А. Танчук рассматривает кредитные правоотношения как часть хозяйственного права, включая кредитные обязательства в группу хозяйственных обязательств по передаче имущества во владение, пользование, распоряжение с условием возврата равноценного имущества [6, с. 36.].

М.М. Агарков по этому поводу писал, что в составе хозяйственного права принято различать гражданское право и торговое право, которые обычно разъединяют в качестве предметов преподавания. Банковское право в основном представляет собой специальный отдел торгового права, посвященный банкам [7, с. 10.]. Г.А. Ухтуев считает, что банковское право представляет собой комплексный институт, в котором ведущее место занимают нормы гражданского и торгового права, регулирующие организацию банковской деятельности и осуществление банковских сделок, имущественные отношения, складывающиеся между банком и клиентурой [8, с. 8, 14.].

По поводу точек зрения М.М. Агаркова и Г.А. Ухтуева можно отметить, что понятия «торговое право» и «хозяйственное право» являются взаимопересекающимися, причем последнее является более широким и по своему содержанию охватывает торговое право, что подтверждается историческим развитием указанных понятий и содержанием предмета их правового регулирования [7, с. 14].

Л.Г. Ефимова полагает, что банковская деятельность регулируется нормами различных отраслей права, преимущественно гражданского, финансового и административного [1, с. 5].

Отечественный ученый К.К. Керезбеков же считает, что банковское право Кыргызской Республики представляет собой комплексную отрасль законодательства, состоящую из норм

различных отраслей права, главным образом конституционного, административного, финансового и гражданского, т.е. это - совокупность правовых норм, регулирующих создание и деятельность банковских и иных небанковских финансово-кредитных организаций, а также регламентирующих банковские операции [9, с. 8].

По мнению Н.Т. Иманалиевой, банковская деятельность подпадает под определение предпринимательской деятельности, данное в п. 4 ст. 1 ГК КР, как самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на получение прибыли лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Поскольку коммерческие банки являются субъектами предпринимательской деятельности, то и их деятельность, на взгляд данного автора, должна регулироваться преимущественно нормами предпринимательского (хозяйственного) права, т.е. совокупностью правовых норм, регулирующих предпринимательские отношения и тесно связанные с ними иные, в том числе некоммерческие отношения, а также отношения по государственному регулированию экономики в целях обеспечения интересов государства и общества [10, с. 34]. Такое регулирование способно на единой основе охватить как общественные отношения, складывающиеся по вертикали между коммерческими банками и органами государства, так и по горизонтали между коммерческими банками и их клиентами.

Мы согласны с мнением Г.А. Тосуняна в отношении того, что банковское право постепенно перерастает в отрасль права, где, с одной стороны, гражданско-правовые нормы регулируют товарно-денежные отношения посредством банков и финансово-кредитных организаций, а с другой - совокупность финансово-правовых норм регулирует управление государственными финансами со стороны субъектов банковской системы.

Объем понятий зависит от понимания структуры правоотношений. В отношении банковских правоотношений необходимо отметить, что Национальный банк Кыргызской Республики является участником многочисленных правоотношений, причем значительную часть данных правоотношений он инициирует посредством издания нормативных актов, которые регулируют его отношения с финансово-кредитными организациями в Кыргызской Республике.

Анализируя и обобщая все вышеприведенные правоотношения, можно выделить две группы:

1) правоотношения, возникающие между банковской системой и органами государственной власти; правоотношения по формированию высших руководящих органов Национального

банка; международно-правовые отношения Национального банка;

2) правоотношения внутри банковской системы, в которых осуществляются законодательно закрепленные функции Национального банка и финансово-кредитных учреждений.

Таким образом, под банковскими правоотношениями мы можем понимать взаимоотношения между субъектами банковского и финансового права, основным содержанием которых являются права и обязанности, возникающие по поводу использования, применения, соблюдения, исполнения установленного нормативными актами Национального банка порядка проведения банковских операций и сделок.

Значение любого правоотношения состоит в том, что физические и юридические лица, различные организации в процессе своей практической деятельности сравнивают и оценивают свое фактическое поведение и поведение других участников в конкретном отношении с тем, каким должно быть поведение в соответствии с требованиями нормативного акта.

Учитывая, что банковские правоотношения характеризуют юридическую связь между субъектами, одним из которых является Национальный банк, что предусмотрено нормами банковского права, ввиду этого его волевое содержание осуществляется таким методом правового регулирования, как *метод властных предписаний*.

Правоотношение между финансово-кредитной организацией и Национальным банком возникает с момента ее регистрации и заканчивается с момента снятия с регистрации.

В промежутке между данными точками отсчета происходят многочисленные изменения банковских правоотношений, связанные с получением различных лицензий, преобразований, реорганизаций, внесением изменений в учредительные документы и т.д. Такие правоотношения являются *статусными*, т.е. финансово-кредитная организация реализует свой статус.

Но финансово-кредитная организация имеет не только статус, но и *функции*, под которыми понимают основные направления ее банковской деятельности. Они осуществляются посредством банковских операций и сделок.

В процессе осуществления вышеупомянутых банковских операций и сделок между финансово-кредитной организацией, вкладчиками, кредиторами и иными лицами, которые пользуются банковскими услугами, возникают *гражданско-правовые отношения*, которые регулируют только ту часть банковской деятельности, которая является объектом гражданского права [11, с. 11].

Порядок проведения банковских операций и сделок регулируется правилами, установлен-

ными специальными законами и Национальным банком. Этот порядок является *объектом банковского права*. Финансово-кредитная организация обязана подчиняться правилам, которые установлены для проведения банковских операций и сделок. Выполнение требований, установленных этими правилами, порождает операционные банковские правоотношения между финансово-кредитной организацией и Национальным банком.

Операционное банковское правоотношение между Национальным банком и финансово-кредитной организацией строится по *вертикали*. Но банковская деятельность специфична и объединяет гражданско-правовые и банковские правоотношения. Это означает, что *каждому гражданско-правовому отношению между финансово-кредитной организацией и ее клиентом (горизонтальное правоотношение) соответствует банковское правоотношение - между Национальным банком и финансово-кредитной организацией (вертикальное правоотношение)*.

В банковском праве в отличие от гражданского права применяется только императивный метод регулирования – метод властного приказа. Они не предусматривают равенства сторон. Этим в значительной мере определяется и структура правоотношения, а значит, и его специфика, субъектный состав.

Банковская деятельность регулируется по преимуществу гражданским и банковским правом. Некоторые основополагающие отношения между Национальным банком и органами государственной власти регулируются Конституцией, Национальным банком.

Основные субъекты банковских правоотношений - Национальный банк и финансово-кредитные организации. В некоторых случаях субъектами правоотношений являются также участники финансово-кредитных организаций (органи-

зация, реорганизация, ликвидация, финансовое оздоровление организации).

Клиенты финансово-кредитных организаций, акционеры и вкладчики - субъекты гражданско-правовых отношений. Банковское право регулирует банковские операции и взаимосвязанные со спецификой банковской деятельности сделки в той части, в которой это связано с осуществлением банковских технологий.

В банковском правоотношении под субъективным правом понимается право, которое принадлежит субъекту как участнику правоотношения.

Субъективное право включает три *правомочия*: а) право на собственные действия; б) право потребовать от другой стороны в правоотношении исполнения ею обязанностей; в) право на защиту своего нарушенного субъективного права.

В банковском правоотношении каждая из сторон имеет права и обязанности.

Национальным банком имеет право потребовать от финансово-кредитных организаций, чтобы финансово-кредитная организация проводила конкретную банковскую операцию в соответствии с требованиями банковских законов и, кроме того, согласно банковским правилам, установленным Национальным банком [12].

Финансово-кредитная организация обязана выполнять все требования Национального банка и проводить операции должным образом.

С другой стороны, и финансово-кредитная организация имеет право потребовать от Национального банка предоставления необходимой ей банковской информации, соблюдения им предусмотренной законом конфиденциальности, потребовать, чтобы Национальный банк предъявлял к ней только те требования, которые предусмотрены банковскими законами и банковскими правилами.

Список литературы:

- [1] Ефимова Л.Г. *Банковское право*. - М.: БЕК, 1994.
- [2] Тосунян Г.А. *Банковское дело и банковское законодательство в России: опыт, проблемы, перспективы*. - М., 1995.
- [3] Иоффе О.С. *Обязательственное право*. - М., 1975.
- [4] Гуревич И.С. *Очерки советского банковского права*. - Л., 1952.
- [5] Коган М.Л. *Правоотношения между Госбанком и объединениями // Сов/ государство и право*. - 1974. - № 1.
- [6] Абова Т.Е., Ефимочкин В.П., Танчук И.А. *Хозяйственные обязательства*. - М., 1970.
- [7] Агарков М.М. *Основы банковского права*. - М., 1929.
- [8] Ухтуев Г.А. *Банковское право*. - М., 1990.
- [9] Керезбеков К.К. *Правовые основы банковской системы (На материалах Кыргызской Республики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. – Бишкек, 1998.

[10] Иманалиева Н.Т. Правовое регулирование деятельности банка Кыргызстана. - 2010.

[11] Ким А.Д. Проблемы развития банковской системы в Кыргызской Республике // Известия вузов Кыргызстана. - 2011. - № 9.

[12] Закон КР от 16 декабря 2016 г. № 206 «О Национальном банке Кыргызской Республики, банках и банковской деятельности» // Газ. «Эркин-Тоо». – 2016. - 21 дек.

Spisok literatury:

[1] Efimova L.G. Bankovskoe pravo. - M.: BEK, 1994.

[2] Tosunyan G.A. Bankovskoe delo i bankovskoe zakonodatel'stvo v Rossii: opyt, problemy, perspektivy. - M., 1995.

[3] Ioffe O.S. Obyazatel'stvennoe pravo. - M., 1975.

[4] Gurevich I.S. Oчерки sovetskogo bankovskogo prava. - L., 1952.

[5] Kogan M.L. Pravootnosheniya mezhdru Gosbankom i ob"edineniyami // Sov/ gosudarstvo i pravo. - 1974. - № 1.

[6] Abova T.E., Efimochkin V.P., Tanchuk I.A. Hozyajstvennye obyazatel'stva. - M., 1970.

[7] Agarkov M.M. Osnovy bankovskogo prava. - M., 1929.

[8] Uhtuev G.A. Bankovskoe pravo. - M., 1990.

[9] Kerezbekov K.K. Pravovye osnovy bankovskoy sistemy (Na materialah Kyrgyzskoy Respubliki): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Bishkek, 1998.

[10] Imanalievа N.T. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti banka Kyrgyzstana. - 2010.

[11] Kim A.D. Problemy razvitiya bankovskoy sistemy v Kyrgyzskoy Respublike // Izvestiya vuzov Kyrgyzstana. - 2011. - № 9.

[12] Zakon KR ot 16 dekabrya 2016 g. № 206 «O Nacional'nom banke Kyrgyzskoy Respubliki, bankah i bankovskoy deyatel'nosti» // Gaz. «Erkin-Too». – 2016. - 21 dek.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ РЕЖИМОВ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются перспективы развития специальных режимов налогообложения и возможность упразднения единого налога на вмененный доход (ЕНВД). На основе математических расчетов предложен возможный сценарий функционирования организаций, уплачивающих ЕНВД в случае их перехода на упрощенную систему налогообложения в 2021 г. как альтернативу уплаты ЕНВД. Рассмотрены положительные аспекты, недостатки, а также проанализированы возможные последствия отмены ЕНВД, предложены мероприятия по их предотвращению.

Ключевые слова: проблемы налогообложения, ЕНВД, УСН, налоги, специальные налоговые режимы.

KONDRATENKO M.A.,
Financial University
at Russian Federation government

TOPICAL ISSUES OF DEVELOPMENT OF SPECIAL TAX REGIMES IN RUSSIA ON THE EXAMPLE OF NIZHNY NOVGOROD REGION

Annotation. This article discusses the prospects for the development of special tax regimes and the possibility of the abolition of the unified tax on imputed income (UTII). Based on mathematical calculations a possible scenario for the functioning of the organizations who pay the UTII in the case of transition to the simplified taxation system in 2021 as an alternative to payment UTII is also provided. Positive aspects and shortcomings are considered, as well as analysis of possible consequences was carried out and measures to prevent them were also proposed.

Key words: taxation problems, UTII, STS, taxes, special tax regimes.

«Порядок установления и введение в действие Единого налога на вмененный доход (ЕНВД) регулируется главой 26 Налогового кодекса Российской Федерации» [1]. Данный режим налогообложения применяется наряду с иными режимами налогообложения. Еще в 2012 г. рассматривался проект закона об упразднении Единого налога на вмененный доход, что вызвало широкий резонанс среди предпринимателей и представителей налоговых органов, в частности. Согласно принятому Федеральному закону от 2 июня 2016 г. N 178-ФЗ «О внесении изменений в статью 346.32 части второй Налогового кодекса

Российской Федерации и статью 5 Федерального закона «О внесении изменений в часть первую и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» и статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» ЕНВД будет взиматься до 1 января 2021 г. В связи с этим был рассмотрен альтернативный сценарий развития экономической ситуации Нижегородской области после перехода от ЕНВД на УСН с целью выявления положительных и отрицательных сторон нововведения. Исходные данные для проведения математической оценки представлены в соответствующей таблице:

Сводная таблица по динамике соответствующих доходов консолидированного бюджета Нижегородской области за 2011–2017 г., млн руб.¹

Год	Сумма дохода от УСН, тыс. руб.	Сумма дохода от уплаты ЕНВД, тыс. руб.	Налоговые доходы консолидированного бюджета Нижегородской области, тыс. руб.
2011	2 704 922,47	1 301 467,84	8 7042 058,44
2012	3 713 107,22	1 858 922,24	99 660 004,80
2013	4 189 105,41	1 917 262,43	108 082 454,92
2014	4 457 155,40	1 925 143,37	113 456 266,78
2015	4 830 188,37	1 996 468,56	120 370 315,58
2016	5 374 623,34	1 873 327,56	133 524 941,81
2017	6 433 617,82	1 749 069,35	141 659 129,80
Итого:	31 702 720,03	12 621 661,35	803 795 172,1

Для составления прогноза по каждому виду доходов до 2021 г. было использовано уравнение линейной регрессии. На первом этапе проводилось аналитическое выравнивание динамического ряда по прямой, которое задается уравнением:

$$\bar{y}_i = a_0 + a_1 t$$

Для нахождения параметров a_0 и a_1 был применен метод наименьших квадратов, и получены различные коэффициенты для каждого уравнения. С их помощью был составлен прогноз анализируемого показателя на 2018–2021 гг. по регрессионному уравнению:

Таблица 2

Итоговые регрессионные модели по анализируемым показателям

Вид дохода:	Уравнение линейной регрессии:
Доход от УСН	— $y = 4\,528\,960,004 + 541\,078,62x$
Доход от ЕНВД	— $y = 1\,803\,094,48 + 51\,815,05x$
Налоговые доходы консолидированного бюджета Нижегородской области	— $y = 114\,827\,881,73 + 8\,709\,605,31x$
Количество плательщиков по УСН	— $y = 53\,345,57 + 1\,960,29x$
Количество плательщиков по ЕНВД	— $y = 58\,164,71 - 3210,14x$

*Данные авторских расчётов

Составив по аналогичной системе уравнение линейной регрессии и воспользовавшись методом наименьших квадратов, получаем сле-

дующие данные для прогнозирования количества плательщиков по обеим системам.

¹ См.: Официальный сайт Федерального казначейства России. URL: <http://www.r.oskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/>

Количество налогоплательщиков в Нижегородской области, представивших налоговые декларации по УСН и ЕНВД в 2011–2019 г. ²

Год	УСН (ед./чел.)	ЕНВД (ед./шт.)
2011	48 217	68 722
2012	50 301	67 555
2013	51 253	59 607
2014	50 110	54 418
2015	56 100	53 469
2016	57 020	52 616
2017	60 418	50 766
2018*	61 187	45 325
2019*	63 147	42 114
2020*	65 108	38 904
2021*	67 068	35 694
Итого:	629 929	569 190

*Данные с учётом авторских прогнозов на 2018–2021 гг.

Таким образом, величина дохода, условно получаемая с одного плательщика УСН в 2021 г., составит 124.002 тыс. руб. Если предположить, что при упразднении ЕНВД, плательщики данного налога перейдут на упрощённую систему налогообложения, доход от её применения возрастет на величину дохода, получаемую с 35 694 налогоплательщиков ЕНВД.

Ориентировочный уровень дохода, получаемый консолидированным бюджетом Нижего-

родской области в 2021 г. при отмене упразднении ЕНВД, можно рассчитать как количество плательщиков ЕНВД в 2021г. X среднюю величину дохода с одного плательщика УСН в 2021г. + доход от применения УСН в 2021г., что составит 12 742 600,85 тыс. руб.

В таком случае после отмены ЕНВД структура учтённых в данной работе доходов бюджета Нижегородской области будет выглядеть следующим образом.

Таблица 4

Сводная таблица соответствующих доходов консолидированного бюджета Нижегородской области за 2011–2021 г., млн руб.

Год	Сумма дохода от УСН, тыс. руб.	Сумма дохода от уплаты ЕНВД, тыс. руб.	Налоговые доходы консолидированного бюджета Нижегородской области, тыс. руб.
2011	2 704 922,47	1 301 467,84	87 042 058,44
2012	3 713 107,22	1 858 922,24	99 660 004,80
2013	4 189 105,41	1 917 262,43	108 082 454,92
2014	4 457 155,40	1 925 143,37	113 456 266,78
2015	4 830 188,37	1 996 468,56	120 370 315,58
2016	5 374 623,34	1 873 327,56	133 524 941,81
2017	6 433 617,82	1 749 069,35	141 659 129,80

² См.: Официальный сайт Федеральной налоговой службы Российской Федерации. URL: <https://www.nalog.ru/rn52/>

2018*	6693274,47	2010354,66	149666302,98
2019*	7234353,08	2062169,71	158375908,30
2020*	7775431,70	2113984,76	167085513,61
2021*	12 742 600,85	0	175795118,92

*Данные с учётом авторских прогнозов на 2018–2021 гг.

Обобщая и анализируя полученные расчёты, можно прийти к выводу, что если в 2019 г. ЕНВД не будет упразднен, то полученный доход по УСН и от уплаты ЕНВД в совокупности будет насчитывать 10 482 310,12 тыс. руб., что в общей доле налоговых доходов консолидированного бюджета Нижегородской области составит 5.98%. После отмены ЕНВД доход от применения УСН увеличится и составит 12 742 600, 85 тыс. руб., что составит уже 7.25%.

Таким образом, на примере Нижегородской области, можно убедиться в том, что после отмены ЕНВД доходная часть бюджета не только не столкнётся с сокращением финансовых ресурсов за счет сокращения налоговых доходов, но также получит их прирост более чем в полтора раза. Тем не менее, данный прогноз не учитывает некоторые внешние факторы, которые могут оказывать существенное влияние на объём налоговых доходов бюджета, так прогноз основывается на общем тренде, который наблюдался в рассматриваемом периоде.

Один из существенных факторов – возможности налогоплательщиков применять специальные налоговые режимы. Условия применения УСН как альтернативы ЕНВД в некоторых случаях могут выступать в роли существенных ограничений деятельности предприятий. Организация, применяющая УСН, должна иметь доход менее 150 млн. руб. и штат сотрудников не более 100 человек. Однако, согласно принятому Правительством в 2015 г. постановлению, предприятия с выручкой от 120 до 800 млн руб. и штатом сотрудников до 100 человек принято классифицировать как «малое предприятие». В этой связи возникает проблема: если хотя бы одно из условий не выполняется, предприятие не может быть переведено на упрощенную систему, но небольшие размеры предприятия не во всех случаях являются фактором ограничения роста выручки и, соответственно, прибыли. Таким образом, исключается ряд предприятий, которые могли бы при-

менять специальные налоговые режимы и развиваться. Например, патентная система налогообложения применяется, в основном, индивидуальными предпринимателями со штатом до 15 человек, а ЕСХН разработан специально для сельскохозяйственных предприятий, что также не решает проблемы наращивания темпов экономического развития России через активизацию потенциала малого и среднего предпринимательства.

Таким образом, упразднение ЕНВД требует принятия дополнительных мер со стороны государства. В этой связи представляется необходимым осуществление следующих изменений:

- повторное рассмотрение решения об отмене ЕНВД и его рациональное обоснование не только с математической точки зрения, но и экономической, которая предполагает дополнительное изучение состава налогоплательщиков ЕНВД и их потенциальных возможностей развития после вынужденного освобождения от уплаты ЕНВД;
- внесение предложений по корректировке действующего налогового законодательства и последующем пересмотре условий применения специальных налоговых режимов;
- рассмотрение конкретных перспектив перехода на альтернативные режимы и их обоснование путем осуществления специальных расчетов.

Очевидно, что математические расчеты не полностью объясняют ситуацию в сфере применения специальных налоговых режимов. Поэтому можно сказать, что в случае отсутствия комплексного подхода к решению вопроса об упразднении ЕНВД доходы бюджетов бюджетной системы Российской Федерации могут претерпеть пусть и кратковременные, но потери, что будет иметь негативные последствия для разных сфер экономики страны.

Список литературы:

[1] *Налоги и налогообложение: учеб. / кол. авт.; под ред. Л.И. Гончаренко. — М.: КНОРУС, 2018. — С. 201.*

Spisok literatury:

[1] *Nalogi i nalogooblozhenie: ucheb. / kol. avt.; pod red. L.I. Goncharenko. — M.: KNORUS, 2018. — S. 201.*

ЧЕРНЯВСКИЙ Александр Геннадиевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного
(государственного) и международного права
Федерального государственного казенного
военного образовательного учреждения
«Военный университет» Министерства обороны РФ,
член-корреспондент Российской академии естественных наук,
e-mail: aleksandrcher@mail.ru

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
эксперт РАН, главный научный сотрудник
отдела образовательного права и контроля
Центра образовательного права ФГБНУ
«Институт управления образованием»
Российской академии образования,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный адвокат России,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ (В ЧАСТИ ФИНАНСОВЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

В современных экономических реалиях проблема привлечения инвестиций приобретает особую важность. Экономический кризис последних лет заставил руководство компаний серьезно задуматься об их инвестициях. Некоторые авторы не одинаково акцентируют свое внимание на исходную основу сущности понятия «инвестиционная привлекательность». Авторы статьи ставят следующие проблемы:

1) *Аутсорсинг в юридической, финансовой, экономической сферах как основная угроза государственным корпорациям и государственной безопасности России.*

2) *Борьба за человеческий капитал. Формирование и реализация инвестиционных программ корпорации с использованием отечественных кадров, а не зарубежных менеджеров (защита и кадровый потенциал российских корпораций как основа защиты российской экономики).*

3) *Формирование положительного имиджа и положительной (успешной) инвестиционной политики российских корпораций в сети Интернет.*

4) *Изменение уголовного законодательства в части криминализации и ужесточения наказаний за коррупционные действия чиновников и сотрудников государственных корпораций.*

Инвестиционная привлекательность - это набор характеристик, делающих компанию объектом выгодных вложений для инвесторов. На наш взгляд, вышеуказанные определения

сущности понятия «инвестиционная привлекательность» не противоречат, напротив, дополняют друг друга, выражая многоаспектность данной категории.

Стратегическое развитие российской государственности доктринально основывается на нескольких важных документах, в их числе:

- Концепция внешней политики Российской Федерации¹ (утв. Президентом РФ 30 ноября 2016 г.);

- Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 г. (утв. Президентом РФ 24 июля 2013 г., № Пр-1753);

- Военная доктрина Российской Федерации² (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр2976-);

- Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»;

- Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации»;³

¹ См.: Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации, http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

² См.: Российская газета. 2014. № 298.

³ См.: СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2342.

- Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹ и др.

1) *Аутсорсинг в юридической, финансовой, экономической сферах как основная угроза государственным корпорациям и государственной безопасности России.*

30 ноября 2016 г. была утверждена *Концепция внешней политики Российской Федерации*, согласно п. 3 которой основными задачами внешнеполитической деятельности России являются, в том числе: обеспечение безопасности страны, ее суверенитета и территориальной целостности, укрепление правового государства и демократических институтов; создание благоприятных внешних условий для устойчивого роста и повышения конкурентоспособности экономики России, ее технологического обновления, повышения уровня и качества жизни населения; дальнейшее продвижение курса на укрепление международного мира, обеспечение всеобщей безопасности и стабильности в целях утверждения справедливой демократической международной системы.²

На передний план, наряду с военной мощью, выдвигаются такие важные факторы влияния государств на международную политику, как экономические, правовые, технологические, информационные. Стремление использовать соответствующие возможности для реализации геополитических интересов наносит ущерб поиску путей урегулирования споров и решения

существующих международных проблем мирными средствами на основе норм международного права.

Согласно ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» защита информации представляет собой принятие правовых, организационных и технических мер, направленных на: 1) обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации; 2) соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа; 3) реализацию права на доступ к информации.

Согласно справочникам **Chambers Global** и **European Legal 500** в перечне highly recommended (особо рекомендованных) юридических фирм для работы в России абсолютное лидерство принадлежит иностранным компаниям. Списки возглавляют:

британские: Freshfields; Linklaters; Allen&Overy; Clifford Chance и Herbert Smith.

американские: Baker Botts LLP, Hogan&Hartson, Latham&Watkins LLP, Macleod Dixon LLP, White&Case; LeBoeuf, Lamb, Greene&MacRae и Baker&McKenzie.

французская: Salan.

шведская: Mannheimer Swartling.

Список отдельных иностранных юридических фирм осуществляющих деятельность в России

Компания	Местонахождение	Опыт оказания юридических услуг в области										
		Банки и финансовые институты	Интеллектуальная собственность	Коммерческое и хозяйственное право	Корпоративное право	Корпоративное право: из них сплиния и поглощения (M&A)	Налоговое право	Недвижимость	Рынки капитала	Судебные споры	Трудовое право	ТЭК и добывающая промышленность
<u>Baker Botts LLP</u>	Москва	+	+	+	+			+	+	+	+	+
<u>Clifford Chance</u>	Москва	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Hogan & Hartson	Москва	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+
Latham & Watkins LLP	Москва				+	+				+		

¹ См.: СЗ РФ. 1 № .2016 (часть II). Ст. 212.

² Бакулина А.А. Действия оценщика на стадиях исполнительного производства // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 4. С. 140-146.

Macleod Dixon LLP	Москва			+	+		+					+
Mannheimer Swartling	Санкт-Петербург	+	+	+	+	+		+		+	+	

Эти же юридические гиганты возглавляют аналогичные списки для большинства других стран мира. Именно с ними сотрудничают российские концерны и холдинги.

В начале 1990-х гг. трансатлантические юридические (адвокатские) фирмы «заняли» российский рынок консалтинга и юридических услуг, во-первых, потому что этот рынок был пуст, российские юристы еще не понимали складывающегося права, правовая, судебная, правоохранительная системы только формировались, иностранные фирмы были сильнее, увереннее и с деньгами, во-вторых, капитализация фирм обеспечивалась, по крайней мере, на первых порах, вливаниями денег государствами, из которых эти фирмы «пришли» на российский рынок, в-третьих, важной целью «внедрения» международных юридических (адвокатских) фирм в Россию являлось и является получение конфиденциальной информации и работа на свои спецслужбы. Таким образом, под официальным прикрытием, иностранные государства имеют доступ к конфиденциальной информации, не обеспечивается информационная и промышленная безопасность России.

По оценкам экспертов, объем сектора рынка юридических услуг, включающего в себя доходы крупных западных фирм, составляет более **\$ 500 млн.** в год. Эти деньги ежегодно уходят из страны (вместе с информацией).

Чтобы начать менять эту ситуацию, необходимо научиться готовить юристов-международников и адвокатов-международников, хорошо знающих не только законодательство России, но и законодательства зарубежных государств и свободно владеющих иностранными языками.¹

Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам.²

¹ Селезнев П.С. Инновационный путь Бразилии // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2014. № 2 (289). С. 65-73.

² См.: пункт 9 Концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 30 ноября 2016 г.).

2) *Борьба за человеческий капитал. Формирование и реализация инвестиционных программ корпорации с использованием отечественных кадров, а не зарубежных менеджеров.*

Согласно п. 1 Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации»,³ МИД России совместно с другими федеральными органами исполнительной власти призвано содействовать созданию благоприятных внешних условий для долгосрочного развития России, модернизации ее экономики, укреплению позиций России как равноправного партнера на мировых рынках. Кроме того, Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 605 был провозглашен принцип равной и неделимой безопасности.

*Стратегия национальной безопасности Российской Федерации*⁴ (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»), основана на неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны. В пункте 6 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации используются следующие основные понятия: *национальная безопасность Российской Федерации* - состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее - граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией РФ и законодательством России, прежде всего, государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности.

Национальные интересы Российской Федерации - объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития.

³ См.: СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2342.

⁴ См.: СЗ РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

Угроза национальной безопасности - совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам.

Обеспечение национальной безопасности - реализация органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов.¹

Понятие капитализация в системе экономических отношений рассматривается с точки зрения синтеза позиции «стоимости» и «ликвидности» (рыночности). На капитализацию корпорации и инвестиционную привлекательность влияют факторы конкурентной среды, финансово-экономического состояния, производственного потенциала, и организационной структуры. В рамках формирования и корректировки инвестиционной стратегии до и после капитализации выявление факторов необходимо, так как от результатов капитализации зависит перспективное финансовое положение и инвестиционная привлекательность корпорации. Оценив влияние факторов влияющих на капитализацию корпорации, повышая ее, с помощью предложенной модели, можно говорить о инвестиционной привлекательности корпорации, так как управляя капитализацией можно повышать инвестиционную привлекательность.²

Повышение капитализации корпорации является залогом роста инвестиций. Для корректировки инвестиционной стратегии корпорации нахождение ее на различных этапах процесса капитализации, а также стремление увеличить капитализацию, является очень актуальным.³ Предложенная методика определения этапов процесса капитализации в условиях инвестиционной активности корпораций полезна не только для разработки и корректировки инвестиционной стратегии, но и обеспечения постановки уровня контроля за рисками, стратегической неопределенностью и критическими факторами эффективности повышения капитализации корпорации.⁴

¹ Бакулина А. Роль оценщика в исполнительном производстве // Предпринимательство. 2013. № 4. С. 102-112.

² Селезнев П.С. Политическая идеология инноваций: выбор Запада и выбор Востока // Власть. 2014. № 3. С. 23-27.

³ Бакулина А.А. Действия оценщика на стадиях исполнительного производства // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 4. С. 140-146

⁴ Селезнев П.С. Инновационное развитие России в начале XXI века: национальный приоритет и

Согласно п. 13 Стратегии национальной безопасности РФ процесс формирования новой полицентричной модели мироустройства сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности. Обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран, борьбой за ресурсы, доступом к рынкам сбыта. Конкуренция между государствами все в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития, человеческий, научный и технологический потенциалы. В борьбе за влияние на международной арене задействован весь спектр политических, финансово-экономических и информационных инструментов. Все активнее используется потенциал специальных служб.

Согласно п. 42 Стратегии национальной безопасности РФ стратегическими целями государственной и общественной безопасности являются защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности России, основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.⁵

Главными направлениями обеспечения государственной и общественной безопасности являются усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности, совершенствование правового регулирования предупреждения преступности (в том числе, в информационной сфере), коррупции, терроризма и экстремизма, распространения наркотиков и борьбы с такими явлениями, развитие взаимодействия органов обеспечения государственной безопасности и правопорядка с гражданским обществом, повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам РФ, эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного сотрудничества в области государственной и общественной безопасности.⁶

3) Формирование положительного имиджа и положительной (успешной) инвестиционной политики российских корпораций в сети Интернет.

вынужденная необходимость // Мир и политика. 2011. № 11. С. 83-88.

⁵ Линников А.С., Карпов Л.К., Пазына Е.О. Правовые и экономические основы финансовой системы Европейского Союза. Учебное пособие. - Москва, 2018.

⁶ Селезнев П.С. Инновационный путь Бразилии // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2014. № 2 (289). С. 65-73.

В соответствии с п. 21 Стратегии национальной безопасности РФ все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории.¹

IT-технологии стали неотъемлемой частью практически всех операций с деньгами. Никакой альтернативы в этом смысле, по всей вероятности, не существует, и тема информационной безопасности, вообще безопасности в кредитно-финансовой сфере, касается любого человека.²

Появляются новые формы противоправной деятельности, в частности с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий. Обостряются угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, торговлей людьми, наркоторговлей и другими проявлениями транснациональной организованной преступности.

В соответствии с п. 10 Концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 30 ноября 2016 г.) в мировой экономике в условиях накопления элементов кризисных явлений складывается новая реальность, для которой характерны общее замедление темпов роста, волатильность финансовых и товарно-сырьевых рынков, дробление глобального экономического пространства на региональные структуры с конкурирующими тарифными и нетарифными ограничениями. На этом фоне региональная интеграция на основе норм и правил Всемирной торговой организации (далее - ВТО), усиление роли региональных резервных валют являются факторами укрепления конкурентоспособности, безопасности и финансово-экономической стабильности. Особую актуальность приобретают продвижение коллективных подходов к управлению международной экономикой и ее регулированию, укрепление транспарентности в глобальном торгово-экономическом пространстве, формирование всеохватных, более открытых, сбалансированных, отвечающих реалиям эпохи глобализации мировых торговой и валютно-финансовой систем.³

¹ Линников А.С., Салмов А.Н., Вирин Ф.Ю. Малое предпринимательство России в международном бизнесе и электронной коммерции. - Москва, 2017.

² Совещание об информационной безопасности в кредитно-финансовой сфере 3 июня 2016 г., <http://government.ru/news/23263/>

³ Селезнев П.С. Инновационный потенциал Индии: состояние и возможности развития // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 5. С. 51-57.

Инвестиционная политика – составная часть общей экономической политики корпорации, которая определяет выбор и способы реализации наиболее перспективных путей обновления и расширения ее производственного и научно-технического потенциала.⁴ Она направлена на выживание корпорации в сложной рыночной среде, на достижение ею финансовой устойчивости и гибкости, а также на создание условий для будущего развития.⁵

Потребность в ресурсах для реализации инвестиционной политики корпорации определяют с учетом ее производственного и научно-технического потенциала, необходимого для выпуска продукции в соответствии с потребностями рынка. Инвестиционная политика, определенная менеджментом корпорации, подлежит рассмотрению и утверждению руководством. Ключевые положения данной политики рекомендуются учитывать при технико-экономическом обосновании инвестиционных проектов и выборе различных источников их финансирования.⁶

Эффективность инвестиционной политики оценивают по сроку окупаемости долгосрочных инвестиций, который устанавливают на основе параметров бизнес-плана и предварительных расчетов по обоснованию инвестиционных проектов.⁷

Россия принимает необходимые меры для обеспечения национальной и международной информационной безопасности, противодействия угрозам государственной, экономической и общественной безопасности, исходящим из информационного пространства, для борьбы с терроризмом и иными криминальными угрозами с применением информационно-коммуникационных технологий, противодействует их использованию в военно-политических целях, не соответствующих нормам международного права, включая действия, направленные на вмешательство во внутренние дела государств или представляющие угрозу международному миру, безопасности и стабильности, добивается выработки под эгидой ООН универсальных правил ответственного

⁴ Бакулина А. Роль оценщика в исполнительном производстве // Предпринимательство. 2013. № 4. С. 102-112.

⁵ Линников А.С. Экономические последствия расширения масштабов киберпреступности в России и мире // Банковское право. 2017. № 5. С. 19-29.

⁶ Бакулина А.А. Во что России обходится «несправедливая» оценка кадастровой стоимости? / Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания. Сборник научных трудов. Под редакцией Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. 2015. С. 1523-1531.

⁷ Селезнев П.С. Инновационный потенциал Индии: состояние и возможности развития // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 5. С. 51-57.

поведения государств в области обеспечения международной информационной безопасности, в том числе посредством интернационализации на справедливой основе управления информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет».¹

4) *Изменение уголовного законодательства в части криминализации и ужесточения наказаний за коррупционные действия чиновников и сотрудников государственных корпораций.*

Согласно п. 45 Стратегии национальной безопасности РФ обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется путем повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб, органов государственного контроля (надзора), совершенствования единой государственной системы профилактики преступности, в первую очередь среди несовершеннолетних, и иных правонарушений (включая мониторинг и оценку эффективности правоприменительной практики), разработки и использования специальных мер, направленных на снижение уровня криминализации общественных отношений.²

В Военной доктрине Российской Федерации³ (утв. Президентом РФ 25.12.2014 г. № Пр-2976) учтены основные положения Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, а также соответствующие положения Концепции внешней политики Российской Федерации на период до 2020 года и других документов стратегического планирования.

Согласно данным Мирового экономического форума,⁴ ключевыми факторами, уменьшающими инвестиционную привлекательность России, являются коррупция, неэффективная бюрократия, высокие налоги, инфляция, налоговое регулирование, высокий уровень рисков ведения бизнеса.⁵

В России неблагоприятные ожидания отечественных менеджеров и собственников предприятий усиливает существующая практика уголов-

ного преследования генеральных директоров и других руководителей тех организаций, которые сочтены неправомерно укрывающими налоги, выводящими капитал или обналачивающими деньги (т.е. неправомерно зачисляющими НДС). В условиях весьма неудовлетворительной работы судебной системы и постоянного изменения российского законодательства руководители постоянно сталкиваются с различными трактовками одних и тех же законодательных норм и противоречивой судебной практикой. В ситуации, когда руководитель при всем желании не выполняет полностью все требования контролирующих органов, он ощущает занесенную над собой «карающую» руку контролирующих органов, а также огромный риск потери бизнеса в целом. В связи с этим логично предположить, что российские руководители не чувствуют себя защищенными и будут рады всякой возможности продать свой бизнес, пока он еще чего-то стоит.⁶

Если внимательно проанализировать поведение зарубежных компаний на российском рынке, то можно сделать вывод, что в последнее время существенно увеличилась инвестиционная деятельность транснациональных корпораций в России. Растет доля сделок по поглощению российских предприятий, при этом, наибольшую активность оказывают крупные транснациональные корпорации.⁷

Относительно недавно закончилась сделка по покупке «Вимм-Билль-Данн» корпорацией PepsiCo (сумма сделки превысила \$5,8 млрд.),⁸ в октябре 2011 г. Unilever приобрел 82% акций парфюмерно-косметического концерна «Калина», а Walt Disney приобрел 49% телеканала «Семерка» у холдинга ЮТВ. Новости РБК. URL: <http://www.rbc.ru/fnews.frame/> (дата обращения: 03.12.2016). На основании этих данных можно судить о том, что интерес к российскому рынку у крупнейших мировых транснациональных корпораций находится на достаточно высоком уровне.⁹

Часть факторов, которые положительно влияют на склонность к инвестированию в Российской Федерации, не действует (прежде всего, это касается защиты прав собственности, кор-

¹ См.: пункт 28 Концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 30 ноября 2016 г.).

² Линников А.С., Масленников О.В. Влияние современных технологических изменений на финансовую безопасность // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2017. № 1 (31). С. 10-14.

³ См.: Российская газета. 2014. № 298.

⁴ World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2010-2011. Geneva, 2010.

⁵ Селезнев П.С. Инновационная стратегия выживания и успеха в конкурентной среде: опыт Сингапура // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 1 (35). С. 45-52.

⁶ Бакулина А.А., Раудсепп Я.В. Контрафакт - связующее звено в экономической цепочке банкротств // Финансы: теория и практика. 2016. № 1 (91). С. 78-85.

⁷ Линников А.С. Влияние международных санкций на деятельность иностранных компаний в России // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 3. С. 141-148.

⁸ Канаев П., Карапетян М., Бахарев И. Pepsi с молоком. Pepsi покупает «Вимм-Билль-Данн». URL: <http://www.gazeta.ru/business/2010/12/02/3453245.shtml> (дата обращения: 05.10.2013).

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: P32 Стат. сб. / Росстат. - М., 2012. - 990 с.

рупции и качества налоговой системы), и их можно не рассматривать. В то же время наблюдается прогресс российской экономики по ряду перечисленных выше позиций. Прежде всего, это касается того, что за последнее десятилетие был достигнут приемлемый уровень политической стабильности; экономический темп роста оказался достаточно высоким по сравнению с развитыми странами.¹

Стабильный уровень инфляции, преодоление большей части тарифных ограничений в ряде отраслей (к примеру, в автомобилестроении), возможность использования недорогих источников сырья, а также недавнее вступление в ВТО способствовали улучшению инвестиционного климата, добавив привлекательности российскому рынку.² Кроме того, оживленность зарубежных корпораций подстегнута мировым финансовым кризисом, когда развитые страны, долгое время представлявшие собой безрисковый актив, стали, некой, «проблемной зоной» мировой экономики.³ В данной ситуации выгоднее инвестировать в развивающиеся рынки с недооцененными активами, самым привлекатель-

¹ Селезнев П.С., Соснило А.И. Шестой технологический уклад и индустриализация // Власть. 2014. № 10. С. 14-23.

² Линников А.С. Концепция эффективного регулирования деятельности финансовых организаций // Лизинг. 2014. № 2. С. 6-11.

³ Бакулина А.А., Топчий П.П. Справедливая стоимость и ее влияние на оборонно-промышленный комплекс // Финансы: теория и практика. 2016. Т. 20. № 5. С. 67-72.

ным из которых по показателю отношения капитализации к прибыли (P/E) является именно российский.⁴

Что касается инвестиционной привлекательности российских предприятий, то, в отличие от рынков развитых стран, где транснациональные корпорации привлекают в первую очередь конкурентоспособные активы, положительное влияние на интерес к приобретению активов у нас в стране оказывает как раз невысокая конкурентоспособность многих отечественных предприятий.⁵ Это не только позволяет транснациональным корпорациям диктовать свои условия работы партнерам и получать основную часть добавленной стоимости продукта, но и делает слабые российские предприятия привлекательным активом для приобретения крупными транснациональными корпорациями.

Отсутствие желания у российского бизнеса производить инвестиции в собственной стране, обусловленное описанными выше отрицательными ожиданиями отечественных руководителей, понижает конкуренцию за интересующие иностранные крупные транснациональные корпорации активы.

⁴ Оверченко М. Кризис только начинается, а вкладываться надо в развивающиеся страны // Ведомости. 2011. URL: http://www.vedomosti.ru/finance/news/1419907/v_sem_let_ne_ulozhitsu (дата обращения: 02.10.2013).

⁵ Селезнев П.С., Соснило А.И. Шестой технологический уклад и индустриализация // Власть. 2014. № 10. С. 14-23.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI:10.24412/2224-9125-2021-5-58-66

NIION: 2021-0079-4/21-032

MOSURED: 77/27-025-2021-04-032

УДК – 347

ББК – 67

ШОКУМОВ Юрий Жирасланович,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры гражданского права и процесса

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный

университет им. Х.М. Бербекова»,

e-mail: mail@law-books.ru

**12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор,
организация правоохранительной деятельности**

ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В РОССИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы толкования права в гражданском судопроизводстве в России и показаны пути их решения.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, толкование права, суд.

SHOKUMOV Yuri Ziraslanovich,

PhD in Law,

associate Professor of Civil Law and procedure

of the Berbekov Kabardino-Balkarian state University

PROBLEMS OF INTERPRETATION OF LAW IN CIVIL PROCEEDINGS IN RUSSIA AND WAYS OF THEIR SOLUTION

Annotation. The article deals with the problems of interpretation of law in civil proceedings in Russia and shows the ways of their solution.

Key words: civil proceedings, interpretation of law, court.

Суд осуществляет толкование права, находясь сам под воздействием интерпретируемых норм, являясь субъектом правоприменительного процесса и стороной процессуальных правоотношений. Судья как интерпретатор обладает субъективными правами и несет юридические обязанности участника процесса [1], он заинтересован не в любом обусловленном законом и фактическими обстоятельствами результате по делу, а только в том, который принесет ему личное и профессиональное удовлетворение. Мнение о том, что «весь нормативный материал объективно реален и не зависит от конкретных субъектов, познающих их смысл» [2], не учитывает значение человеческого фактора в право-реализации. Процесс толкования закона следует рассматривать в совокупности объективных и субъективных аспектов. Несомненно, интерпретация есть «специальное познание, имеющее научную основу при исследовании нормативного предписания» [3], но в интерпретационном акте правовая действительность всегда отражается

через субъективное, личностное восприятие. Психоэмоциональный метод подчеркивает влияние индивидуальных факторов на процесс толкования закона, позволяя выявить закономерности и взаимообусловленности объективного и субъективного [4].

Прецедентный способ толкования основан на использовании официальных интерпретационных актов, содержащих так называемый прецедент толкования. Следует отличать прецедент толкования от прецедента в строгом значении. Прецедент толкования – акт толкования норм закона, имеющий обязательную либо рекомендательную силу для правоприменителей. К субъектам формирования прецедентов толкования принято относить законодательные и некоторые исполнительные органы публичной власти, а также высшие суды государства: Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ [5].

Прецедент в строгом значении (судебный прецедент) – акт применения норм права, разре-

шающий конкретный казус, содержащий толкование нормативных актов применительно к рассматриваемым правоотношениям, имеющий обязательную либо рекомендательную силу в аналогичных случаях. Прецедент в строгом значении отрицается российским законодательством и концепцией толкования. Несмотря на то что отечественные научно-практические дискуссии все чаще обсуждают перспективы развития прецедента, в действительности речь в большей степени идет о развитии не прецедента, а прецедента толкования.

Дискуссия о перспективах прецедента в России не может быть конструктивной без разделения предмета исследования на два вышеуказанных класса официальных интерпретационных актов. Существует также деление на правоустанавливающие и прецедентные, на нормативные и ненормативные интерпретационные акты. В упомянутых классификациях правоустанавливающие (нормативные) интерпретационные акты рассматриваются как источники права, к ним можно отнести акты аутентического и делегированного толкования, содержащие уточнения и конкретизацию законодательного установления [6].

Следует отметить, что право не является продуктом исключительно государства и не совпадает с законом, являющимся важным, но только одним из нескольких источников права. Право есть способ и результат взаимодействия (коммуникации) людей, порождающего субъективные права и обязанности. Право – это система норм, в формировании которых принимает участие все население рассматриваемого социума. Можно предположить, что право имманентно культуре соответствующего этноса, подразумеваемая под культурой все результаты и способы жизнедеятельности людей. Государство как структура (иерархия) публичной власти оказывается в руках тех, кто способен захватить власть и удерживать ее [7]. Всемирная история демонстрирует варианты появления новых правителей – от дворцовых переворотов и революций (как кровавых, так и «бархатных») до парламентских выборов и плебисцитов. Но воля и сила публичной власти в исторической перспективе будет неспособна навязать людям те нормы, которые население откажется признать и исполнять добровольно. Каждый народ достоин своего правителя, население либо акцептирует нормы приказы публичной власти, либо отвергает их. Г.Л.А. Харт назвал это правилом признания, обеспечивающим критерии, по которым оценивается юридическая действительность всех других правил системы [8].

Ни законодательство, ни право в целом не действует само по себе, его реализуют люди, воспринимающие нормативные предписания

через свое индивидуальное правосознание. Одни и те же законодательные установления могут интерпретироваться неодинаково, степень их признания и соблюдения зависит от человеческих особенностей. В правовой действительности мы имеем дело не с нормой права, а с вариантами ее интерпретации. Вспомните, как за одно и то же нарушение Правил дорожного движения в разных случаях у вас и ваших знакомых получались неодинаковые результаты [9].

Уяснение содержания и смысла любого правового текста актуализируется в фокусе конкретной правовой ситуации, когда необходимо оценить правомерность действий, найти оптимальный путь разрешения юридических противоречий. Процесс толкования закона можно классифицировать по стадиям толкования, по формам толкования, по субъектам толкования и по объему толкования. В толковании закона и права значительное место занимают способы толкования закона и подходы к толкованию права [10].

Представляется, что с вопросом судебного прецедента и судебного правотворчества тесно структурно связаны институты судейского права и судейской иерархии.

Судейское право. Понятие «судейское право» («Richterrecht», «judge made law») — одно из распространенных в современной западноевропейской юриспруденции, не говоря уже о странах англо-американского «общего права». Оно является неперенным компонентом почти всех новейших течений буржуазной теории права. Среди западноевропейских стран наибольшее внимание «судейскому праву» уделяет юриспруденция ФРГ [11].

В самом общем плане предметом этой концепции является правотворческая роль суда. Однако непосредственная ее цель заключается не столько в показе роли судебной практики в историческом формировании правовых систем, механизма действия прецедента, влияния судебной практики на законодательство, сколько в преодолении принципа «судья подчиняется закону».

Сторонники данной концепции объявляют судью более совершенным «выразителем» права, чем законодатель, требуют значительного расширения его компетенции, в частности предоставления судье права решать конкретные дела «против закона» («contra legem») и в целом взять на себя ведущую роль в сфере правотворчества (по мере увеличения удельного веса законодательства в англо-американском праве понятие «judge made law», которое ранее связывалось с системой прецедента, теперь все чаще используется как обоснование возможного отказа суда от применения закона, относящегося к рассматриваемому делу). Так, западногерманский проф. В.

Хассемер констатирует: «Критика закона догматики, активизировавшаяся в последнее время в западногерманской правовой теоретико-методологической литературе, направила понятие позитивного права в сторону конкретного, правового решения... Как следствие, судья получил возможность правотворчества и это стало его задачей... Тем самым понятие позитивного права в том виде, как оно используется в новейшей теоретико-правовой номенклатуре, скорее приближается к представлениям, более близким к case law, чем к кодифицированным системам права» [12]. По мнению другого автора из той же страны, старое представление о судье отброшено, и судья рассматривается теперь как «социальный архитектор», ибо только он «способен быстро и конкретно решать правовые проблемы, которые ставит наше сложное индустриальное общество, живущее во все убыстряющемся ритме» [13].

Идея «судейского права» в основе своей не нова. У нее есть предшественник - «свободное судебское усмотрение». С таким требованием выступали на рубеже и в начале нашего века некоторые течения буржуазной юриспруденции, претендовавшие на социологическую ориентацию [14]. Их представителей (например, Г. Канторович, Е. Эрлих, Г. Исей и др.) сегодня охотно вспоминают новейшие приверженцы «судейского права». Однако между «свободным судебским усмотрением» начала нашего века и новейшим «судейским правом» при всем их сходстве существуют немалые различия. Требование «судейского права» звучит ныне значительно более радикально, чем раньше, масштабы его использования существенно возросли [15]. В чем причины этого?

Появление в начале XX в. требований «развязать руки» судье отразило несоответствие потребностям быстро развивавшегося национального и международного законодательства многим национальным правовым системам, сложившимся в них правовым принципам и институтам. Это несоответствие стремились преодолеть с помощью «свободного судебного усмотрения». Ныне, в начале XXI в., требование «судейского права» трудно было бы связать с недостаточной активностью законодателя.

С помощью «свободного судебного усмотрения» можно приспособить к изменившимся обстоятельствам тот или иной правовой институт без его законодательного - пересмотра, если таковой представляется нежелательным. С помощью «судейского права» можно снять противоречие между охраной интересов «совокупного капиталиста» (на что направлен закон как акт центрального органа власти) и интересами отдельной монополии в конкретных условиях места и времени [16].

Другой фактор, способствовавший распространению концепции «судейского права», - деятельность юстиции. В ФРГ в результате создания наряду с ординарными судами конституционных судов, а также административной, финансовой, трудовой и социальной юстиции судебная система стала значительно шире, чем раньше. Это порождало представления о возросшей роли суда в жизни общества. Еще существеннее то обстоятельство, что за годы после образования ФРГ ее суды, особенно высшие инстанции, неоднократно демонстрировали «свободное» обращение с действующим законодательством, чему в немалой мере способствовало и само законодательство:

а) наличием в нем значительного числа каучуковых понятий и норм, допускающих различное толкование;

б) появлением ряда компромиссных законов (отражающих соотношение парламентских сил), которые практически всегда могут быть истолкованы судом в необходимом направлении;

в) количественным ростом законодательства, что ведет к его своеобразной «инфляции» и открывает возможности для судебского маневрирования [17].

Указанные факторы способствовали тому, что судебные инстанции, особенно высшие, достаточно прочно встали на путь «судейского права». Начало этому положил Федеральный конституционный суд, заявивший уже в первые годы своей деятельности, что наряду с Конституцией он будет руководствоваться надзаконными принципами. Его примеру последовали и другие системы западногерманской юстиции [18]. Западногерманский юрист И. Ипсен, детально исследовавший деятельность всех западногерманских судебных систем под углом зрения соотношения закона и «судейского права», отмечает, что «стирание границы между правообразованием и правоприменением ведет к тому, что различие между законодательной властью и судом становится все менее отчетливым... Вопрос идет не о том, - констатирует автор, - существует ли «судейское право», а о том, каким оно является» [19].

Концепция «судейского права» определенным образом связана с развитием государственно-монополистического капитализма, усилением позиции государства и его аппарата. В то же время масштабы усиления потенциала государства настораживают и даже пугают их, ибо, с одной стороны, они помнят печальный опыт фашистской тотальной государственности, а с другой - опасаются использования государственной власти для проведения последовательно демократических реформ.

С этим во многом связано широкое распространение в современной идеологии идеи «при-

мата права над государством», «правления права», «правового государства». Как некий противовес государственной власти и бюрократии выдвигается некоторыми авторами идея «судейского права». Обращаясь к принципу «разделения властей», они сильно преувеличивают относительную самостоятельность правосудия по отношению к законодательной и исполнительной сферам функциональной деятельности в рамках единого механизма государственной власти.

Еще один фактор, обусловивший успех концепции «судейского права», - несомненное идеологическое влияние англо-американских моделей на послевоенную западноевропейскую правовую мысль. При этом модель, сложившаяся там, где не существовало кодифицированного права, переносится в совершенно иные условия, где наличие сформировавшихся кодифицированных правовых систем, традиционно иное соотношение источников права, правотворческой и правоприменительной деятельности ведут к тому, что такого рода трансплантация ставит под угрозу принцип законности.

Необходимость прецедентного регулирования общественных отношений основывается и на многообразии общественной жизни и свободе человеческой инициативы. Свободное человеческое поведение влечет настолько быстрое изменение общественных систем и структур, что адекватное законодательное регулирование этих изменений чаще всего невозможно. Более того, оперативное урегулирование законом правовой лакуны зачастую опасно: отсутствие ясных знаний о появившемся явлении может привести к выработке дефектной законодательной нормы - слишком расплывчатой, неточной, неполной и т.д. Такая норма уже сама по себе вызовет необходимость появления прецедентов.

Кроме того, существование закона в языковой форме всегда несет в себе потенциал прецедента, ибо ни одна языковая составляющая не способна идеально совместить реальность (общественное отношение) и право. Разнотение, недоказанность, несостыкованность закона и действительности обязательно станут уделом раздумий судьи. Именно этот носитель государственной власти будет сводить такие проблемы к единому знаменателю. Зачастую знаменателем оказывается судебный прецедент [20].

Итак, причины появления прецедента зависят не от того, допускается ли этот источник законодателем, но от самой сущности судебной деятельности, олицетворяющей властную функцию государства и направленной на правовое воздействие на общественные отношения [21]. Исходя из вышесказанного, следует признать, что в российской правовой системе, как и в любой континентальной системе права, в той или иной форме

прецедент как источник права существовал всегда [22].

Более того, опосредованно он неизменно таковым и признавался, но при этом в научных работах метафора «источник права» к результатам судебной деятельности не применялась. Так, применение закона или права по аналогии, допускаемое и советским, и российским законодательством, возможно, следует рассматривать как элемент прецедентного регулирования. Во всяком случае западная доктрина рассматривает аналогию как разновидность прецедентного регулирования [23].

Совокупность правовых норм, регулирующих оборот товаров, услуг, капиталов должна вызывать у участников оборота уверенность в стабильности юридических правил, которые исходят от государства, и, следовательно, в устойчивости их экономического статуса и существующих между ними связей. В обеспечении правовой стабильности велико значение судебного истолкования правовых норм в тех случаях, когда происходит институционализация в форме признания за судебной практикой высших судов значения источника права.

В англо-американском праве правило *stare decisis*, которое обуславливает строго обязательную силу судебных прецедентов независимо от того, как они состыковываются с мнением судьи, лучше обеспечивает разумный баланс независимости судьи и правовой стабильности, чем в странах континентальной Европы. Всякое решение суда, если оно претендует на то, чтобы быть воспроизводимым в других решениях, является способом корректировки, обеспечения единообразия в судебной практике.

Главная цель системы судебного прецедента — обеспечение единообразного применения права. Эта система предназначена для того, чтобы устранить деривационное, отклоняющееся поведение различных судов, чтобы все «потребители» юридической продукции в разных частях страны знали, что к ним будет применена норма определенного содержания. Необходимо, на наш взгляд, проявлять известную долю осторожности и не превышать значение судебного прецедента. Потому что может быть и так, что сегодняшняя судебная ошибка завтра станет судебным прецедентом, а сегодняшний судебный прецедент - ошибкой. И это противоречие не позволяет рассматривать доктрину судебного прецедента как некую панацею, как то, что позволяет руководствоваться только ею [24].

Должна присутствовать определенная доля скепсиса, чтобы помочь найти более объективные решения. При всем этом прецедентное право в России крайне необходимо, считаю себя горячим его сторонником. Здесь имеются в виду не

только решения Конституционного Суда, применительно к которым просто неприлично говорить о том, что нет прецедента, но и решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Итак, главная цель - обеспечить стабильность правовых отношений, которая включает в себя и определенную предсказуемость судебных решений; ведь мы знаем, насколько непредсказуемое поведение суда отпугивает предпринимателей - как российских, так и иностранных. И когда гражданское, в особенности налоговое, законодательство только складывается, потребность в судебных прецедентах становится особенно важной [25].

Крайне сложная и противоречивая французская история наложила серьезный отпечаток на практику толкования и применения, а также на научное осмысление источников права [26]. В период абсолютизма суды были крайне зависимы от воли короля и феодалов, наследовали и продавали свои должности, беспринципно манипулировали законами и в целом были весьма далеки от высоких стандартов правосудия. Соответственно, нет ничего удивительного в том, что к моменту Великой французской революции 1789 г. к судам в этой стране относились с большим недоверием [27; 28].

В этой связи одна из идей, возникших на волне Революции 1789 г., состояла в полном подчинении судей закону и превращении их в послушных букве закона «автоматов правоприменения». Как отмечается в литературе, первые послереволюционные законодательные акты были направлены, в том числе против судебной касты, применяющей нигде прямо не прописанные общие принципы [29].

Многих французских в этом вопросе вдохновила идея Ш.-Л. Монтескье о разделении властей, согласно которой суды должны быть всего лишь устами, произносящими букву заранее предустановленного законодателем закона, механически и беспристрастно применять его к соответствующим спорным обстоятельствам, будучи безымянными агентами закона [30, с. 297]. Вспомним еще и о высказывании Монтескье о том, что в известном отношении судебная власть вовсе властью не является [30, с. 294]. При таком подходе какое-либо самостоятельное правотворчество и усмотрение судов исключались по определению [31].

Кроме того, сразу после Революции (в 1790 г.) французские суды были обязаны при возникновении вопроса, прямо не урегулированного в законе, каждый раз обращаться за разъяснениями к законодателю (система *refere*). В законодательное собрание судам следовало обращаться «каждый раз, когда потребуется толковать закон» [32]. А это, по сути, означало лишение судов прав

самостоятельного толкования и заполнения пробелов в революционных законах. Кроме того, французским судам было запрещено подменять законодателя, формируя собственное прецедентное право. В сам ФГК 1804 г. была внесена норма, согласно которой судам было категорически запрещено создавать нормы общего характера (ст. 5).

Наконец, для предотвращения свободного толкования законов был учрежден при законодательном органе Кассационный трибунал (впоследствии - Кассационный суд) Франции. По изначальной задумке этот орган не являлся судом. Его основной задачей было отменять решения тех судов, которые отступали от воли законодателя, выраженной в тексте закона, и занимались недозволенным самоуправством при толковании. При этом Трибунал, отменив судебное решение, поначалу не устанавливал взамен верную интерпретацию, тем самым самоустраняясь от задачи авторитарного развития гражданского права [33; 34, с. 138, 139]. Как отмечают Цвайгерт и Кетц, в первые революционные годы произволом считались даже самое безобидное толкование закона или попытка заполнить имеющийся пробел в нем [34, с. 184]. Поэтому чисто теоретически у Кассационного трибунала должно было хватать работы [35].

Но в реальности воплотить идею о последовательном разделении правотворческой и судебной функций оказалось куда сложнее. Система судебных запросов, обращенных к законодателю, оказалась абсолютно нежизнеспособной и, по сути, на практике так и не заработала [36]. Соответственно, в особенности с момента принятия ФГК, суды были вынуждены разрешать споры даже в тех случаях, когда отсутствовала прямая норма закона. Другого выхода у них не было, так как разработчики ФГК, поразмыслив, решили прямо запретить отказывать в правосудии под предлогом отсутствия применимой законодательной нормы (ст. 4 ФГК) [37]. Это, по сути, похоронило идею судебных запросов законодателю и открыло дорогу более активному участию судов в развитии гражданского права [38].

К концу XIX в. наука французского гражданского права оказалась интоксигированной еще и концептуальным формализмом, который помогал формировать правовые решения там, где очевидно отсутствовало прямое законодательное регулирование. Считалось, что правовые концепции, выводимые из текста законодательства и реконструируемые по его отдельным фрагментам, ограничены в числе и имеют априорный и трансцендентальный статус, императивно направляющий толкователя на верный путь в случае, когда буква закона напрямую не дает однозначного ответа [39]. Эти правовые концепции

(такие, как собственность, обязательство, договор и др.) стали подаваться как объективные, вневременные и абсолютные истины, императивно дедуцирующие ответы на все вопросы, прямо не покрытые текстом Кодекса. Причем считалось, что все эти абстрактные идеи логически взаимосвязаны и покрывают все гражданское право [40]. Анализ политики гражданского права как инструмента влияния на социальную и экономическую жизнь страны вытеснялся на обочину правовой науки. Догматический анализ,

разбирающий и систематизирующий уже существующие нормы и сделанные на их основе обобщения, считался единственной формой научной работы [41]. Такой подход среди прочего позволял сохранить видимость того, что право, состоящее из самого текста законов и построенных на его основе концептов, не имеет пробелов, а судья, соответственно, ничего к праву от себя не добавляя, лишь обязан верно его считать и механически применить к спору путем простого силлогизма.

Список литературы:

- [1] Загайнова С. К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. - М., 2002. - С. 63.
- [2] Наумов В. И. Толкование норм права. - М., 1998. - С. 15.
- [3] Гаджиев Х. И. Толкование права и закона. - М., 2000. - С. 37.
- [4] Шестак В.А. О типовых решениях, принимаемых судами по результатам рассмотрения административных дел об установлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в современных условиях // *Мировой судья*. - 2018. - № 2. - С. 36 - 39.
- [5] Печникова А.П. Правовое регулирование предпринимательства в сферах образования и здравоохранения: учеб. пособие. - М.: МГУУ ПМ, 2006. - 107 с.
- [6] Шестак В.А. О современной практике применения упрощенных порядков в административном судопроизводстве // *Административное право и процесс*. - 2018. - № 6. - С. 47 - 49.
- [7] Миронов В.О. Прокурорские гарантии реализации прав и свобод человека в России // *Актуальные вопросы образования и науки*. - 2012. - № 3-4. - С. 26 - 29.
- [8] Харт Г. Л. А. Понятие права. - СПб.: Издво СПбУ, 2007. - С. 109.
- [9] Миронов В.О. Оценка результативности предупреждения преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях // *Российский криминологический взгляд*. - 2010. - № 2. - С. 377 - 380.
- [10] Шестак В.А. Об отдельных вопросах организации надзора органов военной прокуратуры за законностью процессуальных действий на досудебной стадии уголовного судопроизводства в особых условиях // *Военно-юридический журнал*. - 2018. - № 5. - С. 17 - 21.
- [11] Туманов В.А. К критике концепции «судейского права» // *Сов. государство и право*. - 1980. - № 3. - С. 111 - 118.
- [12] *Deutsche Landesberichte zum X Internationalen Kongress für Rechtsvergleichung. Sektionen I/VI/VII*. - Heidelberg, 1978. - S. 120.
- [13] Franke-Griecksch G. La position et les devoirs du juge dans RFD // *Revue internationale de droit penal*. - 1975. - № 1-2. - P. 101.
- [14] Марчук В. П. «Свободное право» в буржуазной юриспруденции. - Киев, 1977.
- [15] Миронов В.О. Прокурорские гарантии реализации прав и свобод человека в России // *Актуальные вопросы образования и науки*. - 2012. - № 3-4. - С. 26 - 29.
- [16] Печникова А.П. Управление государственными лечебно-профилактическими учреждениями в Российской Империи XIX в.: сб. науч. тр. - М. - Тамбов: Тамбовский филиал МОСУ, 2007. - С. 592-598.
- [17] Туманов В.А. К критике концепции «судейского права» // *Сов. государство и право*. - 1980. - № 3. - С. 111 - 118.
- [18] Киселев И. Я. Трудовые конфликты в капиталистическом обществе. - М., 1978. - С. 156.
- [19] Ipsen J. Richterrecht und Verfassung. - München, 1975. - S. 27, 28.
- [20] Миронов В.О. Государственно-правовые отношения России и Белоруссии в 1917 - 1922 гг. // *Государство и право*. - 2004. - № 12. - С. 70 - 76.
- [21] Нешатаева Т.Н. К вопросу об источниках права - судебном прецеденте и доктрине // *Судебная практика как источник права*. - М.: Юристъ, 2000. - С. 91, 92.
- [22] Печникова А.П. Становление государственных лечебно-профилактических учреждений в первые годы советской власти: сб. науч. тр. - М. - Тамбов: Тамбовский филиал МОСУ, 2007. - С. 581-591.

- [23] Миронов В.О. Прокурорские гарантии реализации прав и свобод человека в России // Актуальные вопросы образования и науки. - 2012. - № 3-4. - С. 26 - 29.
- [24] Печников А.П., Печникова А.П. Правовая культура в деятельности государственных лечебно-профилактических учреждений // Модернизация образования в современном мире: материалы 2-й Всеросс. науч.-практ. конф. - М. - Тамбов, 2009. - С. 146-151.
- [25] Merryman J.H., Perez-Perdomo R. *The Civil Law Tradition: An Introduction to the Legal Systems of Europe and Latin America*. 3-rd edition. - 2007. - P. 29.
- [26] Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. - М., 2000. - Т. I. - С. 124.
- [27] Fon V., Parisi F. *Judicial Precedents in Civil Law Systems: A Dynamic Analysis* // *International Review of Law and Economics*. - 2006. - N 26. - P. 522;
- [28] Germain C.M. *Approaches to Statutory Interpretation and Legislative History in France* // *3 Duke Journal of Comparative & International Law*. - 2003. - Vol. 11. - P. 196. URL: <http://www.law.duke.edu>
- [29] Van Caenegem R.C. *Judges, Legislators and Professors: Chapters in European Legal History*. - Cambridge, 1987. - P. 157.
- [30] Монтескьё Ш. О духе законов // Монтескьё Ш. Избр. произв. - М., 1955. - С. 294, 297.
- [31] Merryman J.H., Perez-Perdomo R. *The Civil Law Tradition: An Introduction to the Legal Systems of Europe and Latin America*. 3-rd edition. - 2007. - P. 29.
- [32] Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. - М., 2000. - Т. I. - С. 138, 184, 185.
- [33] Merryman J.H., Perez-Perdomo R. *The Civil Law Tradition: An Introduction to the Legal Systems of Europe and Latin America*. 3-rd ed. - 2007. - P. 40.
- [34] Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. - М., 2000. - Т. I. - С. 138, 139, 184.
- [35] Печникова А.П. Становление советской системы здравоохранения // История государства и права. - 2009. - № 16. - С. 34-36.
- [36] Geny F. *Methodes d'interpretation et sources en droit prive positif*. 2 rd ed. 1954 (An English translation by Louisiana State Law Institute. - 1963. - P. 52-54).
- [37] Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. - М., 2000. - Т. I. - С. 185.
- [38] Михайлова Н.В., Печникова А.П. Предпосылки возникновения государственных лечебно-профилактических учреждений в России X - XVI вв. // Государство и право. - 2007. - № 5. - С. 84 - 89.
- [39] Печникова А.П. Становление государственных лечебно-профилактических учреждений в первые годы советской власти: сб. науч. тр. - М. - Тамбов: Тамбовский филиал МОСУ, 2007. - С. 581-591.
- [40] Geny F. *Methodes d'interpretation et sources en droit prive positif*. 2 rd ed. 1954 (An English translation by Louisiana State Law Institute. - 1963. - P. 86. 87).
- [41] Шестак В.А. О некоторых положениях современной практики применения судами законодательства в сфере административного судопроизводства // Мировой судья. - 2018. - № 7. - С. 36 - 40.

Spisok literatury:

- [1] Zagajnova S. K. *Sudebnyj precedent: problemy pravoprimereniya*. - М., 2002. - S. 63.
- [2] Naumov V. I. *Tolkovanie norm prava*. - М., 1998. - S. 15.
- [3] Gadzhiev X. I. *Tolkovanie prava i zakona*. - М., 2000. - S. 37.
- [4] Shestak V.A. О типовых решениях, принимаемых судами по результатам рассмотрения административных дел об установлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в современных условиях // *Мировой судья*. - 2018. - № 2. - С. 36 - 39.
- [5] Pechnikova A.P. *Pravovoe regulirovanie predprinimatel'stva v sferah obrazovaniya i zdavoohraneniya: ucheb. posobie*. - М.: MGUU PM, 2006. - 107 s.
- [6] Shestak V.A. О современной практике применения упрощенных порядков в административном судопроизводстве // *Административное право и процесс*. - 2018. - № 6. - С. 47 - 49.

- [7] Mironov V.O. *Prokurorskie garantii realizacii prav i svobod cheloveka v Rossii* // Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki. - 2012. - № 3-4. - S. 26 - 29.
- [8] Hart G. L. A. *Ponyatie prava*. - SPb.: Izd vo SPbU, 2007. - S. 109.
- [9] Mironov V.O. *Ocenka rezul'tativnosti preduprezhdeniya prestuplenij, sovershaemyh v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah* // Rossijskij kriminologicheskij vzglyad. - 2010. - № 2. - S. 377 - 380.
- [10] Shestak V.A. *Ob otдел'nyh voprosah organizacii nadzora organov voennoj prokuratury za zakonost'yu processual'nyh dejstvij na dosudebnoj stadii ugolovnogogo sudoproizvodstva v osobyh usloviyah* // Voенно-юридический журнал. - 2018. - № 5. - S. 17 - 21.
- [11] Tumanov V.A. *K kritike koncepcii "sudejskogo prava"* // Sov. gosudarstvo i pravo. - 1980. - № 3. - S. 111 - 118.
- [12] *Deutsche Landesberichte zum X Internationalen Kongress für Rechtsvergleichung. Sektionen I/VI/VII*. - Heidelberg, 1978. - S. 120.
- [13] Franke-Griecksch G. *La position et les devoirs du juge dans RFD* // Revue internationale de droit penal. - 1975. - № 1-2. - P. 101.
- [14] Marchuk V. P. *«Svobodnoe pravo» v burzhuaznoj yurisprudencii*. - Kiev, 1977.
- [15] Mironov V.O. *Prokurorskie garantii realizacii prav i svobod cheloveka v Rossii* // Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki. - 2012. - № 3-4. - S. 26 - 29.
- [16] Pechnikova A.P. *Upravlenie gosudarstvennymi lechebno-profilakticheskimi uchrezhdeniyami v Rossijskoj Imperii XIX v.: sb. nauch. tr.* - M. - Tambov: Tambovskij filial MOSU, 2007. - S. 592-598.
- [17] Tumanov V.A. *K kritike koncepcii "sudejskogo prava"* // Sov. gosudarstvo i pravo. - 1980. - № 3. - S. 111 - 118.
- [18] Kiselev I. Ya. *Trudovye konflikty v kapitalisticheskom obshchestve*. - M., 1978. - S. 156.
- [19] Ipsen J. *Richterrecht und Verfassung*. - München, 1975. - S. 27, 28.
- [20] Mironov V.O. *Gosudarstvenno-pravovye otnosheniya Rossii i Belorussii v 1917 - 1922 gg.* // Gosudarstvo i pravo. - 2004. - № 12. - S. 70 - 76.
- [21] Neshataeva T.N. *K voprosu ob istochnikah prava - sudebnom precedente i doktrine* // Sudebnaya praktika kak istochnik prava. - M.: Yurist", 2000. - S. 91, 92.
- [22] Pechnikova A.P. *Stanovlenie gosudarstvennyh lechebno-profilakticheskikh uchrezhdenij v pervye gody sovetskoj vlasti: sb. nauch. tr.* - M. - Tambov: Tambovskij filial MOSU, 2007. - S. 581-591.
- [23] Mironov V.O. *Prokurorskie garantii realizacii prav i svobod cheloveka v Rossii* // Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki. - 2012. - № 3-4. - S. 26 - 29.
- [24] Pechnikov A.P., Pechnikova A.P. *Pravovaya kul'tura v deyatelnosti gosudarstvennyh lechebno-profilakticheskikh uchrezhdenij* // Modernizaciya obrazovaniya v sovremennom mire: materialy 2-j Vseross. nauch.-prakt. konf. - M. - Tambov, 2009. - S. 146-151.
- [25] Merryman J.H., Perez-Perdomo R. *The Civil Law Tradition: An Introduction to the Legal Systems of Europe and Latin America*. 3-rd edition. - 2007. - P. 29.
- [26] Cvajgert K., Ketc H. *Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava*. - M., 2000. - T. I. - S. 124.
- [27] Fon V., Parisi F. *Judicial Precedents in Civil Law Systems: A Dynamic Analysis* // International Review of Law and Economics. - 2006. - N 26. - P. 522;
- [28] Germain C.M. *Approaches to Statutory Interpretation and Legislative History in France* // 3 Duke Journal of Comparative & International Law. - 2003. - Vol. 11. - P. 196. URL: <http://www.law.duke.edu>
- [29] Van Caenegem R.C. *Judges, Legislators and Professors: Chapters in European Legal History*. - Cambridge, 1987. - P. 157.
- [30] Montesk'yo Sh. *O duhe zakonov* // Montesk'yo Sh. Izbr. proizv. - M., 1955. - S. 294, 297.
- [31] Merryman J.H., Perez-Perdomo R. *The Civil Law Tradition: An Introduction to the Legal Systems of Europe and Latin America*. 3-rd edition. - 2007. - P. 29.
- [32] Cvajgert K., Ketc H. *Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava*. - M., 2000. - T. I. - S. 138, 184, 185.
- [33] Merryman J.H., Perez-Perdomo R. *The Civil Law Tradition: An Introduction to the Legal Systems of Europe and Latin America*. 3-rd ed. - 2007. - P. 40.

[34] Cvajgert K., Ketc H. *Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava*. - M., 2000. - T. I. - S. 138, 139, 184.

[35] Pechnikova A.P. *Stanovlenie sovetskoj sistemy zdavoohraneniya // Istoriya gosudarstva i prava*. - 2009. - № 16. - S. 34–36.

[36] Geny F. *Methode d'interpretation et sources en droit prive positif. 2 rd ed. 1954 (An English translation by Louisiana State Law Institute*. - 1963. - P. 52–54).

[37] Cvajgert K., Ketc H. *Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava*. - M., 2000. - T. I. - S. 185.

[38] Mihajlova N.V., Pechnikova A.P. *Predposylki vznikoveniya gosudarstvennyh lechebno-profilakticheskikh uchrezhdenij v Rossii X - XVI vv. // Gosudarstvo i pravo*. - 2007. - № 5. - S. 84 - 89.

[39] Pechnikova A.P. *Stanovlenie gosudarstvennyh lechebno-profilakticheskikh uchrezhdenij v pervye gody sovetskoj vlasti: sb. nauch. tr. - M. - Tambov: Tambovskij filial MOSU, 2007. - S. 581–591.*

[40] Geny F. *Methode d'interpretation et sources en droit prive positif. 2 rd ed. 1954 (An English translation by Louisiana State Law Institute*. - 1963. - P. 86. 87).

[41] Shestak V.A. *O nekotoryh polozheniyah sovremennoj praktiki primeneniya sudami zakonodatel'stva v sfere administrativnogo sudoproizvodstva // Mirovoj sud'ya*. - 2018. - № 7. - S. 36 - 40.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

DOI:10.24412/2224-9125-2021-5-67-71
NIION: 2021-0079-4/21-033
MOSURED: 77/27-025-2021-04-033
УДК – 342
ББК – 67

ГАЗИМАГОМЕДОВ Магомед Аминович,
кандидат юридических наук,
и.о. профессора кафедры уголовного права
и криминологии Института финансов и права,
член Ассоциации юристов России,
член-корреспондент Российской
академии естественных наук,
Почетный профессор права Института адвокатуры,
нотариата и международных отношений,
член Ассоциации юристов России,
e-mail: mail@law-books.ru

**12.00.01 – теория государства и права;
история учений о праве и государстве**

СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Что порождает устойчивость советской модели поведения судов? Что поддерживает институциональную инерцию? Эти вопросы, касающиеся устойчивости так называемого обвинительного уклона в правосудии, его происхождения и воспроизводства, являются важнейшими в современной России. Они затрагивают главные и наиболее болезненные вопросы постсоветского правосудия, и через них можно добраться до наиболее важных особенностей устройства и функционирования российской судебной системы.

Ключевые слова: судебские кадры, статистика, оправдательные приговоры, состязательность в судебном процессе.

GAZIMAGOMEDOV Magomed Aminovich,
candidate of legal sciences,
acting professor of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Institute of Finance and Law, member of the Russian Bar Association,
corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences,
Honorary Professor of Law of the Institute of Law,
Notary and International Relations,
member of the Russian Bar Association

JUDGEMENTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. What gives rise to the stability of the Soviet model of court behavior? What supports institutional inertia? These questions regarding the sustainability of the so-called accusatory bias in justice, its origin and reproduction are the most important in modern Russia. They deal with the main and most painful issues of post-Soviet justice, and through them you can get to the most important features of the structure and functioning of the Russian judicial system.

Key words: judicial personnel, statistics, acquittals, adversarial in the trial.

Одним из механизмов, обеспечивающих слаженную работу и удовлетворение интересов основных инстанций уголовного процесса, является так называемый особый порядок судебного разбирательства. В России на него соглашаются более 60% подсудимых.

Уровень консенсуса среди судей высших судов является традиционным предметом в эмпирических исследованиях права. Текст А. Верещагина, посвященный особым мнениям в Конституционном Суде РФ, переносит эту традицию в российский контекст. При этом автор оговаривается,

что публикация особых мнений судей Конституционного Суда РФ была ограничена и уровень доступа к ним менялся во времени [3, с. 250–266].

А. Верещагин анализирует изменение числа особых мнений по годам и их авторство, вводя «коэффициент публичного несогласия» как отношение числа особых мнений к количеству судей, участвовавших в принятии решения. Кроме того, А. Верещагин прослеживает изменение во времени численности группы судей, чье мнение отклонялось от позиции большинства. В период с 1993 по 1997 г. наблюдался высокий уровень

открытого несогласия судей с мнением большинства, после 1998 г. уровень несогласия снизился, а публичный консенсус заметно усилился, и автор приводит ряд объяснений упадка института особых мнений в Конституционном Суде в 2000-е гг. Доверие российских граждан к судам остается низким на протяжении всего постсоветского периода, однако это не мешает гражданам использовать судебную систему с растущей интенсивностью (это относится к гражданским и арбитражным процессам) [3, с. 266].

Используем данные массовых опросов российских домохозяйств и предпринимателей для выяснения мотивов обращения в суд, чтобы проверить три основные гипотезы относительно мотивов обращения в суды:

- наличие конфликта (необходимости);
- наличие возможностей и опыта участия в судебном процессе;
- отношение к закону.

Общественное мнение, уровень доверия к судам и отношение к закону не оказывают существенного воздействия на решение граждан и хозяйствующих субъектов обращаться в суды, а наличие предшествующего опыта и необходимость судиться являются достаточными мотивами для использования судебной системы. Выводы могут служить иллюстрацией того, что качество работы арбитражных судов и рассмотрение гражданских дел в судах общей юрисдикции достаточно для того, чтобы судебная система была востребована гражданами, когда у них возникает такая необходимость. Каковы источники и методы изменения судебной системы?

В Европе нет политических механизмов, которые обязывали бы правительства менять национальные судебные системы и приводить их к единому образцу. Изменение национальных судебных систем под воздействием европейских правовых стандартов происходило, на наш взгляд, за счет межпрофессионального общения, мониторинга и перманентного внедрения международных стандартов подотчетности – правовой, институциональной, управленческой, профессиональной и общественной [7, с. 7].

ЕСПЧ обнаружил брешь в принципе равенства сторон, потому что совершение преступления было спровоцировано представителями государства, находившимися под прикрытием, при отсутствии каких-либо предположений о вине объекта этой провокации.

Традиционно в постсоветских правовых системах разделяют несколько этапов.

Первый этап – рассмотрение дела в первой инстанции – первое рассмотрение дела по существу. Этим занимаются мировые судьи (если речь идет о незначительных гражданских, административных и уголовных делах), судьи районных судов (для более серьезных уголовных и гражд-

данских дел, а также сложных административных дел), суды субъектов Российской Федерации (для особо тяжких уголовных дел) и арбитражные суды субъектов – для рассмотрения споров в сфере экономической деятельности.

В апелляционной инстанции – на втором этапе – дело повторно и полностью рассматривается, если какая-то сторона пожелала обратиться с жалобой. Однако, как правило, представить новые доказательства, такие, которые отсутствовали в деле на стадии рассмотрения в первой инстанции, в апелляции уже нельзя. В России существует система апелляционного обжалования решений мировых судей в районные суды и решений арбитражных судов – в арбитражные апелляционные суды. Кроме того, существует система кассационного обжалования – на предмет проверки правильности применения закона (т.е. толкования применительно к конкретному случаю). В России такое обжалование осуществляется в арбитражных судах федеральных округов и в верховных судах субъектов РФ. Наконец, возможно надзорное обжалование – в исключительных случаях в Высший Арбитражный Суд, Верховный Суд и верховные суды субъектов РФ.

Перед каждым уровнем судебной системы стоят, по замыслу создателей судебной системы, свои задачи. Однако российский юридический язык не приспособлен к тому, чтобы эти задачи как-то отражать: так, в двух ключевых для арбитражной системы законах [1] нет ни слова о том, каковы цели, задачи или смысл существования той или иной инстанции, того или иного уровня судопроизводства. Предполагается, что «намерение законодателя» или очевидно, или может быть эксплицировано в профессиональной дискуссии.

Предлагаемое эмпирическое исследование состоит в выявлении тех реальных функций, которые выполняет та или иная судебная инстанция, через анализ того, как этот суд функционирует, кто и в каких случаях в него обращается и как суд реагирует на различные внешние раздражители. Однако эмпирическое исследование правовых институтов делает очевидным тот факт, что функции, которые являются манифестными (явными) для тех или иных судов, очень часто не являются единственными или даже основными. Так, в советской системе уголовные суды более высоких инстанций, которые призваны были защищать права подсудимых, на практике занимались по преимуществу бюрократическим контролем показателей, которые должны были достигаться нижестоящими судами и вылавливанием очевидных огрехов этих судов. Они занимались не рассмотрением вопросов об адекватности решения, но устранением очевидных (как правило, бюрократических же) ошибок, таких, как путаница с фамилиями подсудимых, номерами статей кодексов и т.п. [4]

Иными словами, декларируемая функция защиты прав подсудимых была заменена функцией простого бюрократического контроля. Второй пример трансформации манифестной функции – это история федеральных (окружных) апелляционных судов в США. Они были созданы в конце XIX в. для разгрузки Верховного суда от потока однообразных дел, касающихся нарушения прав граждан, гарантированных Конституцией и федеральными нормативными актами. Однако уже через полвека апелляционные суды стали, по сути, основными творцами законов в США (на внесудебных кейсах эта ситуация описана в [2]). Их решения диктуют правила толкования тех или иных норм Конституции, решений Верховного суда, федеральных актов. С учетом краткости текстов американских законов такие толкования становятся основными прикладными регуляторами в тех сферах, которые подсудны системе апелляционных судов. Таким образом, вместо того, чтобы просто воспроизводить позиции Верховного суда и отвечать на типовые запросы, например, такими решениями: «Как указано в решении Верховного суда по аналогичному делу...», переправляя все остальное «наверх», апелляционные суды сами стали ключевым творцом права, с которым не всегда может «справиться» даже Верховный суд [6]. Они начали принимать самостоятельные решения, спорить с позициями Верховного суда, обходить его решения и т.п.

Перед тем как перейти к содержательному анализу статистики судебных решений, следует сделать несколько методических замечаний по поводу логики и структуры статистического суждения и вывода. Во-первых, любые мнения, высказываемые на основе некоторой статистической закономерности, всегда носят частичный характер. Иначе говоря, когда мы утверждаем что А есть В, мы всегда подразумеваем, что в значимо большем числе случаев А есть В, а не что-либо иное, но отнюдь не отрицаем того факта, что в отдельных случаях А может становиться С. Во-вторых, такие суждения всегда носят гипотетический характер.

Это значит, что, когда мы говорим о том, что признак А означает поведение В, мы имеем в виду то, если верны сделанные теоретические допущения и сопоставления, что в значимом большинстве случаев поведение В проявляет себя через признак А. При этом мы несколько не отрицаем, что в отдельных случаях признак А может возникать вне связи с поведением В, а поведение В никак не проявляет себя через признак А. Таким образом, следует четко разделять приводимые ниже данные и интерпретации, которые мы делаем на основе описанной концепции судебных иерархий.

Начать логичнее всего с вопроса о том, кто и по каким поводам обращается в апелляционные суды. Здесь важно понять, чем ситуация в апелляционном суде отличается от ситуации в суде первой инстанции, так мы поймем, в каких случаях участники стремятся продолжать спор в апелляции, а в каком – удовлетворяются решением арбитражного суда субъекта РФ.

Статистика решений судов во многих постсоветских и постсоциалистических странах показывает, что, несмотря на смену государственного строя, судейских кадров, организации судов и процессуальных норм, судьи устойчиво демонстрируют готовность принимать позицию следствия и государственного обвинения, не проявляя самостоятельности. Таким образом, если люди, занимающие должности судей, в системе поменялись, многие аспекты самой системы также изменились; а статистика упрямо показывает, что поведение судей и судебной системы осталось прежним, значит, имеет место сильная институциональная инерция. Механизмы, побуждающие судей вести себя таким образом и генерирующие такой исход дел, остались без изменений.

Какие это механизмы? Что порождает устойчивость советской модели поведения судов? Что поддерживает институциональную инерцию? Эти вопросы, касающиеся устойчивости так называемого обвинительного уклона в правосудии, его происхождения и воспроизводства, являются важнейшими в современной России. Они затрагивают главные и наиболее болезненные вопросы постсоветского правосудия, и через них можно добраться до наиболее важных особенностей устройства и функционирования российской судебной системы [7, с. 7].

Судьи судов первой инстанции избегают выносить оправдательные приговоры из-за высокого риска отмен в вышестоящих судах: оправдательные приговоры отменяются во много раз чаще обвинительных. А несколько отмененных приговоров могут сильно осложнить карьеру судьи и привести к отставке [7, с. 7]. Другим фактором служит то, что А. Трошев называет «неформальными связями» между судьями и прокурорами, обусловленными тем, что значительная доля районных судей в прошлом работали в прокуратуре. А носителями отрицательного советского отношения к оправдательным приговорам и сторонниками их отмены в апелляции и в кассации являются судьи, вступившие в должность в советское время, среди которых доля выходцев из прокуратуры выше, чем среди районных [5].

Например, К. Титаев и М. Поздняков уточняют смысл термина «обвинительный уклон», приводят выражающие этот уклон статистические показатели и прослеживают его употребление и происхождение в советской правовой док-

трине. В советский период обвинительный уклон понимался как нарушение принципа полноты и объективности исследования обстоятельств дела. Статья К. Титаева и М. Позднякова отличается тем, что в ней делается упор на процессуальное регулирование правоохранительной деятельности, предполагавшей единство принципов, по которым действуют органы предварительного следствия, прокуратура и суд.

Сама модель уголовного процесса, сложившаяся с 1960-х гг., не предполагала отдельной функции суда, а отводила ему роль последней инстанции по проверке качества следствия, и когда эта модель усваивалась следователями, прокурорами и судьями, то возможности вынесения оправдательного приговора, т.е. дисквалификации работы предшествующих звеньев, были для судей минимальны по определению. Профессионализация судей в СССР, выразившаяся в росте доли судей с высшим юридическим образованием, означала, по мнению автора, также усвоение ими положений правовой доктрины, в рамках которой суд занимал подчиненное положение, а вопросы виновности решались на предварительном следствии. Тогда устойчивость обвинительного уклона, т.е. ничтожно малая доля оправдательных приговоров в современной России, объясняется тем, что базовая архитектура уголовного процесса, логика которого не предполагает оправдания подсудимого, сохранилась до сих пор, несмотря на принятие нового УПК.

В советское время партийный контроль над правоохранительными органами, частью которых был суд, единство правоохранительных органов и архитектура уголовного процесса обеспечивали конформность судей без необходимости какого-либо дополнительного внешнего воздействия. Но после распада СССР и придания судебной власти в России статуса самостоятельного института, введения пожизненного назначения судей и принятия нового УПК, предполагающего состязательность в судебном процессе, обеспечение интересов следствия и прокуратуры стало гораздо более проблематичным. Оно вызвало, с одной стороны, развитие различных формальных и неформальных механизмов влияния прокуратуры на судей, а с другой стороны, адаптацию судей к новым условиям в виде различных компромиссов за счет подсудимого, чтобы и не конфликтовать с гособвинением, но и не наказывать сильно тех, чья вина не доказана [5].

Этому явлению посвящена статья Эллы Панеях. В ней описываются мягкие и жесткие способы давления прокуратуры на суды, а также исследуется реакция судей на это давление. Используя статистику приговоров по статьям с

различной тяжестью наказания, Э. Панеях анализирует поведение судей в делах частного обвинения (без прокурора), частно-публичного и публичного обвинения (с прокурором), а также назначение наказаний по статьям различной тяжести, предполагающее и не предполагающее реальные тюремные сроки. Этот анализ выявляет несколько типичных способов принятия судебных решений, носящих компромиссный характер. Признавая подсудимого виновным и тем самым подтверждая правоту следствия и гособвинения, судьи, тем не менее, стремятся не осуждать людей к реальным срокам, побуждать к примирению сторон или приговаривать к условным срокам, причем число таких «суррогатных» оправданий растет с ростом тяжести преступлений. А в более тяжелых составах, где «суррогатные» оправдания недоступны, судьи сдвигают наказание в сторону нижнего предела. Логика принятия судебных решений, которая выработалась в среде постсоветских судей, утверждает Э. Панеях, представляет собой искусство практических компромиссов (в большинстве за счет подсудимых) между интересами государственного обвинения и профессиональным долгом судить по закону и справедливости.

Данные о социально-демографической структуре российских судей, ротации судейского корпуса, предшествующем профессиональном опыте, а также анализ ценностей и норм этой профессиональной группы приводятся в тексте Вадима Волкова и Арины Дмитриевой.

Эти данные получены в результате анкетного опроса судей, проведенного в шести регионах РФ, и экспертных интервью. Обладая высокой степенью нормативного консенсуса, т.е. разделяя основные ценности и нормы профессии, российский судейский корпус, тем не менее, обнаруживает различные субкультуры, связанные с гендерным и возрастным разделением, а также наличием опыта работы в прокуратуре и следствии или в аппарате суда. Более молодое поколение судей, пришедшее после реформ начала 2000-х гг., обладает более четко выраженной ориентацией на бюрократические нормы аккуратности и дисциплины. Со сменой поколения также снижается субъективная важность центральных норм профессии, таких, как независимость и бескорыстность. Преемственность в судебной системе обеспечивается председателями судов, среди которых более высокий процент мужчин и представителей старшего поколения, вступивших в должность в советское время. Институт председателей, как показывает опрос, оказывает сильное влияние на профессиональную деятельность судей.¹

¹ Анализ судебной статистики по применению особого порядка показывает, что существенного снижения сроков лишения свободы в особом порядке не происходит.

Список литературы:

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ) и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ).

[2] Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине: Пер. с фр. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд Ельцина, 2008.

[3] Верещагин А. Особые мнения в Конституционном суде России // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права. М.: Статут, 2012.

[4] Соломон П. Советская юстиция при Сталине: Пер. с англ. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд Б. Ельцина, 2008.

[5] Титаев К., Поздняков М. Порядок особый – приговор обычный: практика применения особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) в российских судах // Аналитические записки по проблемам правоприменения. Март. СПб.: ИПП ЕУ СПб., 2012.

[6] Cohen J.M. Inside appellate courts: the impact of court organization on judicial decision making in the United States Courts of Appeals. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002.

[7] Trochev A. Fabricated Evidence and Fair Jury Trials // Russian Analytical Digest. 2006. June 20.

Spisok literaturey:

[1] Arbitrazhny'j processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii (ot 24 iyulya 2002 g. № 95-FZ) i Federal'ny'j konstitucionny'j zakon «Ob arbitrazhny'x sudax v Rossijskoj Federacii» (ot 28 aprelya 1995 g. № 1-FKZ).

[2] Blyum A., Mespule M. Byurokraticheskaya anarxiya: statistika i vlast' pri Staline: Per. s fr. 2-e izd. M.: ROSSPE'N; Fond El'cina, 2008.

[3] Vereshhagin A. Osoby'e mneniya v Konstitucionnom sude Rossii // Kak sud'i primimayut resheniya: e'mpiricheskie issledovaniya prava. M.: Statut, 2012.

[4] Solomon P. Sovetskaya yusticiya pri Staline: Per. s angl. 2-e izd. M.: ROSSPE'N; Fond B. El'cina, 2008.

[5] Titaev K., Pozdnyakov M. Poryadok osoby'j – prigovor oby'chny'j: praktika primeneniya osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva (gl. 40 UPK RF) v rossijskix sudax // Analiticheskie zapiski po problemam pravoprimeneniya. Mart. SPb.: IPP EU SPb., 2012.

[6] Cohen J.M. Inside appellate courts: the impact of court organization on judicial decision making in the United States Courts of Appeals. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002.

[7] Trochev A. Fabricated Evidence and Fair Jury Trials // Russian Analytical Digest. 2006. June 20.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА

DOI:10.24412/2224-9125-2021-5-72-75
NIION: 2021-0079-4/21-034
MOSURED: 77/27-025-2021-04-034

Камил кызы Гузель
старший преподаватель кафедры
конституционного и административного права
юридического факультета
Кыргызского национального университета
имени Жусупа Баласагына,
e-mail: gkamilovna0317@gmail.com

ОЦЕНКА ОТНОСИМОСТИ ПОКАЗАНИЙ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Аннотация. Рассматривается задача определения значимости относимости доказательств для оценки показаний подозреваемого. Используя данный критерий оценки доказательств, можно проверить все сведения, полученные от подозреваемого во время проведения допроса на предмет их относимости к расследуемому уголовному делу. Предлагаемый подход имеет свою широкую реализацию в правоприменительной деятельности не только органов, осуществляющих производство по делу, но и в деятельности защитников-адвокатов. Исходя из общих правил оценки доказательств, органы, осуществляющие производство по делу, должны, в первую очередь, проверить связь сообщаемых подозреваемым сведений с обстоятельствами, подлежащими установлению по каждому делу. Таким образом, описанным в статье методом можно будет определить, какие сведения имеют отношение к криминальному событию и, тем самым, создать условия для исключения из общей массы избыточную ненужную информацию.

Ключевые слова: доказательства, показания подозреваемого, свойство доказательств, проверка доказательств, оценка доказательств, относимость, допустимость, достоверность доказательств, обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Kamil kyzy Guzel
senior lecturer of the Department
Constitutional and Administrative Law,
Faculty of Law,
Balasagyn Kyrgyz National University

ASSESSMENT OF THE SUSPECT'S TESTIMONY RELEVANCE

Annotation. The task of determining the relevance of evidence for assessing the testimony of a suspect is considered. Using this criterion for evaluating evidence, it is possible to verify all the information received from the suspect during the interrogation regarding their relevance to the criminal case under investigation. The proposed approach has its wide implementation in law enforcement activities, not only of the bodies conducting the proceedings, but also in the activities of defense lawyers. Based on the general rules for evaluating evidence, the authorities conducting the proceedings should first of all check the connection of the information to the suspect with the circumstances to be established in each case. Thus, using the method described in the article, it will be possible to determine which information is relevant to the criminal event and thereby create conditions for excluding excess unnecessary information from the total mass.

Key words: evidence, testimony of a suspect, property of evidence, verification of evidence, assessment of evidence, relevance, admissibility, reliability of evidence, circumstances to be proved.

В теории уголовного процесса общепринято считать структурными элементами оценки доказательств их допустимость, относимость, достоверность и достаточность. [1, с. 66; 2, с.105; 3, с. 88; 4, с. 3; 5, с. 614, 108].

В ранее действующем законодательстве ст. 93 УПК КР носила название «Оценка доказательств», ч. 1 которой предусматривала следующее правило оценки: «Следователь, прокурор, суд, присяжные заседатели оценивают доказа-

тельства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, при этом руководствуясь законом». Как видно, данная статья не содержит вышеуказанных оценочных процессуальных правил. Мы видим здесь смещение принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела (ст. 19 УПК КР) с принципами оценки доказательств.

Примечательно, что ч. 1 ст. 95 нового УПК КР, который вступил в силу с 1 января 2019 г., гласит: «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения дела».

Значит, законодатель признал, что сведения или данные могут стать доказательствами только при условии, если они будут отвечать критериям относимости, допустимости, достоверности, а вся совокупность доказательств будет достаточной для принятия окончательного процессуального решения.

Тем не менее, правоведы, посвятившие свои исследования проблемам доказательственного права, утверждают, что существует множество точек зрения в понимании сути свойств доказательств. К числу таких проблем относится и свойство относимости показаний подозреваемого к расследуемому преступлению.

Имеются несколько определений понятия относимости доказательств.

Одни авторы считают, что относимость доказательств – это обладание доказательств свойством устанавливать обстоятельства, имеющие значение для дела [6, с. 93; 7, с. 81]. В частности, Л.В. Клейман пишет, что относимость доказательств – это первое и обязательное правовое свойство, которое характеризуется объективной связью доказательств с обстоятельствами, подлежащими установлению [8, с. 11].

Другие авторы под относимостью доказательств понимают объективную взаимосвязь между искомыми сведениями и обстоятельствами, имеющими значение для уголовного дела [9, с. 104; 10, с. 6; 11, с. 26; 12, с. 121; 13, с. 148; 14, с. 434; 15, с. 325].

Н.А. Громов и С.А. Зайцева отмечают, что относимость доказательств является внутренним свойством доказательства, которая выражает объективную взаимообусловленность сведений с фактическими обстоятельствами [29, с. 64].

На наш взгляд, более четкой и правильной выглядит мнение последних авторов: понимание относимости доказательств сквозь призму способности связывать сведения (данные) с фактами или обстоятельствами, подлежащими доказыва-

нию. Такая трактовка как бы стирает границу между такими свойствами, как относимость и достаточность доказательств.

На самом деле обладание доказательства свойством установления всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, констатирует, прежде всего, достаточность собранных по делу доказательств [16, с. 15]. Поэтому, при определении сущности относимости доказательств, нужно исходить из наличия связи собранных сведений с обстоятельствами, подлежащих установлению по конкретному уголовному делу.

Базируясь на вышеуказанной характеристике сути относимости доказательств, попытаемся раскрыть относимость показаний подозреваемого.

Критерий оценки относимости такого источника доказательств, как показания подозреваемого, следует исходить из его содержания.

Так же, как и при определении относимости доказательств вообще, между содержанием показаний подозреваемого должна быть установлена связь с обстоятельствами уголовного дела. Так, ч. 1 ст. 82 нового УПК КР гласит: «Доказательствами по делу являются полученные в установленном законом порядке сведения, на основе которых орган дознания, следователь, прокурор, суд определяют наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для дела». Из данной дефиниции доказательства можно сделать вывод о том, что сведения, полученные от подозреваемого, должны констатировать наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для дела. Более того, за правовой дефиницией в УПК КР перечисляются обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу.

Однако показания подозреваемого могут содержать сведения, выходящие за рамки указанных в законе обстоятельств, подлежащих доказыванию. В данном случае, конечно, мы не можем вести речь об относимых доказательствах, но такая информация может оказать содействие в выяснении каких-либо деталей того или иного факта или обстоятельства.

Следовательно, в процессе расследования уголовного дела будет важна любая информация, поступающая от подозреваемого. Проверая и оценивая показания подозреваемого, с точки зрения относимости следует установить взаимосвязь сведений как с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, так и с другими обстоятельствами, имеющими значение для принятия правильного решения по уголовному делу.

Таким образом, показания подозреваемого станут относимыми, если полученное сообщение может устанавливать любой факт или обстоятельство, имеющее значение для правильного

разрешения дела. Показания подозреваемого должны быть связаны со следующими обстоятельствами:

- обстоятельствами, подлежащими доказыванию по уголовному делу;
- обстоятельствами, подкрепленными косвенными уликами;
- обстоятельствами, послужившими базой для применения уголовно-процессуального закона.

Следует отметить, что, придавая данным свойство относимости, т.е. связи с обстоятельствами первой и второй группы, получаем подтверждение придания показаниям подозреваемого статуса доказательства по уголовным делам. Если прослеживается связь показаний подозреваемого с третьей группой обстоятельств, то можно вести речь об иных способах познания события.

Оценивая относимость показаний подозреваемого, необходимо выяснить отличие относимых данных и данных, выходящих за рамки конкретного уголовного дела.

По мнению Ю.К. Орлова, доказательство признается неотносимым в следующих случаях:

1) если сведения не имеют отношения к исследуемому событию, совершено иное событие (происшествие), которое выходит за пределы расследования;

2) если сведения не устанавливают факт или обстоятельство, подлежащее доказыванию [7, с. 42].

В то же время открытым остается вопрос определения момента оценки относимости и не относимости показаний подозреваемого в процессе производства уголовного дела.

Считаем целесообразным выделить два периода оценки относимости показаний подозреваемого.

Первый период оценки показаний подозреваемого происходит при проведении допроса, когда следователь дает возможность для свободного рассказа. Вместе с тем, следователь может сделать замечание подозреваемому, если сведения не имеют отношения к делу. Значит, при допросе следователь, непосредственно воспринимая показания подозреваемого, осуществляет оценку относимости полученных от подозреваемого сведений к обстоятельствам расследуемого уголовного дела.

В науке уголовного процесса данный этап оценки относимости показаний подозреваемого принято называть познавательным. В данном случае следователь для себя делает гипотетический вывод о взаимосвязи собранных сведений с фактическими обстоятельствами дела.

Второй момент оценки относимости показаний подозреваемого наступает при принятия процессуального решения, когда сведения ложатся в его основу. В данном случае показания оцениваются на предмет соответствия требованиям не только относимости, но также достоверности, допустимости и достаточности. Поэтому при установлении факта недостоверности или недопустимости фактических данных можно делать выводы об их не относимости.

Вывод. Относимость показаний подозреваемого – одно из важнейших свойств, которое непременно должно быть проверено и оценено на предмет наличия связи его содержания с фактами и обстоятельствами, подлежащими доказыванию по конкретному уголовному делу. При установлении последующих свойств показаний – достоверности и допустимости можно признавать эти данные не соответствующими требованиям относимости к данному делу.

Список литературы:

- [1] Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. - М., 1966. - С. 66, 67.
- [2] Мухин И.И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. - М., 1971. - Т. 1. - С. 105 - 134.
- [3] Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и форма. - М., 1976. - С. 88, 89.
- [4] Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. - М., 1977. - С. 3.
- [5] Курс советского уголовного процесса: Общая часть. - М., 1989. - С. 614, 615.
- [6] Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. - 2е изд., испр. и доп. - Екатеринбург, 1997. - С. 83 - 93.
- [7] Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособие. - М., 2000. - С. 81, 80.
- [8] Клейман Л.В. Установление относимости доказательств при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Омск, 2001. - С. 11.
- [9] Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. - М., 1964. - С. 104.

- [10] Арсеньев В.Д. Основы теории доказательств в уголовном процессе. - Иркутск, 1970. - С. 43.
- [11] Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. - Воронеж, 1995. - С. 121.
- [12] Громов Н.А. Уголовный процесс России: учеб. пособие. - М., 1998. - С. 148.
- [13] Петрухин И.Л. Понятие и содержание оценки доказательств // Теория доказательств в советском уголовном процессе. - М., 1973. - С. 434 - 436.
- [14] Якупов Р.Х. Доказывание в уголовном процессе // Уголовный процесс. - М., 1991. - С. 325.
- [15] Громов Н.А., Зайцева С.А. Оценка доказательств в уголовном процессе. - М., 2002. - С. 64.
- [16] Кудин Ф.М., Костенко Р.В. Допустимость доказательств в российском уголовном процессе: учеб. пособие. - Краснодар, 2002. - С. 14.

Spisok literatury:

- [1] Belkin P.C. Sobiranie, issledovanie i ocenka dokazatel'stv. Sushchnost' i metody. - M., 1966. - S. 66, 67.
- [2] Muhin I.I. Ob"ektivnaya istina i nekotorye voprosy ocenki sudebnykh dokazatel'stv pri osushchestvlenii pravosudiya. - M., 1971. - T. 1. - S. 105 - 134.
- [3] Lupinskaya P.A. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve. Ih vidy, sodержanie i forma. - M., 1976. - S. 88, 89.
- [4] Reznik G.M. Vnutrennee ubezhdenie pri ocenke dokazatel'stv. - M., 1977. - S. 3.
- [5] Kurs sovetskogo ugolovnogo processa: Obshchaya chast'. - M., 1989. - S. 614, 615.
- [6] Davletov A.A. Osnovy ugolovno-processual'nogo poznaniya. - 2-e izd., ispr. i dop. - Ekaterinburg, 1997. - S. 83 - 93.
- [7] Orlov Yu.K. Osnovy teorii dokazatel'stv v ugolovnom processe: nauch.-prakt. posobie. - M., 2000. - S. 80, 81.
- [8] Klejman L.V. Ustanovlenie odnosimosti dokazatel'stv pri rassledovanii prestuplenij: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. - Omsk, 2001. - S. 11.
- [9] Arsen'ev V. D. Voprosy obshchej teorii sudebnykh dokazatel'stv. - M., 1964. - S. 104.
- [10] Arsen'ev V.D. Osnovy teorii dokazatel'stv v ugolovnom processe. - Irkutsk, 1970. - S. 43.
- [11] Kokorev L.D., Kuznecov N.P. Ugolovnyj process: dokazatel'stva i dokazyvanie. - Voronezh, 1995. - S. 121.
- [12] Gromov H.A. Ugolovnyj process Rossii: ucheb. posobie. - M., 1998. - S. 148.
- [13] Petruhin I.L. Ponyatie i sodержanie ocenki dokazatel'stv // Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom processe. - M., 1973. - S. 434 - 436.
- [14] Yakupov R.H. Dokazyvanie v ugolovnom processe // Ugolovnyj process. - M., 1991. - S. 325.
- [15] Gromov H.A., Zajceva S.A. Ocenka dokazatel'stv v ugolovnom processe. - M., 2002. - S. 64.
- [16] Kudin F.M., Kostenko R.V. Dopustimost' dokazatel'stv v rossijskom ugolovnom processe: ucheb. posobie. - Krasnodar, 2002. - S. 14.

К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СКЛОНЕНИЕ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА ИЛИ СОДЕЙСТВИЕ СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА

Аннотация. Криминализация склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства преследовала благую цель – усиление политики государства в сфере охраны жизни. Однако имеющиеся погрешности в содержании указанной нормы оказывают существенное влияние на эффективность ее применения. В статье подвергается критике имеющаяся редакция ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» УК РФ. Сделаны выводы и даны предложения по формулированию уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: суицид, доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, содействие в совершении самоубийства.

GRIMALSKAYA Svetlana Alexandrovna,
PhD in Law,
associate Professor of the Department of legal regulation of economic activity
Department at Financial University under Russian Federation government,
associate Professor of Criminal Law Moscow state regional University»

TO THE QUESTION OF DESIGN STANDARDS OF LIABILITY FOR INDUCEMENT TO COMMIT SUICIDE OR ASSISTING SUICIDE

Annotation. Criminalization of inducement to commit suicide or assist in committing suicide pursuing good purpose – strengthening of the state policy in the sphere of protection of life. However, the existing errors in the content of this rule have a significant impact on the effectiveness of its application. The article criticizes the existing version of article 110.1 “Inducement to commit suicide or assistance in committing suicide” of the Criminal Code. The conclusions and suggestions on the formulation of Criminal Law.

Key words: suicide, inducement to suicide, inducement to suicide, assistance in committing suicide.

Основной Закон весьма категорично и однозначно определяет, что высшей ценностью государства является человек, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. В свою очередь, охрана жизни – задача чрезвычайной, первостепенной важности.

В то же время ошибочно полагать, что пристальное внимание следует уделять лишь вопросам борьбы с убийствами. Как показывает наша реальность, не менее, а в какой-то степени и более актуальной проблемой являются так называемые суицидальные преступления.

Суицидальная активность населения – своего рода лакмусовая бумажка, демонстрирующая состояние психического здоровья населения в том или ином государстве. За последние пять лет статистика суицидов в России выглядит следующим образом: 2013 г. – 28 779 случаев, 2014 г. – 26 606, 2015 г. – 24 982, 2016 г. – 22 839, 2017 г. – 20 278¹.

Под суицидом следует понимать действие с фатальным результатом, которое было наме-

¹ См.: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

ренно начато и выполнено умершим в осознании и ожидании фатального результата, посредством которого умерший реализовал желаемые изменения [1].

В настоящее время наметилась устойчивая тенденция, когда принятие решения о самоубийстве обусловлено внешним воздействием на лиц, их совершающих, со стороны других лиц.

До июня 2017 г. в отечественном уголовном законодательстве содержалась лишь одна норма, предусматривавшая ответственность за подобного рода воздействие, а именно - ст. 110 «Доведение до самоубийства» УК РФ. При этом практика привлечения к уголовной ответственности за доведение до самоубийства была ничтожно мала. Такое положение дел обуславливалось формальной определенностью способов доведения до самоубийства, благодаря чему достаточно большой спектр способов воздействия на принятие решения о совершении суицида не находил должной правовой оценки.

Вероятно, в целях восполнения имеющегося пробела Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ УК РФ был дополнен ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства».

Неоспорим тот факт, что, криминализируя склонение к совершению самоубийства или содействие самоубийству, законодатель преследовал благую цель. Но все же на сегодняшний день следует признать законодательную конструкцию ст. 110.1 УК РФ, не лишенной недостатков, что не только вызывает определенного рода дискуссию на теоретическом уровне в научных кругах, но и, прежде всего, затруднения у правоприменителя в процессе квалификации преступления.

Объективная сторона анализируемого деяния характеризуется деянием в форме действия, совершаемого одним лицом в отношении другого, а именно - склонение к совершению самоубийства.

Термин «склонение» обозначает совершение ряда альтернативных противоправных действий, обращенных на возбуждение у потерпевшего желания совершить самоубийство, в результате чего он либо осуществляет самоубийство, либо предпринимает попытку его совершения.

Целесообразно раскрыть содержание всех способов склонения к совершению самоубийства. Начнем с первого. Под уговором в русском языке понимают советы и наставления [2]. Советом же, в свою очередь, выступает высказанное мнение, указание одного лица к другому лицу, в отношении того, как ему подобает поступить. Касательно уговора склонения к самоубийству в уголовном праве законодателем не раскрыто данное понятие. Под уговором как способом

склонения к совершению самоубийства следует понимать систематическое психологическое воздействие на сознание потерпевшего, осуществляемое с целью внушения решимости совершить самоубийство.

Обман как способ склонения к совершению самоубийства представляет собой умышленное влияние на психику лица путем изложения ложных сведений касательно ряда событий, обстоятельств, фактов, а также введение его в заблуждение или поддержание уже имеющихся ложных представлений посредством искажения реальности с целью склонить это лицо к совершению самоубийства.

Из-за отсутствия толкования в уголовном праве такого способа, как подкуп, обратимся к этимологии слова, согласно которой подкупом признают предоставления конкретному лицу материальной выгоды за выполнение этим лицом определенных действий. В соответствии же с психологией подкупом является способ вызова интереса или расположения лица с помощью предоставления ему другим лицом интересующего блага, может быть как открытым, так и посредством манипуляций. Ввиду изложенного подкупом как способом склонения к совершению самоубийства будет умышленное влияние или мотивирование лица к совершению самоубийства путем дачи ему необходимого ему блага.

Под предложениями как способом склонения к совершению самоубийства, на наш взгляд, следует понимать предложения ряда вариантов, оказывающих психологический призыв лиц к совершению самоубийства. К таким вариантам отнесем: просмотр видеозаписей суицидов других людей, сочинение суицидальных стихов, нанесение себе физического вреда. Все указанные варианты были предложены кураторами «групп смерти», их выполнение привело подростков к совершению самоубийства.

Относительно момента окончания анализируемого нами преступления в учебной литературе было высказано мнение, что на основании законодательной конструкции ч. 1 ст. 110.1 УК РФ следует признать, что склонение к совершению самоубийства является окончанным с момента склонения независимо от фактически наступивших последствий в виде самоубийства или покушения на самоубийство потерпевшего в результате деяния виновного лица [3], т.е. речь идет о формальной конструкции состава преступления.

В то же время А.В. Быков указывает, что, поскольку момент окончания преступления, предусмотренного ч. 1 - 3 ст. 110.1 УК РФ, связан не с полным завершением действий, выражающих социальный и юридический смысл этого преступления, а с совершением лишь части этих действий, что в общетеоретическом плане означало

бы покушение на преступление или даже приготовление к нему, содеянное относится к усеченному составу преступления. Однако, на наш взгляд, это вряд ли следует признать обоснованным. Для подтверждения выдвинутого нами тезиса представляется целесообразным остановиться на характеристике объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 110 «Доведение до самоубийства» УК РФ [4].

В соответствии с диспозицией ст. 110 общественно опасное деяние выражается в форме действия, а именно - в доведении лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего.

Состав по конструкции материальный, преступление считается оконченным лишь в случае, если со стороны потерпевшего имел место факт суицида или покушения на самоубийство.

И тут возникает некая правовая коллизия, противоречащая положениям доктрины права относительно степени общественной опасности преступления. Одним из показателей степени общественной опасности тех или иных преступлений является способ совершения преступления. Вполне очевидно, что способы склонения к совершению самоубийства по степени общественной опасности уступают способам доведения до самоубийства. И более логичной представляется усеченная конструкция доведения до самоубийства, нежели склонения к самоубийству. Однако в действующей редакции УК РФ имеет место быть явное несоответствие в оценке степени общественной опасности доведения до самоубийства и склонения к самоубийству в контексте определения момента окончания этих преступлений.

Приводимые доводы не только сводятся к теоретической полемике, но и заставляют задуматься о практической значимости исследуемой проблемы. Нынешняя редакция ч. 1 ст. 110.1 УК РФ, на наш взгляд, не позволяет дать однозначный ответ на вопрос: «На основании чего правоприменителем принимается решение о том, что действия склоняющего лица сформировали у потерпевшего желание уйти из жизни?»

Существует мнение, что не должно стать препятствием для такой квалификации действий виновного по ч. 1 ст. 110.1 УК РФ то обстоятельство, что на неопределенное количество потерпевших, а также независимо от того, удалось побудить кого-либо из потенциальных жертв к суициду или нет [5].

Как представляется, любое склонение к чему-либо имеет очень точечный, конкретный характер. Не является исключением и склонение к самоубийству, которое также носит адресный

характер и должно быть направлено на склонение к самоубийству конкретного лица или группы лиц. А некая безадресность побуждающего импульса на самоубийство – это уже признак ст. 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» УК РФ. Нет сомнений, что конструкция данного состава носит формальный характер.

Следует напомнить, что норма ст. 110.1 УК РФ является относительно новой, сложившейся практики по данной категории дел на сегодняшний день еще нет, как, впрочем, отсутствуют и разъяснения Верховного Суда РФ.

По нашему мнению, закрепляя общественно опасное деяние как «склонение» либо «вовлечение» в том или ином составе преступления, законодатель, по сути, указывает на специальный вид подстрекательства. Хотя вряд ли корректно применительно к склонению к самоубийству говорить именно как о подстрекательстве к преступлению в силу того, что в настоящее время самоубийство не является преступлением. Нам принципиально важно понять, как же доктрина и судебная практика раскрывают содержание таких действий, как склонение или вовлечение для того, чтобы уяснить смысл общественно опасного деяния, описанного в диспозиции ч. 1 ст. 110.1 УК РФ.

Определяя объективные признаки подстрекательства, законодатель указывает, что подстрекателем следует признавать лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления одним из альтернативных способов, а именно - посредством уговора, подкупа, угрозы или другим способом [6]. Исходя из толкования термина «склонившее», мы можем прийти к выводу, что речь идет о том, что действия, направленные на формирование желания на совершение преступления, увенчались успехом и возникшее желание было реализовано.

Осуществляя толкование определений «склонение» и «вовлечение», Верховный Суд РФ проявил непоследовательность, выразившуюся в явное противоречие.

Остановимся на этом подробнее. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [7] в п. 27 указывает, что для признания преступления, предусмотренного ст. 230 «Склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ» УК РФ, оконченным нет необходимости в том, чтобы склоняемое лицо, поддавшись воздействию со стороны склоняющего, осуществило фактическое потребление наркотического средства или психотропного вещества.

В то же самое время в п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [8] обозначена качественно иная позиция относительно момента окончания общественно опасного деяния. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий признается оконченным именно в тот момент, когда несовершеннолетним будет совершено преступление, в которое он вовлекался, а равно приготовление к его совершению либо покушение на преступление или совершено хотя бы одно из антиобщественных действий.

Представляется целесообразным все же признавать склонение к самоубийству оконченным преступлением не с момента совершения действий, которые возможно будут способствовать возникновению у потерпевшего желания на совершение самоубийства, а именно - с момента совершения самоубийства склоняемым или покушения на самоубийство.

Содействие в самоубийстве (ч. 2 ст. 110.1 УК РФ) выражено в форме действия, а именно - содействие совершению самоубийства путем исчерпывающих, альтернативных способов: дачей советов, указаний, предоставление информации, средств, орудий совершения самоубийства либо устранение препятствий к его совершению или дачей обещания скрыть средства или орудия совершения самоубийства.

Остановимся на каждом из данных способов. Так, советом являются указание и наставление, что надо делать в определенной ситуации. Опираясь на это, под советом как способом содействия самоубийства следует понимать объяснения и рекомендации субъекта преступления по поводу, когда именно, как и каким образом лучше всего совершить самоубийство, данное потерпевшему лицу. Советы и указания - схожие понятие, их различие заключается лишь в том, что к указаниям относятся разъяснение и наставление, как действовать в конкретной ситуации. Исходя из данного указания как способа содействия, это - поучение, как именно нужно совершить самоубийство, и какой способ при этом выбрать. Советы и указание могут быть даны лицу как письменно, так и в устной форме. По мнению О.В. Артюшиной, «указание совершить самоубийство характеризует не содействие, а склонение так, как по смыслу закона при содействии виновный действует при уже готовом желании потерпевшего покончить с собой, а при склонении - сам «формирует» такое решение. Указание сделать что-либо, безусловно, является вариантом управления поведением другого чело-

века. Оно должно влечь большую ответственность, чем содействие (помощь)» [9].

Еще одним способом содействия совершению самоубийства является предоставление информации, выражающееся в умышленном предоставлении лицу сведений о различных вариантах, методах, средствах и орудиях для совершения самоубийства. К средствам и орудиям относятся любые предметы, предоставленные лицу и использованные им для совершения самоубийства.

Такие способы, как устранение препятствий, обещание скрыть средства и орудия совершения самоубийства, влияют на готовность лица совершить самоубийство. Обещание и устранение препятствий выражены не только в словесном убеждении, но и в выполнении содействующим лицом действий.

Снова встает вопрос об определении момента окончания преступления. Так как в диспозиции ч. 2 ст. 110.1 УК РФ отсутствует указание на последствия и причинную связь, мы опять же определяем конструкцию состава преступления как формальную.

Следует, однако, обратить внимание на тот факт, что «содействовать» в толковых словарях означает способствовать кому-либо до приведения к нужному результату [10]. В контексте анализируемого нами состава преступления термин «содействие» означает оказание практической помощи в самоубийстве лицу, который сам изъявил желание совершить самоубийство. Именно из-за самостоятельного принятия решения совершения самоубийства лицом имеют существенное различие ч. 1 ст. 110.1 УК РФ и ч. 2 указанной статьи. Но при этом все же помощь должна оказываться, по нашему мнению, в процессе акта суицида, решение о котором принято самостоятельно. Притом и сам акт суицида, и оказываемая в процессе его совершения помощь любым из альтернативно перечисленных способов должны иметь результат или итог, а именно - факт самоубийства или покушения на самоубийство.

Следующее противоречие, требующее скорейшего устранения - явное превосходство репрессивности санкции ч. 2 ст. 110.1 УК РФ по отношению к ч. 1 этой же статьи. Как уже ранее упоминалось, склонение к совершению самоубийства по своему содержанию имеет сходство с подстрекательством к совершению преступления. В то время как содействие в совершении самоубийства в своем внешнем проявлении схоже с пособничеством.

В случае содействия совершению самоубийства лицо тем или иным способом укрепляет решимость потерпевшего, принявшего самостоятельное решение о совершении акта суицида. В

то время, как склоняя к совершению самоубийства, именно действия виновного и формируют у потерпевшего намерение совершить самоубийство. Как предписывают законодатель и учение о соучастии, действия подстрекателя оцениваются как более опасные в сравнении с пособничеством, что, в частности, нашло свое отражение в правилах о добровольном отказе от преступления (ч. 4 ст. 34 УК РФ). Соответственно, степень общественной опасности склонения к совершению самоубийства выше, чем у содействия совершению самоубийства.

В целях устранения выявленных противоречий представляется целесообразным внести изменения в ч. 1 и 2 ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» УК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«1. Возбуждение у лица решимости осуществить самоубийство путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства, если лицо совершило самоубийство или покушение на самоубийство (склонение к самоубийству), –

наказывается ограничением свободы на срок до трех лет либо принудительными работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься

определенной деятельностью на срок до четырех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до четырех лет или без такового.

2. Содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению, или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства, если эти деяния повлекли самоубийство или покушение на самоубийство, –

наказывается ограничением свободы на срок до двух лет либо принудительными работами на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового».

Фиксация в диспозиции в ч. 1 и 2 ст. 110.1 УК РФ общественно опасных последствий в виде самоубийства или покушения на самоубийство логически предполагает декриминализацию деяний, предусмотренных ч. 4 и 5 ст. 110.1 УК РФ.

Список литературы:

[1] Говорин Н.В., Сахаров А.В. Суицидальное поведение: типология и факторная обусловленность. - Чита: Изд-во «Иван Федоров», 2008. - С. 178

[2] Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Справочное издание. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/уговор>

[3] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. Т. 1. Разд. I—VIII / отв. ред. В. М. Лебедев. — 15-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд-во «Юрайт», 2017 [Электронный ресурс] - Режим доступа «КонсультантПлюс» (дата обращения; 03.02.2019).

[4] Быков А.В. Уголовно-правовые проблемы криминализации возбуждения суицидального поведения и способствования в совершении самоубийства [Текст] / А.В. Быков // Российская юстиция. - 2017. - № 11. - С. 57–60.

[5] Шарапов Р.Д., Смахтинн Е.В. Новые основания уголовной ответственности за вовлечение в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Всероссийский криминологический журнал. - 2018. - Т. 12. - № 3. - С. 349 - 357.

[6] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (в ред. от 27.12.2018) [Электронный ресурс] - Режим доступа «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.02.2019).

[7] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [Электронный ресурс] - Режим доступа «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.02.2019).

[8] Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. N 1 г. Москва «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [Электронный ресурс] - Режим доступа «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.02.2019).

[9] Артюшина О.В. Новеллы УК РФ о противодействии деятельности, направленной на побуждение несовершеннолетних к суицидальному поведению // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2017. - № 3 (29). - С. 85 - 92.

[10] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. - М., 2018. - С. 900.

Spisok literatury:

[1] Govorin N.V., Saharov A.V. Suicidal'noe povedenie: tipologiya i faktornaya obuslovlennost'. - Chita: Izd-vo «Ivan Fedorov», 2008. - S. 178

[2] Kuznetsov S.A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Spravochnoe izdanie. — SPb.: Norint, 2000. — 1536 s. [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/ugovor>

[3] Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: v 2 t. T. 1. Razd. I—VIII / otv. red. V. M. Lebedev. — 15-e izd., pererab. i dop. — M.: Izd-vo «Yurajt», 2017 [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya; 03.02.2019).

[4] Bykov A.V. Ugolovno-pravovye problemy kriminalizacii vozbuzhdeniya suicidal'nogo povedeniya i sposobstvovaniya v sovershenii samoubijstva [Tekst] / A.V. Bykov // Rossijskaya yusticiya. - 2017. - № 11. - S. 57–60.

[5] Sharapov R.D., Smahtinn E.V. Novye osnovaniya ugolovnoj otvetstvennosti za vovlechenie v samoubijstvo i inoe opasnoe dlya zhizni povedenie // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. - 2018. - T. 12. - № 3. - S. 349 - 357.

[6] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-FZ (v red. ot 27.12.2018) [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 03.02.2019).

[7] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 15 iyunya 2006 g. N 14 «O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah, svyazannyh s narkoticheskimi sredstvami, psihotropnymi, sil'nodejstvuyushchimi i yadovitymi veshchestvami» [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 03.02.2019).

[8] Postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 1 fevralya 2011 g. N 1 g. Moskva «O sudebnoj praktike primeneniya zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osobennosti ugolovnoj otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnih» [Elektronnyj resurs] - Rezhim dostupa «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 03.02.2019).

[9] Artyushina O.V. Novelly UK RF o protivodejstvii deyatel'nosti, napravlennoj na pobuzhdenie nesovershennoletnih k suicidal'nomu povedeniyu // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. - 2017. - № 3 (29). - S. 85 - 92.

[10] Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. - M., 2018. - S. 900.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

DOI:10.24412/2224-9125-2021-5-82-89
NIION: 2021-0079-4/21-036
MOSURED: 77/27-025-2021-04-036

АЛПАТОВ Ю.М.,
доктор юридических наук,
Президент Регионального общественного фонда
содействия защите прав граждан «Взаимодействие»,
член-корреспондент Российской академии естественных наук,
Почетный адвокат России,
e-mail: mail@law-books.ru

ГРЕБЕННИКОВ В.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой судебной власти,
правоохранительной и правозащитной деятельности
Юридического института Российского университета дружбы народов,
эксперт РАН, Заслуженный юрист РФ,
e-mail: mail@law-books.ru

ГРУДЦЫНА Л. Ю.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор Департамента правового регулирования
экономической деятельности Финансового университета
при Правительстве РФ, эксперт РАН,
Почетный адвокат России,
e-mail: mail@law-books.ru

МОЛЧАНОВ С. В.,
кандидат юридических наук, доцент,
ученый секретарь ФГБНУ «Институт управления образованием»
Российской академии образования,
e-mail: mail@law-books.ru

САНГАДЖИЕВ Б.В.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры судебной власти,
правоохранительной и правозащитной деятельности
Юридического института Российского университета дружбы народов,
e-mail: mail@law-books.ru

13.00.08 - теория и методика профессионального образования

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ (НАДЗОР) В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В настоящее время в Российской Федерации принимаются меры по совершенствованию управления экономикой учреждений высшего профессионального образования, по переходу российских учреждений на современные эффективные механизмы управления своей экономикой. Причиной этому служит естественная заинтересованность государства в том, чтобы выделенные при финансировании государством средства использовались эффективно, что позволит как сократить расходы на высшее образование, так и повысить качество образовательных услуг.

Ключевые слова: государственный контроль, управление образованием, финансирование, образовательная программа, непрерывное образование, высшее образование.

ALPATOV YU.M.,
doctor of jurisprudence, President of Regional public fund
of assistance to protection of the rights of citizens «Interaction»,
corresponding member of the Russian Academy
of Natural Sciences, Honourable lawyer of Russia

GREBENNIKOV V.V.,

doctor of jurisprudence, professor, head of the department of judicial authority, law-enforcement and human rights activity of Legal institute of Peoples' Friendship University of Russia, expert of RAS, Honored lawyer of the Russian Federation

GRUDTSYNA L.YU.,

doctor of jurisprudence, professor, professor of Department of legal regulation of economic activity of Financial University under the Government of the Russian Federation, expert of RAS, Honourable lawyer of Russia

MOLCHANOV S.V.,

Candidate of Law Sciences, associate professor, scientific secretary of FGBNU «Institute of management of education» of the Russian Academy of Education

SANGADZHIEV B.V. ,

doctor of jurisprudence, professor, professor of department of judicial authority, law-enforcement and human rights activity of Legal institute of Peoples' Friendship University of Russia

THE STATE CONTROL (SUPERVISION) IN EDUCATION

Annotation. Now in the Russian Federation measures for improvement of management of economy of institutions of higher professional education, for transition of the Russian institutions to modern effective mechanisms of management of the economy are taken. As the reason for that serves natural interest of the state in that allocated when financing of funds by the state were used effectively that will allow both to cut down expenses on the higher education, and to increase quality of educational services.

Key words: state control, management of education, financing, educational program, continuous education, the higher education.

Среди отличительных признаков образования в XXI в. – демократизация, проявляющаяся в формах общедоступности высшего образования и создания системы непрерывного образования; многоуровневость и многовариантность образовательных программ; интернационализация, доказательством которой являются академическая и профессиональная мобильность студентов и преподавателей, признание документов об образовании. Особо следует отметить интенсивную трансформацию содержания, методов преподавания, внедрение передовых образовательных и информационных технологий. Вместе с тем, эффективность функционирования отечественной высшей школы оставляет желать лучшего. Об этом говорят работодатели, вынужденные доучивать вчерашних выпускников учреждений высшего профессионального образования. Это же подтверждают данные о доле лиц с высшим образованием в структуре населения: по данным переписи в 2010 г. она не превышала 16%, тогда как многочисленные исследования показывают, что в постиндустриальном обществе она не должна быть ниже 30%. [11] Вместе с тем, наметившаяся в начале века тен-

денция позволяет прогнозировать рост этого показателя. [13]

Для стимулирования перехода российских учреждений высшего профессионального образования на современные эффективные механизмы управления своей экономикой в целях повышения международной конкурентоспособности отечественной системы высшего образования необходимо внедрять современные и эффективные механизмы управления учреждениями высшего профессионального образования. И, прежде всего, государство должно создать условия для осуществления многоканального финансирования, а оно в свою очередь, поможет учреждению высшего профессионального образования решать самостоятельно финансовые вопросы, повысить и качество образования, поднять уровень науки, обеспечить государство нужными квалифицированными кадрами, сделать учреждение более конкурентоспособными на международном рынке.

Говоря о государственном стимулировании перехода учреждений высшего профессионального образования на эффективные механизмы управления экономикой, необходимо, прежде

всего, определится, что подразумевается под понятием механизм управления экономикой. И здесь, представляется необходимым, согласиться с мнением А.П. Егоршина и Н.Д. Никандрова, согласно которому, под механизмом управления экономикой учреждения высшего профессионального образования подразумевается множество взаимосвязанных элементов (звеньев), составляющих единое целое, реализующих процесс управления экономикой учреждения высшего профессионального образования для достижения поставленных целей управления. [10]

Основными элементами механизма управления экономикой учреждения высшего профессионального образования являются: цели, принципы управления, концепции управления, миссия и философия учреждения, закономерности и методы управления, персонал, структура и регламент управления, техника и технология управления, управленческое решение. Все эти элементы в совокупности своей создают механизм управления экономикой учреждения высшего профессионального образования. [12]

Успешное функционирование и развитие учреждения высшего профессионального образования зависит от наличия именно эффективного механизма управления своей экономикой, позволяющего, с одной стороны, обеспечить достаточное и постоянное финансирование, с другой, - гарантировать эффективное использование ресурсов, в первую очередь, финансовых. [9]

Важным в этом аспекте является вопрос, - какой механизм управления экономикой учреждения высшего профессионального образования является эффективным. Логично предположить, что эффективен механизм того учреждения, которое отвечает набору критериев эффективности механизма управления экономикой, формирующегося с учетом двух направлений оценки ее функционирования:

1. По степени соответствия достигаемых результатов установленным целям организации.
2. По степени соответствия процесса функционирования механизма объективным требованиям к его содержанию, организации и результатам. Конечным критерием эффективности служит возможность наиболее полного устойчивого достижения конечных целей механизма управления при относительно меньших затратах на ее функционирование.

Эффективный механизм управления экономикой российского учреждения высшего профессионального образования, опирающийся на современные принципы управления развитием

таких учреждений должен обеспечить адаптацию учреждения к новым экономическим и социальным условиям, определение стратегических ориентиров развития на перспективу. Успешность этого процесса определяется многими факторами, важное место среди которых занимают наличие информации об инновационном управленческом опыте, владение современными технологиями управления, наличие команды подготовленных и заинтересованных менеджеров образования, а также возможность опереться на профессиональную консалтинговую поддержку. [1]

Достижение этой цели обеспечивается решением следующих задач:

1. Внедрение стратегического менеджмента в управленческую практику российских учреждений высшего профессионального образования.
2. Включение сообщества учреждений высшего профессионального образования в принятие стратегических решений в университетах.
3. Содействие комплексному развитию университетов, укреплению их экономики.
4. Мобилизация и интеграция внутренних интеллектуальных, материально-технических, творческих ресурсов развития учреждений высшего профессионального образования.
5. Укрепление взаимодействия между учреждениями высшего профессионального образования на региональном, межрегиональном уровне.
6. Создание механизмов привлечения внешних финансовых, материальных и гуманитарных ресурсов для развития учреждений высшего профессионального образования.
7. Формирование привлекательного имиджа учреждений высшего профессионального образования и благоприятного инвестиционного климата для бизнес-окружения.

Приступая же к созданию эффективного механизма управления экономикой учреждения высшего профессионального образования, прежде всего, необходимо исследовать все действующие на него факторы и определить наиболее приоритетные пути развития. [8]

Небезынтересным в этом аспекте является вопрос о том, какие механизмы управления экономикой учреждения высшего профессионального образования знает история, и здесь необходимо отметить, что в процессе развития российского образования существовали самые различные модели управления экономикой российских учреждений высшего профессионального образования.

Так, период с 1992 по 2002 гг. в целом характеризуется переходом от жестко централизованной модели управления экономикой учреждений высшего профессионального образования, для которых государство было основным заказчиком, стратегическим инвестором и управляющим, к модели «выживания» университетов в ситуации резкого сокращения их госбюджетного финансирования. Во-первых, выяснилось, что стратегию, обозначенную как «Максимальное качество», на рубеже 2000-х гг. реализовывали менее 10% из 313 учреждений. Во-вторых, для того же периода было отмечено формирование в России двух систем высшего образования, действующих в рамках разных стратегий развития: одни учреждения высшего профессионального образования продолжали ориентироваться в основном на получение бюджетного финансирования, другие сделали ставку на широкое привлечение внебюджетных средств. [7]

Разумеется, понятие «стратегии развития» следует применять к поведению российских университетов в данный период с большими оговорками. Целевая установка «развития» учреждений высшего профессионального образования тогда была связана, прежде всего, с «выживанием» посредством адаптации к системному финансовому шоку, но не с повышением своего потенциала по ключевым для этой сферы критериям (рост качества образовательных услуг в большинстве случаев не был приоритетом). Задачей финансового выживания мотивировались преобразования организационных структур, управленческих политик и рутин, причем в части стратегии превалировала, как правило, идея «сохранения», а не «развития». [5]

Реальностью стало само понятие «экономика учреждения высшего профессионального образования», механизмы управления которой сводились, как правило, к наращиванию платных форм обучения (нередко в ущерб их качеству), определенной децентрализации системы управления в ряде учреждений высшего профессионального образования (сохранение на уровне подразделений части внебюджетных доходов). Обновление спектра специальностей, появление новых факультетов происходило с большим трудом, стремление руководства университетов к сохранению кадров и традиций учреждений высшего профессионального образования превалировало над общеорганизационными управленческими инновациями. Даже в тех случаях, когда отдельные факультеты университета получали немислимую ранее финансово-хозяйственную самостоятельность, общеуниверситетская структура оставалась в значительной мере традиционной, что объяснялось как огромными трудностями перестройки всей управленческой

системы, особенно крупных учреждений высшего профессионального образования, так и эффектами организационной инерции, давления укоренившихся организационных принципов и норм. [3]

В рамках университетов, имевших такие проекты в период 1992-2002 гг. успешно формировалась организационная культура, нацеленная на конкуренцию на рынке образовательных услуг. Таким образом, можно сделать вывод, что в данный промежуток времени государство пыталось применить меру государственного стимулирования учреждений высшего профессионального образования путем уменьшения финансирования тем самым, поставив перед учреждениями задачу финансового выживания.

С 2003 года наступил этап профессионализации управления экономикой учреждений высшего профессионального образования. В отличие от первого этапа, когда переход к элементарным принципам функционирования в условиях рыночной экономики был стержневой задачей адаптации российских университетов, на данном, втором этапе такой задачей стала модернизация системы отечественного высшего образования в целях его соответствия требованиям общемировой тенденции перехода к экономике знаний. Полезно разделять необходимое и достаточное условия такой модернизации. Ее необходимым условием является создание реальной конкурентной среды в этой отрасли национальной экономики, для чего государству и обществу в целом следует пойти на масштабные и глубокие институциональные изменения в сфере образования. Однако самые разумные и решительные подобные меры государства, а также культивирование им характерных для ведущих стран современного мира продуктивных взаимоотношений общества, бизнеса и университетов нуждаются в дополнении их работой по созданию субъектами конкуренции в данной отрасли собственных отличительных конкурентных преимуществ. Поэтому в качестве своего рода достаточного условия названной модернизации является то, что российским университетам, стремящимся к эффективному соответствию условиям рыночного соперничества в постоянно усложняющемся современном мире, неизбежно придется научиться самостоятельно принимать принципиальные решения о своем стратегическом развитии. [5]

Данный этап отличается тенденцией к становлению моделей управления российскими университетами, типичных для стратегий и структур их аналогов в странах с развитой рыночной экономикой, причем с учетом ее особенностей в условиях информационной эпохи. Это предполагает наличие специально разработанных стратегий развития и соответствующих им организаци-

онных структур. Государство помогает учреждениям высшего профессионального образования разработать стратегии путем создания концепции модернизации российского образования, в которой изложены основные принципы образовательной политики в России. Однако задача профессионализации управления российскими университетами усложняется тем, что помимо ее общего решения им необходимо (в контексте вопроса о конкурентоспособности страны в XXI веке) быстро осваивать также концепции и умения университетского менеджмента, специфические для современного мирового рынка образовательных услуг.

Для разработки успешной стратегии развития учреждений высшего профессионального образования в 2000-е годы следует учитывать тот факт, что сегодня требуется создание механизмов управления, адекватных, образно выражаясь, «новой войне». Речь идет о возникновении в текущее десятилетие ряда системных шоков, совершенно новых для отечественной высшей школы.

По сути, речь идет о необходимости нового типа «бизнес-модели» (системы рутинизированных управленческих решений относительно внутренних и внешних бизнес-процессов) для российских университетов, претендующих на долгосрочную сопоставимость с лучшими университетами мира. Показательно, что даже в российских школах бизнеса, которые некоторые ведущие специалисты справедливо рассматривают как претендентов на роль локомотивов реформ в управлении отечественным высшим образованием, [6] доминирующая пока бизнес-модель по ряду важнейших параметров (финансирования, организации процесса создания новых знаний и др.) отстает от принципов функционирования, принятых ныне в мировом бизнес-образовании. [2]

Таким образом, видно, как изменялись модели управления экономикой учреждений высшего профессионального образования, приобретая более профессиональный характер, однако для того чтобы нынешние учреждения высшего профессионального образования были более конкурентоспособны на мировом рынке, учреждениям нужно осваивать университетский менеджмент и соответствовать условиям, которые диктует рыночная экономика.

Нынешний университетский менеджмент имеет свои модели управления учреждений высшего профессионального образования:

1. Оперативное управление.

Характеризуется отсутствием регламентов, решение вопросов по мере поступления, часты авралы и конфликты.

2. Регламентное управление.

Характерными чертами, его можно назвать наличие регламентов, стандартов, реализация стратегии.

3. Стратегическое управление.

Несмотря на значительное многообразие определений стратегического управления, его суть состоит в определении природы и механизмов создания устойчивых конкурентных преимуществ организации.

4. Факторы управления экономикой, сопоставимые с мировыми стандартами. К таковым относятся:

- стратегии развития как «предпринимательских университетов»;
- профессионализация кадрового обеспечения большинства управленческих задач;
- приоритет внешних критериев оценки деятельности университетов;
- многоканальное финансирование.

Как видно из перечисленного, структурные подходы вытекают из исходного понимания университета как предпринимательского, то есть из стратегического выбора им конкретной модели функционирования и развития.

Государственное стимулирование учреждений высшего профессионального образования является частью (элементом) государственного управления, когда государство заинтересовывает, дает толчок учреждениям высшего профессионального образования, для того чтобы оно стало осуществлять свою деятельность более эффективно и в том числе переходило на более эффективные механизмы своей экономики. В отличие от непосредственного управления, государственное стимулирование учреждений высшего профессионального образования заключается не в направлении деятельности учреждения, действовать в каком - либо русле, обязательном порядке выполняя предписания управляющего органа, а в побуждении учреждения действовать добровольно, двигаясь к поставленной государством цели, при этом государство использует определенные меры.

Меры государственного стимулирования высшего образования должны сочетаться с усилением роли органов государственной власти и управления образованием в обеспечении совместно с общественностью высокого и современного качества работы образовательных учреждений и организаций, независимо от их организационно-правовых форм, систематическом анализе перспективных потребностей рынков труда.

Государство может стимулировать учреждения высшего профессионального образования, используя следующие меры:

1. Формирование благоприятного климата для привлечения кадрового состава на работу в

учреждения высшего профессионального образования.

Для того чтобы привлечь кадры государство должно понимать мотивы и потребности преподавателей и сотрудников учреждения высшего профессионального образования и правильно использовать стимулы к труду. Благоприятный климат для привлечения квалифицированного персонала можно создать путем повышения оплаты труда, повышения квалификации персонала, предоставления льгот, жилья. Для этого государству необходимо закрепить данные привилегии на законодательном уровне путем внесения изменений и дополнений в действующее законодательство, а именно в Федеральный закон «О высшем и послевузовском образовании», Трудовой кодекс.

2. Государственные «заказы» кадров.

В условиях нестационарной российской экономики, для которой характерны переходные процессы, особое значение приобретает создание эффективного инструментария государственного регулирования процессов подготовки квалифицированных рабочих и специалистов, обеспечивающих устойчивое социально-экономическое развитие на инновационной основе. Государственное стимулирование в виде осуществления «заказов» кадров позволит повысить социально-экономическую эффективность бюджетных средств, выделяемых на профессиональное образование за счет подготовки квалифицированных рабочих и специалистов по востребованным на рынке труда профессиям и специальностям. [14]

Основной целью государственного заказа является повышение эффективности подготовки кадров. Государственный (региональный) заказ формируется на основе прогнозируемой потребности отраслевых органов исполнительной власти, Федеральной службы занятости населения и ее региональных отделений, в квалифицированных рабочих и специалистах по укрупненным группам специальностей. При подготовке проекта государственного (регионального) заказа большое внимание должно уделяться отраслевым территориальным особенностям размещения заказа и его соответствия перспективам социально-экономического развития. Характерной чертой государственного (регионального) заказа на подготовку кадров является его размещение среди образовательных организаций на конкурсной основе.

При формировании государственного заказа основной акцент делается на реализацию задач, определенных основными направлениями социально-экономической политики на среднесрочную и долгосрочную перспективу и возрастающую роль образования в модернизации эко-

номики, обеспечения условий для ее перехода на инновационный путь развития. Инвестиции в повышение качества профессионального образования являются условием устойчивого развития всех секторов экономики.

Экономическим стимулом участия образовательных учреждений в конкурсе на подготовку кадров должен являться повышенный норматив бюджетного финансирования стоимости обучения в расчете на одного учащегося. Для этого государство должно пересмотреть нормативы бюджетного финансирования и при разработке новых нормативов предусмотреть не только затраты текущего характера, но предусмотреть средства на финансирование образовательным учреждением инновационной деятельности.

Обоснованием значительного повышения финансирования высшего профессионального образования является необходимость существенного повышения его качества и конкурентоспособности за счет повышения темпов инновационного обновления содержания и структуры высшего образования, коренной модернизации и технического перевооружения материально-технической базы учебно-воспитательных процессов.

3. Государственные «заказы» научных исследований.

Задача государства - это выстраивание всей деятельности ученых и студентов в направлении создания интеллектуальной собственности, инновационного развития. Главное, что должно сделать государство - все бюджетные заказы на научные исследования и проектные разработки производить только через учреждения высшего профессионального образования. Единственным исполнителем таких государственных заказов должно стать аккредитованное учреждение высшего профессионального образования. Таким образом, наука была бы задействована на участие в образовательном процессе: были бы созданы научные школы, учреждения высшего профессионального образования были бы оснащены современным оборудованием.

4. Гранты.

Одним из вариантов государственного стимулирования учреждений высшего профессионального образования является финансирование последних за счет грантов. Гранты выделяются на конкурсной основе в качестве целевых адресных субсидий на проведение за определенный период времени конкретных научно-исследовательских работ. В отличие от сметного порядка финансирования грант имеет целевой характер и ориентирован на решение определенной проблемы (задачи), что обуславливает его адекватные финансовое наполнение и сроки реализации.

Получатели грантов распоряжаются ими в соответствии с законодательством Российской Федерации или в случае их использования на территории иностранного государства в соответствии с законодательством этого государства, а также на условиях, на которых эти гранты выделяются.

5. Многоканальное финансирование.

В отличие от обычного финансирования, при многоканальном финансировании учреждения высшего профессионального образования имеет дополнительные доходы от оказания платных услуг разного вида, который может самостоятельно расходоваться учреждением для достижения своих уставных целей.

Однако многие учреждения высшего профессионального образования находятся на такой стадии развития, когда привлекаемые внебюджетные средства полностью направляются на покрытие текущих расходов (выплату заработной платы, уплату коммунальных платежей и т.д.). Поступившие средства расходуются полностью, а накопления средств в целях обеспечения материально-технического развития учреждения высшего профессионального образования не происходит. [4]

Государство само признает фактическую многоканальность финансирования образовательного процесса и это подтверждается вводом

образовательных ваучеров, так называемых трансфертов, избирательно выдаваемых студенту и позволяющие ему осуществлять выбор на рынке образовательных услуг. При этом государство можно будет рассматривать всего лишь как одного из инвесторов в сферу высшего образования - инвестора, который, как это следует из выступления министра, помогает не всем студентам-бюджетникам, а лишь малообеспеченным.

Используя многоканальное финансирование, как вариант государственного стимулирования государство дает возможность учреждению зарабатывать самостоятельно, что выгодно для государства, так как оно может сократить свои расходы на высшее образование. Более того, многоканальное финансирование даст возможность руководству учреждения высшего профессионального образования приобрести управленческий опыт. Ведь чтобы экономика учреждения стала более эффективной необходимо не только уметь зарабатывать деньги, но и правильно их использовать, что является еще одной проблемой учреждений высшего профессионального образования. Таким образом, многоканальное финансирование сможет решить сразу две проблемы: проблему финансирования и проблему повышения качества университетского менеджмента.

Список литературы:

- [1] Атерекова А., Журов А., Селезнев П. Перспективы российской инновационной сферы // Научно-аналитический журнал *Обозреватель - Observer*. 2007. № 3. С. 80-91.
- [2] Бакулина А.А. *Стоимостные аспекты обременений и ограничений*. - Москва, 2016.
- [3] Бакулина А.А., Растеряев К.О. Создание условий для устойчивого экономического роста в России // *Финансы: теория и практика*. 2017. Т. 21. № 3. С. 57-60.
- [4] Заболотный Е.Б., Майсаков Д.Л. Некоторые аспекты распределения внебюджетных средств в учреждениях высшего профессионального образования // *Университетское управление*. 2001. № 2(17). С. 50-54.
- [5] Катякало В.С. *Стратегии, структуры и новые задачи адаптации российских университетов // Модернизация экономики и выращивание институтов: в 2-х кн. / Отв. ред. Е.Г. Ясин*. - М.: Издательский Дом ГУ ВШЭ, 2005 г., С.1-5.
- [6] Кузьминов Я., Филонович С. *Бизнес-образование в России: институциональный аспект // Вопросы экономики*. 2004. № 1.
- [7] Линников А.С. *Экономические последствия расширения масштабов киберпреступности в России и мире // Банковское право*. 2017. № 5. С. 19-29.
- [8] Линников А.С., Карпов Л.К. *Международно-правовые стандарты регулирования банковской деятельности*. - Москва, 2014.
- [9] Линников А.С., Салмов А.Н., Вирин Ф.Ю. *Малое предпринимательство России в международном бизнесе и электронной коммерции*. - Москва, 2017.
- [10] *Менеджмент, маркетинг и экономика образования: учебное пособие / Под ред. А.П. Егоршина, Н.Д. Никандрова* - Новгород: НИМБ, 2004 г., С. 119.
- [11] *Российское образование к 2016 году. Аналитический обзор*. // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, <http://ed.informika.ru/uprav/obzor/233/print/>, 31.10.2016.

[12] Селезнев П., Трюэль Ж.-Л. Инструменты современной инновационной политики: сравнительный анализ опыта Франции и России // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 9. С. 134.

[13] Селезнев П.С., Соснило А.И. Шестой технологический уклад и индустриализация // Власть. 2014. № 10. С. 14-23.

[14] Тодосийчук А.В. Теоретико-методологические проблемы развития инновационных процессов в образовании: монография. - М., 2005 г.С.18-19.

Spisok literatury:

[1] Aterekova A., Zhurov A., Seleznev P. Perspektivy rossijskoj innovacionnoj sfery // Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel' - Observer. 2007. № 3. S. 80-91.

[2] Bakulina A.A. Stoimostnye aspekty obremeneniya i ogranicheniya. - Moskva, 2016.

[3] Bakulina A.A., Rasterjaev K.O. Sozdanie uslovij dlja ustojchivogo jekonomicheskogo rosta v Rossii // Finansy: teorija i praktika. 2017. T. 21. № 3. S. 57-60.

[4] Zabolotnyj E.B., Majsakov D.L. Nekotorye aspekty raspredeleniya vnebjudzhetyh sredstv v uchrezhdenijah vysshego professional'nogo obrazovanija // Universitetskoe upravlenie. 2001. № 2(17). S. 50-54.

[5] Kat'kalo V.S. Strategii, struktury i novye zadachi adaptacii rossijskih universitetov // Modernizacija jekonomiki i vyrashhivanie institutov: v 2-h kn. / Otv.red. E.G. Jasin.- M.: Izdatel'skij Dom GU VShJe, 2005 g., S.1-5.

[6] Kuz'minov Ja., Filonovich S. Biznes-obrazovanie v Rossii: institucional'nyj aspekt // Voprosy jekonomiki. 2004. № 1.

[7] Linnikov A.S. Jekonomicheskie posledstvija rasshirenija masshtabov kiberprestupnosti v Rossii i mire // Bankovskoe pravo. 2017. № 5. S. 19-29.

[8] Linnikov A.S., Karpov L.K. Mezhdunarodno-pravovye standarty regulirovanija bankovskoj dejatel'nosti. - Moskva, 2014.

[9] Linnikov A.S., Salmov A.N., Virin F.Ju. Maloe predprinimatel'stvo Rossii v mezhdunarodnom biznese i jelektronnoj kommercii. - Moskva, 2017.

[10] Menedzhment, marketing i jekonomika obrazovanija: uchebnoe posobie / Pod red. A.P. Egorshina, N.D. Nikandrova - Novgorod: NIMB, 2004 g., S.119.

[11] Rossijskoe obrazovanie k 2016 godu. Analiticheskij obzor. // Oficial'nyj sajt Ministerstva obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii, Federal'noe agentstvo po obrazovaniju, <http://ed.informika.ru/uprav/obzor/233,print/>, 31.10.2016.

[12] Seleznev P., Trjujel' Zh.-L. Instrumenty sovremennoj innovacionnoj politiki: sravnitel'nyj analiz opyta Francii i Rossii // Regional'nye problemy preobrazovanija jekonomiki. 2014. № 9. S. 134.

[13] Seleznev P.S., Sosnilo A.I. Shestoj tehnologicheskij uklad i industrializacija // Vlast'. 2014. № 10. S. 14-23.

[14] Tudosijchuk A.V. Teoretiko-metodologicheskie problemy razvitija innovacionnyh processov v obrazovanii: monografija. - M., 2005 g.С.18-19.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

№ 5 (май)

2021 год

